

охота

и охотничье хозяйство

11

2000

Никогда не сдаваться!

В. СЛОБОДЕНЮК,
юрист, биолог-охотовед,
ст. научный сотрудник отд.
«Хозяйство и право» ВНИИОЗ

Многие практикующие юристы и адвокаты отмечают невысокий уровень правосознания российских граждан, их чрезмерное терпение и даже апатию. Поэтому не стоит удивляться сложившемуся в стране правовому беспределу, безответственным руководителям, которые приходят к власти. Как говорят: «Каков народ, таково и правительство».

И с этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, например, после выхода постановления Правительства России от 8 февраля 1999 года № 138, установившего предельные размеры платы за пользование практически всеми видами охотничьих зверей и птиц, никто из заинтересованных лиц (охотничьих организаций или охотников) должным образом не среагировал. А ведь в России миллионы охотников, сотни охотхозяйственных организаций, десятки средств массовой информации. Возмущались, прошли отменить, вели переговоры, но дальше дело не сдвинулось. Массовых судебных исков, обращений депутатов всех уровней не последовало. И как следствие, все губернаторы ввели на территории подведомственных им краев и областей конкретные размеры платежей.

Ради справедливости надо отметить, что в настоящее время в Российской Федерации статья 46 Федеральной Конституции, гарантирующая каждому судебную защиту его прав и свобод, фактически не действует, так как Конституционный Суд в одном из своих решений постановил, что суды общей юрисдикции не вправе признавать недействительными нормативные правовые акты Правительства РФ и глав субъектов РФ по вопросам совместного ведения, к которому отнесено природопользование (то есть и сфера охоты). Таким образом, те редкие жалобы охоторганизаций, поданные в суд на постановление Правительства от 08.02.99, не рассматривались по существу. Верховный Суд России направлял

заявителей в районный суд, а тот, в свою очередь, «отфутболивал» в Конституционный. Однако Конституционный суд рассматривает жалобы на законы, но не на постановления, приказы или инструкции.

Пока разбирались, новый председатель Правительства России (теперь уже Президент) Путин принял в январе 2000 года новое постановление № 1, которым подтвердил, что за охоту надо платить, ввел тотальное лицензирование, а предыдущее февральское постановление отменил.

На сей раз средства массовой информации среагировали почти мгновенно. Журнал «Охота и охотничье хозяйство», например, опубликовал правительственные постановление в полном объеме, сопроводив его комментарием юриста.

Вместе с тем, анализируя все обстоятельства, складывающиеся с платным пользованием и тотальным лицензированием объектов охоты, массовым нарушением прав и законных интересов охотников Российской Федерации, учитывая их менталитет (будут платить, но жаловаться не пойдут), автор статьи пришел к выводу, что необходимо взяться за разрешение этого дела серьезно и обязательнно довести его до логического конца. Чтобы наконец установить, кто правит в России — Закон или тот, у кого больше прав. Ведь давать теоретические советы, сутью которых является лозунг — судиться, судиться и еще раз судиться, подсказывать процессуальные хитрости и тонкости гораздо проще, чем самому пойти в это пекло. Отсутствие элементарных юридических познаний объективно не позволит ни одному рядовому охотнику выиграть судебный процесс.

Автор данной статьи после принятия постановления № 1, обязывающего по сути платить федеральный налог, приобретая лицензии на массовые виды охотничьих зверей и птиц (чего раньше не было), обратился в Верховный Суд с жалобой на действия российского правительства. Как и ожидалось, последовало предложение обратиться в районный суд по месту жительства. Удивительно, но Октябрьский районный суд г. Кирова принял жалобу к производству (может быть, подействовало определение Верховного Суда) и рассмотрел ее 24 мая по существу.

Интересы Правительства защищал Минсельхозпрод, точнее, его представитель В. Н. Носков, который в суд не явился (ввиду отсутствия средств на командировочные расходы), однако прислал письменный отзыв на жалобу. Чего только он не написал в отзыве! Есть такие перлы, что с первого раза и не разберешь. Сразу хочу отметить, что

все доводы представителя были аккуратно (слово в слово) переписаны судьей Хахалиной О. А. и положены ею в основу своего отрицательного решения.

Носков указывает, что жалоба является необоснованной, так как Правительство установило не платежи за пользование, а предельные размеры платы за пользование. Как будто это имеет какое-либо принципиальное значение. Ведь на основании утвержденных Правительством РФ предельных размеров платы в регионах приняты конкретные ставки, зачастую аналогичные правительственным. Именно обжалуемое постановление спровоцировало массовое нарушение прав граждан, вынужденных уплачивать незаконно установленный налог. По состоянию на май месяц платежи введены в республиках Коми и Хакасия, в Кировской, Новгородской, Липецкой, Тверской, Ивановской областях, Ставропольском и Алтайском краях.

Далее представитель Минсельхоза пишет о том, что право взимания платежей за пользование объектами животного мира предусмотрено федеральными законами «О животном мире» и «Об основах налоговой системы», и эти законы, в части установления платы за пользование объектами животного мира, пределов и порядка пользования ими, не противоречат Налоговому кодексу РФ. И далее указывает, что плата установлена не постановлением Правительства РФ, а федеральными законами, в связи с чем она является законно установленной.

Однако это ошибочное утверждение, так как в Законе «Об основах налоговой системы» лишь только перечислены федеральные налоги, сборы и иные платежи (всего 15 видов) и указано, что конкретные элементы налогообложения устанавливаются другими законодательными актами РФ (ст. 19). Принятый в 1995 году Федеральный закон «О животном мире» тоже только провозгласил платность пользования животным миром (ст. 12).

Принципиальной в данном споре является норма ст. 35 вышеназванного Закона, гласящая, что установление порядка определения платы за пользование животным миром и ее предельных размеров относится к полномочиям Правительства РФ. Однако она вступила в противоречие с нормами действующего с 1 января 1999 года Налогового кодекса: при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения (ст. 3 Кодекса); налог считается установленным лишь в том случае, когда определены налогоплательщики и элементы

охота

и охотничье хозяйство № 11 2000

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

налогообложения; налоговая база; налоговый период; налоговая ставка; порядок исчисления налога; порядок и сроки уплаты налога (ст. 17 Кодекса).

Как видим, в Законе «О животном мире» эти обязательные элементы налогообложения не определены, что является обязательным условием при установлении налога или сбора. Следовательно, упоминающиеся в ряде Законов платежи за пользование объектами охоты нельзя признать законно установленными, как это ошибочно посчитал Носков и суд. Они также не учили, что статьей 7 Закона «О введении части первой Налогового кодекса» от 31.07.98 предусматривалась возможность действия правительственные актов, но изданных до введения части первой Кодекса: «Изданные до введения в действие части первой Кодекса нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ по вопросам, которые, согласно части первой Кодекса, могут регулироваться только федеральными законами, действуют впредь до введения в действие соответствующих федеральных законов». Однако обжалуемое постановление принято 04.01.2000 года, то есть уже после введения в действие части первой Кодекса.

Конституционный суд России в своих постановлениях указал, что федеральные налоги и сборы следует считать «законно установленными», если они установлены федеральным законодательным органом в надлежащей форме, то есть федеральным законом, в предусмотренном законом порядке и введены в действие в соответствии с действующим законодательством. Одно лишь перечисление сборов в федеральных бюджетных законах нельзя рассматривать как их установление, поскольку эти законы не содержат существенных элементов налоговых обязательств. Закон вводит федеральный сбор, но не определяет его существенные элементы, что нельзя признать установлением этого сбора в конституционно-правовом смысле. Отнесение к ведению Правительства Российской Федерации установления существенных элементов налогового обязательства не соответствует закрепленному действующим законодательством разграничению полномочий между органами законодательной и исполнительной власти.

Применительно к предмету спора по настоящему делу усматривается, что Законами «Об основах налоговой системы» и «О животном мире» введен федеральный налог (плата за пользование животным миром), но не определены его существенные элементы, что нельзя признать установлением этого сбора в конституционно-правовом смысле. Отнесение в ст. 35 Закона «О животном мире» к ведению Правительства РФ определения существенных элементов налогового обязательства (порядка и предельных размеров платы) не соответствует закрепленно-

му действующим законодательством разграничению полномочий между органами законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, утвержденные Правительством РФ предельные размеры платы за пользование объектами охоты нельзя признать законно установленными, оспариваемое постановление издано органом, не имеющим права издавать подобного рода акты, оно противоречит общим началам и буквальному смыслу конкретных положений Конституции РФ и Налогового кодекса РФ. В силу ст. 6 Налогового кодекса РФ наличие этих обстоятельств служит основанием для признания обжалуемого постановления не соответствующим Кодексу. Суд, однако, никак не отреагировал на эту аргументацию.

Интересным в данном споре является тезис представителя и суда о том, что установлением предельных размеров платежей Правительство защитило охотников-любителей. Мол, никто не сможет установить больше этого. Ну что сказать? Остается только развести руками.

Суд указывает, что Перечень лицензионных объектов охоты, содержащийся в обжалуемом постановлении, воспроизведен из акта, имеющего юридическую силу (имеется в виду постановление Госкомэкологии России от 23.11.99, № 714 «О перечне объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, изъятие которых из среды их обитания без лицензии запрещено»). Однако это утверждение суд никак не мотивировал и не опроверг довод о том, что приказ в нарушение Указа Президента РФ от 23.05.96 не зарегистрирован в Минюсте и официально не опубликован для всеобщего сведения.

В соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» на государственные органы, решения которых обжалуются гражданином, возлагается процессуальная обязанность документально доказать законность обжалуемых решений. Однако бездоказательный отзыв представителя Правительства Носкова стал для судьи основой ее окончательного решения. По ходу процесса было видно, что судья внутренне уже принял решение, вопросы мне почти не задавались. В поведении судьи четко угадывалась определенная логика — пусть решение Правительства отменяет кто-нибудь другой, но только не я.

Что поделаешь, таково сегодня российское правосудие — зависимое, беспринципное, руководствующееся скорее революционной целесообразностью, но отнюдь не нормами действующего законодательства. Есть такой призыв: «Никогда не сдавайся!» Поэтому пойдем дальше. Решение районного суда обжаловано в кассационную инстанцию. Что из этого выйдет, посмотрим.

Войсковые учения в Южной группе войск закончились успешно. Этому не смогли помешать ни обледенелые горные дороги, ни плохая видимость, ни осадки в виде мокрого снега, которые не прекращались ни на минуту. Уставший, словно меня пропустили через мясорубку, пришел в гостиницу.

В дверь тихо стучат. По возможности бодрым голосом бросаю: «Войдите!». В комнату входит начальник оперативного отдела воздушной армии и капитан в танковом комбинезоне.

— Борис Александрович, я знаю, что вы большой любитель охоты, — говорит пришедший начальник. — Так вот завтра в соседнем венгерском сельхозкооперативе планируется коллективная охота на фазанов. Я договорился с руководством кооператива, они вас будут ждать к 10 часам утра. Сопровождать вас будет наш переводчик, — и он показывает рукой на пришедшего с ним капитана. Тот щелкнул каблуками и представился мне. К сожалению, я уже не помню его фамилии.

От усталости не осталось и следа. У меня словно крылья за спиной выросли, ведь на фазанов я никогда ранее не охотился. И вот так всегда! Порой кажется, что ты уже не в состоянии и рукой пошевелить, но едва заходит речь об охоте, и ты, как пионер, готов ехать куда и когда угодно.

На охоту отправились втроем. Погода благоприятствовала нашей поездке. На ярко-голубом небе сияло ослепительное солнце. Было тепло, по-видимому, весь запас осенней влаги вылился на венгерскую землю за время проведенного учения. Без четверти 10 прибыли на место. Венгерские охотники уже в сбое. Они сидят в гостевом зале винного погреба кооператива и степенно потягивают вино «Бычья кровь».

Председатель кооператива — мужчина лет шестидесяти. Он кряжист и крепок словно дуб. Мы знакомимся. В ходе разговора, как бы между прочим, он уточняет, охотился ли я на фазанов когда-нибудь ранее и смогу ли отличить петуха от курочки. Я отвечаю отрицательно.

— Конечно, вы наш гость, — говорит он мне, — и ничего страшного не произойдет, если подстрелят курочку. Но это нежелательно, так как в Венгрии стреляют только петухов. А чтобы не было недоразумений, вас все время будет сопровождать мой внук. Когда вылетит петух, то он скажет «Кокош!», а если это будет курочка — то «Кули, кули!». Договорились?

Охота началась практически сразу за оклицией. Охотники выстроились в линию и по команде разом зашли в кукурузное поле. Интервалы между охотниками в пределах 20–30 метров соблюдались на слух, так как кукуруза местами была значительно выше человеческого роста. Сохранять заданное направление движения помогали деревья, маячившие впереди на склоне

Охота на фазанов в Венгрии

горы. Идем молча. Где-то перед нами мотаются две собачонки неопределенной породы и возраста. Их окрас светло-желтый. Венгры говорят, что фазаны принимают их за лисиц и поэтому сразу поднимаются на крыло.

Но пока фазаны не взлетают, а убегают по земле. Однако вскоре линия стрелков поджала их к поселку, бежать им некуда, и они один за другим начинают взлетать. Тут началась такая канонада, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот и передо мной, громко хлопая крыльями и крича «Ко-гок, ко-гок!», взмыла вертикально вверх жар-птица с ярким оперением и длинным хвостом. Мальчик кричит мне: «Ко-кош! Ко-кош!». В это время фазан, набрав метров 10 высоты, на какое-то мгновение зависает в воздухе, прежде чем перейти на горизонтальный полет. Я вскидываю ружье и стреляю.

Роняя разноцветные перья, петух падает в кукурузу. Бит чисто! Это все-лияет в меня уверенность, теперь промахов быть не должно. Вижу, как после дуплета соседа справа вдоль стрелковой линии летит еще один фазан. Полет его ныряющий, словно по волнам. Толи подранок, то ли таков характер полета у этой птицы. Разбираюсь некогда. Ружье привычно касается плеча, короткая поводка и выстрел. Фазан переворачивается через голову и падает вниз.

Спешу к месту его падения, фазан недвижим. На его шее белый шарфик, как у нашего крякового селезня. Выше белой полоски голова и шея зеленые с фиолетовым отливом. Спина золотистого цвета. Хвост золотисто-бронзовый. Мальчик рядом со мной. Он уже прицепил первого фазана к поясу, и тот волочится хвостом по земле. Мы улыбаемся друг другу, и я передаю ему очередной трофеи.

Выходим из кукурузы. Венгры стоят небольшими группками и что-то

оживленно обсуждают. В этом нет ничего удивительного, охотник, он и в Венгрии охотник. Подъезжает можара, запряженная парой лошадей. Это своеобразное транспортное средство, предназначенное для перевозки соломы. На платформе из четырех колес покоятся конструкция, состоящая из набора продольных и поперечных жердей. Охотники вешают свои трофеи на эти жерди. Птица на них не мнется и со всех сторон продувается ветром. Хорошо придумано! Мой маленький помощник тоже вешает наши трофеи на можару.

Делается очередной загон. Картина повторяется. Фазаны сначала убегают по земле, а затем, будучи прижатыми к домам, начинают взлетать. Стрелять их легко, особенно в тот момент, когда они зависают, собираясь лететь горизонтально, на рану они слабы. Я уже давно разобрался, чем петух отличается от курочки, но председательский внук по-прежнему неотступно следует за мной, комментируя взлет каждой птицы.

К двум часам дня охота закончилась. Можара плотно увшана битой птицей. Охотники довольны и веселы. Снова заходим в винный погребок и уже на «полном серьеze» отмечаем успех прошедшей охоты. Вина на столах нет. Все пьют «Паленку». Это что-то вроде нашего самогона. Но пить можно. Я выражаю свою признательность руководству кооператива за их гостеприимство. Отмечаю высокую дисциплину на охоте и профессионализм ее организации. Особую благодарность выражаю внуку председателя кооператива, который с честью выполнил возложенные на него обязанности. Когда переводчик перевел сказанное мной, лицо мальчика сделалось пунцовым. Он был безмерно счастлив, что не подвел своего деда.

В ходе застолья мне было предложе-

но пройти ритуал посвящения в венгерские охотники. Я встал посредине комнаты. В руки мне дали моего первого фазана, а остальные охотники стали водить вокруг меня хоровод, распевая какую-то бравурную песню. В руках у председателя кооператива появилась виноградная лоза, которой он под одобрительные возгласы присутствующих несколько раз мифически ударил меня по спине. Затем передал лозу очередному охотнику. Тот сделал то же самое. И т. д.

Когда ритуал был завершен, все выпили за здоровье «новоявленного венгерского охотника», за его дальнейшие охотничьи успехи. С тех пор прошло много лет, но эта виноградная лоза вместе с пятью рулевыми перьями из хвоста первого убитого мной фазана стоят в хрустальной вазе на самом видном месте в моей квартире. Как венгры определили, что это перья именно от моего первого фазана, — для меня загадка, так как на можаре висело так много битой птицы, что вычислить моего «первого» было практически невозможно. Скорее всего, он был повешен на какое-то определенное место. Да это и не суть важно. Главное, что эти лоза и хвостовые перья постоянно напоминают мне о недавней дружбе русского и венгерского народов.

И еще пару слов об особенностях той охоты. У венгерских охотников существует твердый порядок, согласно которому каждый участник охоты независимо от того, сколько птиц он сбил лично, вправе бесплатно взять домой двух фазанов. Если он хочет взять еще пару птиц, то никто против этого не возражает. Но в этом случае охотник оплачивает их магазинную стоимость. Взяли шесть штук и мы. О том, как мы с ними поступили, когда прибыли в свою гостиницу, разговор особый.

Б. АБРАМОВ

гостеприимных залах Государственного Дарвиновского музея в Москве прошла выставка работ творческого объединения художников-анималистов под интригующим, несколько архаичным названием «Бестиарий-2000». Бестиариями (от латинского «бестиариус» — звериный) называли появившиеся в средневековые литературные произведения, содержащие описания зверей с аллегорическим их истолкованием. Современные аллегории представленных образцов живописи, графики, скульптуры достаточно ясны. Композиции с журавлями, хищными птицами и зверями, морскими млекопитающими, видами, находящимися под угрозой исчезновения, говорят о необходимости сохранения природы и ее, вероятно, наиболее совершенных творений. Запечатленная в вечных материалах искусства, красота поможет, как хочется надеяться, спасти этот мир. Удачным оказался союз молодости и опыта в «Бестиарии». Объединяющим центром, судя по всему, стал наш наиболее активно работающий в анималистическом жанре художник Александр Михайлович Белашов, известный своим вкладом в оформление новых зданий Палеонтологического музея, Зоопарка в Москве, ряда других объектов. Поражает разнообразие художественных форм и техники мастера: от монументальной скульптуры, больших живописных панно до мелкой пластики и книжной иллюстрации. Как и другие художники объединения, Белашов не замыкается в мастерской, он много выезжает, рисует животных в дикой природе и, посетив Индонезию или Среднюю Азию, с удовольствием возвращается на свои заветные места ежегодных гусиных перелетов в Подмосковье или к талдомским журавлям. Интересны скульптурные работы Р. Шерифзянова (сокола, сайгаки), ближайшего сподвижника Белашова. В. Горбатов, знакомый нашим читателям как иллюстратор охотничьей периодики, был представлен на выставке серией изящных акварелей, сделанных с натуры во время путешествий на Дальний Восток и в Индию. Не имея возможности в краткой журнальной заметке перечислить все работы и всех участников выставки «Бестиарий-2000», мы надеемся привлечь внимание к деятельности этой творческой группы, в ближайших планах которой новые выставки не только в Москве, но и в других городах, новые художественные проекты, связанные с благородной задачей воспитания любви к природе во всем ее бесконечном, прекрасном многообразии.

1. Шерифзянов Р. «Сокол», бронза
2. Шерифзянов Р. «Сайгачонок», бронза
3. Белашов А. М. «Морской котик», масло, холст
4. Горбатов В. А. «Семья японских журавлей в пойме Амура», акварель, бумага
5. Белашов А. М. «Колпица», масло, холст
6. Шерифзянов Р. «Сокол», керамика
7. Белашов А. М. «Мамонт», фарфор

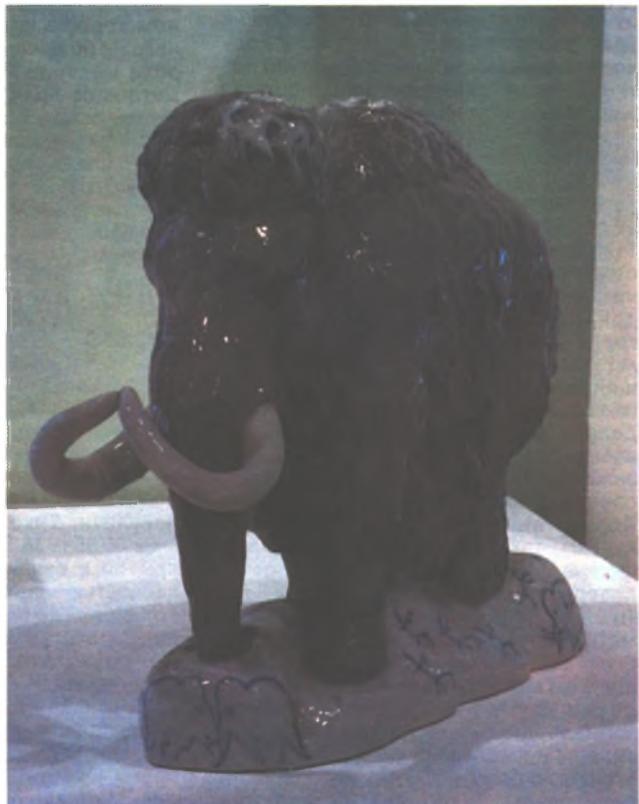
АБ

Анималисты «Бестиария»

В. ШИШКИН

Фото В. Животченко

Из дневника медвежатника

В. ЛИХОНЕНКО

Посидите августовской ночью на овсяном поле не один сезон и поймете, что медведя не так-то просто добить. Очень серьезный этот зверь. Много ночей можно просидеть, но так и не добить его.

1994 год

Лицензию привезли только в середине сентября.

Овцы давно спасли, его уже убирают. За полдня обхажали не одно поле и почти на каждом следы кабанов, поменьше, проходные и старые — медведя.

В деревнях самый знающий народ — это бабушки, собирающие ягоды, грибы, и механизаторы. Поговорили, сделали выводы.

19.09.94 г. К самим полям не подъехать, бросили машину за деревней. Поля все в лесу; одно большое поле, но на нем только проходы, зато на других свежие следы, кормежка. Эти поля небольшие, длинные, извилистые. Разошлись, садимся. Мы вдвоем на одно поле, третий на другое. Поля оборудовали засидки, время 19.00. До 21.30 тихо, над краем леса взошла луна, светит прямо в лицо, проход передо мной хорошо освещен, зато поле справа сразу накрыло тенью леса. В лесу сильно треснула валежина, к краю поля подходит зверь. Остановился, сильно потянул носом, секач; постоял, понюхал и вышел на правую темную сторону. Его кормежка от меня в 20 метрах, я к ней подходил смотреть следы. Секач стоит в тени, все нюхает, чухнул, поймал запах моих следов и галопом с поля. С 22 до 24.00 — тихо.

18.09.94 г. Приехали на место, со стороны поля идут грибники. Это значит весь периметр поля у них пройден. Время идет, решаем сидеть. Сегодня на подготовленную засидку прямо подходим и садимся. Володя решил сменить место, это в 150 метрах от нас, на другом краю поля. Времени делать лабаз у него нет, просто привязывает жерди в полутора метрах от земли и садится. Время 19.00. 19.55 — справа треснуло в лесу, в 30 метрах от Володи вышел медведь. Как шел по кустам, так и не останавливаясь вышел на поле. На ходу подхватил овса, повернул голову в нашу сторону. Насто он не видит — далеко. От края уже метрах в пятнадцати. Щелчок хорошо было слышно даже нам; развернувшись на месте, медведь в три прыжки достиг опушки. Выстрел по уходящему медведю только добавил ему прыти; еще несколько секунд был слышен его бег по болоту. Собрались, посмотрели следы. В патроне не сработал

капсюль, второй — промах. На сегодня все. Поменяй патроны местами и выцели зверя по лопатке, лег бы он на одном месте или пошел на охотника?! Лабаз-то был...

19.09.94 г. Едем четвертом, у «Александра II» выходной, он уходит на дальнее поле. После вчерашней стрельбы надежды, что кто-то выйдет, — мало. Наши поля убраны, поля маленькие — их за день и убрали. Проходим мимо оставленного комбайна, в 100 метрах за ним наши лабазы. До 21.00 тихо. 21.55 — к краю поля подошел зверь, еле слышно двигается вдоль кромки. Остановился напротив Александра, но на поле не вышел, а пошел назад. Вид и запах убранного поля, наверное, пугает его. Так потихоньку он зашел мне за спину. Лабаз мой стоит на мысе, выдающемся в поле метров на тридцать, и делит его на две части. Разворачиваюсь корпусом вправо, но зверь не пошел на правую половину, а вернулся на левую. Разворачиваюсь обратно. Зверь обходит последний куст, в прогалине закрыло темным светлую от луны стерню. Но я уже развернулся и готов к стрельбе. Из-за куста высунулась голова, это явно небольшой медведь. Даю выйти на поле вперед, на убранном хорошо видно. Зверь рядом, до него не больше 10 шагов. После выстрела медведь на прыжках прошел 50 метров по полю и, свернув направо в кусты, затих. 21.45 — трубанули сбор, на ружья установили фары-искатели. В три фары высветили лежащего медведя. Почти 100 метров прошел с разбитой печенью и пробитым сердцем. Стрелял пулей «Диаболо». Вес медведя 120 кг.

1995 год

19.08.95 г. На прошлогодних полях овса нет. Перебираемся на соседние. Поля здесь побольше, посещаются уже хорошо, всюду набиты тропы, нахрученко. Опять выбрал узкое поле, на повороте сделал лабаз. На противоположной стороне обзор лучше, но там два выхода и негде сесть. Досидели до полуночи. Тихо — никого.

02.09.95 г. 18.30. В августе после открытия в связи с высокой пожароопасностью закрыли охоту. Дожди только пошли. На охоте не были две недели. За это время зверь заселся, поле все прикатано. Ходят крупный медведь, кабанов нет, но есть следы людей. Только что закончился дождь, с веток продолжают падать капли, единственный плюс — к лабазу подошел во время щебетанья птиц и звона комаров. Медведь подходит прямо напротив лабаза, уже слышно каждый шаг, каждую ветку, стряхнувшую капли дождя. Поднимая ружье, снимаю с предохранителя, а зверь остановился за кустом черемухи. Стоит, тянет носом, но ветра нет, и запаховое пятно от меня мало. От напряжения слышу только удары своего сердца. Медведь топчетесь в кустах — не идет. И дождался-таки своего. Большой сгнивший сук соседнего дерева не выдержал набравшейся влаги, прямо надо мной полуметровая ветка отломилась от верхушки и полетела вниз. С ударом о землю рвануло напротив в кустах вглубь леса. Медведя слышали на другом поле, но там он тоже не вышел. По всему видно, что зверь был уже настеган. В этом году лицензию на овсе не закрыли. Медведя отстреляли уже по снегу.

19.09.96 г. Первый раз в этом году ребята были в понедельник. Вышло стадо кабанов. Сегодня тоже тихо, деревня рядом, видны крыши домов, надо менять место.

25.08.96 г. 17.00. Едем на машине вдоль полей, выходим, осматриваем и едем дальше. На полях следы одних кабанов, медведя ни одного. Возвращаемся обратно к деревне, до нее не больше километра. «Девятка» медленно поднимается по неровной дороге на пригорок. МЕДВЕДЬ! В 100 метрах на следующей горке бежит через дорогу медведь. Да не медведь — медвежонок «пестун». Выскочили из машины, я добежал до следа. Медвежонок заскочил в кусты и попал в болотину. Выбирается, хлюпает, только верхушки кустов дрожат, успел рассмотреть белый галстук на груди. За спиной в лесу слышны женские голоса — грибники пугнули мышку. Собрались у машины — пора ехать. Разошлись по местам, Александр, подходя к лабазу, вспугнул из-под него медведя. Медведь уже подошел к краю поля, время 19.30.

14.09.96 г. 19.00. Опять горел торф, охота была закрыта, теперь все поменялось. Медведь ушел от деревни и ходит на поля, где были кабаны. Весь берег прикатан, где сидеть — неясно, лабазы не делаем, садимся в овес. Александр пошел дальше. 19.10. Дуплет. Шума в мою сторону нет. Бегом на соседнее поле. На горке две мирно кормящиеся коровы, под горой Саша что-то разглядывает в овсе. Валяется рюзак, от него широкая полоса в овсе — ясно — подползал.

— Ну что, Саша?

— Медведь уже пасся, скинул рюкзак, стал скрдывать. Медведь услышал меня, посмотрел на коров, стал уходить, все шуршит. Бил по бегущему, обзадил.

15.09.96 г. 18.00. Поле убрали, сидим, ждем, когда уйдет последняя машина. Овса больше нигде нет. Лицензию в этом году не закрыли.

1997 год

16.08.97 г. Открытие охоты. С утра сходили на уток, вечером на овес. Ходят кабаны, медведи, люди. Только устроились, едет еще «контора». Увидев наши машины, уехали.

05.09.97 г. До сентября закрыли охоту из-за пожаров.

Ребята были в понедельник, в 20.00 выходил медведь — от лабазов метров 100. Долго кормился, Александру подходить не стал. Бросил рюкзак с лабаза, медведь поднял голову на шум и опять стал кормиться. В 21.00 ушли с поля.

18.00. Подходим к кормежке. Место хорошее, у края поля два остротова, проходы шириной по 20 метров, овес в тени по пояс, сильно скручен. Я остаюсь здесь. Два Саши идут дальше. Большое поле вдается несколькими клиньями в лес. Клинья небольшие, длиной по 100 и шириной по 40 метров. Снял рюкзак, готовлю себе засидку. 18.05 — два выстрела. Схватил ружье и бегу к ребятам. Медведица с медвежонком лежали в пяти метрах от опушки в еловом подросте. Услышав шаги, по полю подпугнула метров на двадцать и решила пугнуть непрошенных гостей. Увидев людей, сразу крутанулась назад, пугнула выстрелами. Осмотрели лежки, отпечатки лап. Сегодня уже делать нечего.

06.09.97 г. 22.00. Медведь вышел метров за 150. Кормился по краю поля. 22.15 — ушел в лес.

07.09.97 г. 20.00. В 70 метрах от «Александра II» вышел медвежонок, кормился по краю, медведица трещала в кустах, на поле не вышла. 20.10. Медведица рявкнула, медвежонок заскочил в лес.

12, 13, 14.09.97 г. Перебрались на два больших поля, все в следах кабанов, медведей. С вечера рычат еноты и шастают прямо под лабазами. Кормятся овсом, подбирают опавшие яблоки. 21.00. По лесу метрах в 50 проходит зверь, но на поле не выходит.

19.09.97 г. 22.00. Сегодня собрались рано, если зверь не вышел, то уже сегодня не выйдет. Ждем «Александра II». Не доходя до нас 200 метров, он фонarem осветил на краю поля зверя.

20.09.97 г. Меняю место. Сегодня сяду на мыс, где вчера высветили кабанов. Напрямую подхожу к выбранному дереву, лабаз строить не буду. Вокруг следы одних кабанов, но проверить надо. 21.00. По лесу шумок, остановился у опушки. Похоже, кабаны. Нижают. Один вышел, развернулся боком ко мне, чавкает. Второй потихоньку движется вдоль кромки леса ко мне. Кормится на ходу. Осторожно поднял ру-

жье, взял зверя на мушку, до него метров 40. На черной тушке зверя мушки уже не видно. Темнеет. Кабан постепенно передвигается в мою сторону, еще метров 20, и он дойдет до моих следов. Так и есть. Остановился, чихнул и назад, второй тоже за ним. Прошло полтора часа, а след сразу учаял.

19.00. К Александру на поле подошел крупный кот — рысь. Посидел в овсе в 20 метрах, покрутил головой, кого-то выслушиваю, минут через 20 ушел.

21.09.97 г. Наши новое поле, ходят медведи. Но на поле пасут колхозных коров, все потравили. Сегодня дует сильный ветер. В 21.00 сигнал к сбору. За спину Александру зашел медведь, он слышал его на подходе, потом зверь пошел тише и в 10 метрах от лабаза фыркнул, поймал запах. Едем домой.

27.09.97 г. Не успеваем на охоту. «Вертушка» приходит в аэропорт к 18.00. Пока до дому на дежурном, ребята уже ждут у подъезда. Жхатаю ружье, рюкзак, бутерброд на дорогу, только к 19.00 добираемся до поля. А там уже комбайны прошли по проходу от середины. Сегодня сажусь на дуб к яблоням. 19.40. Вдоль края до лесу приближается зверь. Идет тихо, с остановками, до меня не дошел метров 30, встал. 20.00. Тихо. 20.20. Поворачиваю голову вправо, из куста высунулась медвежья голова. Проверил кромку и теперь по проверенному маршруту пошел кормиться назад, медведь небольшой. Довернуть вправо не получается, стрелять мешает куст, наклоняю корпус вперед и перекидываю ружье влевую руку. Ловлю спину уходящего медведя. После выстрела медведь прыга-

ет и метров 15 бежит в мою сторону по лесу. Останавливается и спокойно уходит назад. Осматриваю место — ничего. С левой руки чистый промах.

28.09.97 г. С 10.00 до 12.00 прочесываем с собаками лес. Ничего. Настроение грустное, лучше бы не стрелял.

29.09.97 г. 17.30. Стоим на поле, эта ночью здесь кормился медведь. Расходимся, слева в углу старый дуб, еще левее кормежка и тропа. С центра поля иду прямо к дубу. Закинул веревку, забрался, затащил рюкзак. Устроился в развилке толстой ветки, прямо над тропой. Время 18.00. 19.50. Слева из глубины леса прилетели две совы; одна уселилась рядом, лает. Махнул рукой, чтобы не мешала слушать. 20.00. Идет спокойно, с треском, видно напуганный. Перед полем не остановился. Вот теперь, когда уже вышел, короткая остановка на 5 секунд, потянул носом и по тропе к дубу. До него метров 50. Тихо, ветра нет, мой след пересекает тропу в 20 метрах, до него ему еще метров 5. Подпускаю ближе, с ревом заваливается на правый бок, только рев и никакого движения. Перекидываю патрон.

— Володь, что? — кричит Сашка.

— Лежит на месте. Надо добить.

Хорошо, что приехали на «Ниве», но втроем еле загрузили.

Поехали в деревню разделять, взвесили — 210 кг.

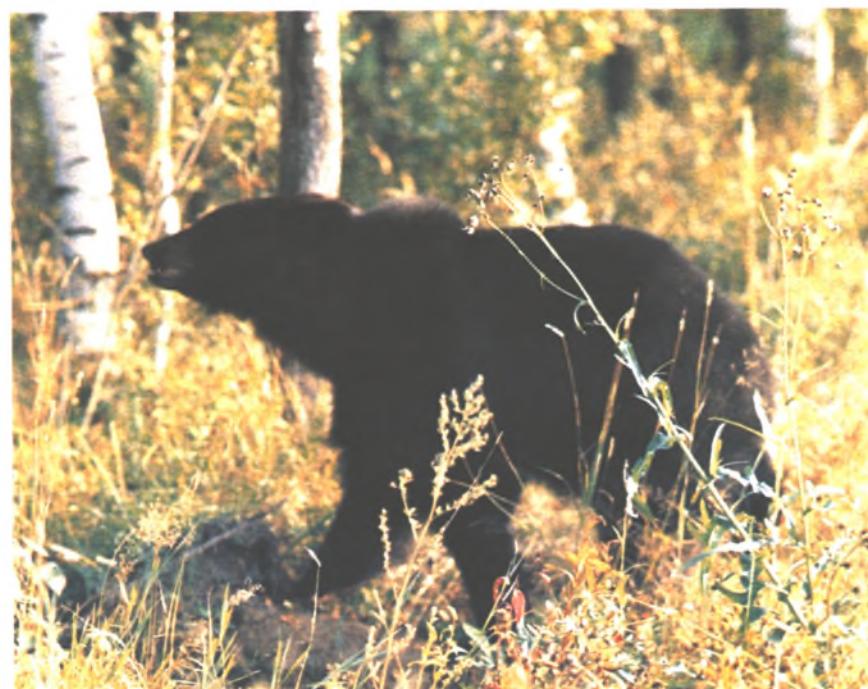
Первой пулей перебил шейный позвонок, пуля «Диаболо».

Добивал — «Полева-2», ушла на вылет.

За время охоты наездили 1500 км.

Фото А. Дигилевича

На опушке леса

У ИСТОКОВ ОНДАТРОВОДСТВА В РОССИИ

Н. ГРАКОВ,
профессор

К югу от Архангельска, в полутора часах езды на поезде, притулился небольшой полустанок Тундра. Пассажирские поезда четыре раза в сутки залихают здесь на 1,5–2 минуты, чтобы выпустить стайку архангелогородских грибников, ягодников или рыбаков с громадными заплечными коробами из дранки или принять пассажиров с уже полными, тяжеленными коробами. Для транзитных пассажиров поезда этот забытый Богом полустанок ничем не примечателен. А между тем от его околицы на восток уходит в глубину топких, почти непроходимых болот и тайги уникальная, единственная в своем роде 15-километровая тропа, 10 км из которых составляет почти непрерывная деревянная — в два бревна — лента, проложенная через моховые топи.

Побывавший там с приятелем писатель Юрий Казаков в «Северном дневнике» поместил рассказ «Долгие крики». Эмоционально описал он долгий путь в тумане и сумерках короткой весенней ночи по прямой, как стрела, деревянной, уже изрядно подгнившей тропе. Плоско стесанные сверху почти наполовину ствола сосновые бревна на полметра заходили сбоку вплотную к следующей паре и были скреплены с ней забитой в паз поперечиной.

Ступая в первый раз на этот узкий деревянный путь, испытываешь чувство неуверенности и боязни соскользнуть в болотную жижу. Но, приюнившись к этим трудностям, испытываешь чувство благодарности к строителям, со здавшим тропу без единого гвоздя. Уже в середине 1950-х гг. мостки местами совсем сгинули, оторвались от поперечин и предательски уходили под ногами в воду. Кое-где совершенно сгнившие бревна кто-то дополнил или заменил неотесанными стволами невысоких сосен, растущих на болоте вблизи от тропы.

Когда через десяток лет Ю. Казаков опять прошел по этим мосткам, они уже были сильно обветшальными. Немудрено, что непривычным к таким переходам москвичам с тяжелой ношней за спиной весь путь до Большого Слобод-

В конце 1920-х гг. жизнь поселка оживилась. Архангельские специалисты охотниче-промышленного хозяйства и сотрудники Северной зональной станции ВНИИПО наметили озеро Большое Слободское с его богатой речной сетью и озерным окружением под выпуск нового для страны пушного зверька — ондатры. Первую партию зверей завезли из Финляндии в 1927 г., но она вся погибла. Поздней осенью того же года привезли еще 20 зверьков, снова из Финляндии. Их содержали зиму в клетках в г. Кеми, а с открытием навигации выпустили на Соловецкие острова. В июне 1928 г. на остров Карагинский выпустили 35 закупленных в

ского озера, цели их похода, показалось длиннее на 5 км, чем был на самом деле.

На северном, противоположном тропе берегу озера на мысу в каменном веке была стоянка первобытных людей. Озеро своим волнобоем иногда вымывает из песка древние каменные скребки, обработанные человеком. Позднее, со временем раскола, появился там скит. Его основатели зашли к озеру со стороны Северной Двины и поддерживали многокилометровую тропу, имевшую только несколько топких, но проходимых в любое время года мест. Зимой же торили на лошадях «зимник».

Последний глава скита старец Симонов предрекал на смене века конец света. Наступил XX в., а конец света не пришел. Упрямый старец рано утром облачился в длинную холщовую рубаху, забрел в озеро и захлебнулся. В поселке остались его потомки, да молодой рыбак, Федор Яковлевич Павлов, отец которого перебрался на озеро из придвинского села Кехта. Дом Павлова, построенный по архитектуре Севера под одной крышей с хозяйственными постройками, возвышался в самом начале пологого подъема от песчаной косы к ее возвышенной части. Ф. Я. Павлов всю жизнь ловил сетями рыбу и не брал в руки ружья.

Канаде ондатр. Ондатра на островах быстро прижилась, и ее решились завезти на материк. Первую партию с Соловков выпустили в устья впадающих в Б. Слободское речек — Слабозерка и Матигорка, а также в заросшие водной растительностью участки озера.

В том же году, но только несколько позже, Н. К. Верещагин выпустил ондатру в бассейн р. Демьянки Омской области, а Н. П. Лавров — в бассейн Елагуя в Красноярском крае. Эти три выпуска были первыми для материковой части страны. Но только на Б. Слободском озере усилиями Севкрайпушнины был создан очаг племенного материала для дальнейшего расселения ондатры, а главное, для ее всестороннего изучения силами сотрудников Северной зональной лаборатории. Другие очаги, созданные с той же целью, в том числе на Катромском озере Вологодской области, не имели такого научного обеспечения, как Слободское ондатровое хозяйство. Об этом убедительно свидетельствуют научные отчеты Северной зональной лаборатории (архив ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова).

Сейчас уже невозможно установить, с какой стороны заносили клетки с ондатрой: с Кехты или с Тундры, но бесспорно известно, что мостков через

болота от железной дороги еще не было. Их построили позже, когда было решено развивать в окрестностях Б. Слободского озера резерват ондатры для последующего ее расселения. Построили не только мостки, но и просторный, благоустроенный для такой глупи деревянный дом с двумя большими и двумя маленькими комнатами, с голландскими печами, топившимися из коридора. Сразу направо за входной дверью из просторных сеней с чуланом и туалетом была обширная кухня с русской печью и полатями. За 5 км от озера в самом начале торной земляной тропы появился барак. В конце 50-х гг. от него остался только обвалившийся гнилой остов. Скорее всего, он служил пристанищем для строителей мостков, а не остановочным пунктом для отдыха путников. А количество путников все прибывало. Работники Севкрайпушницы, на чьи деньги велось строительство, быстро вкусили прелест этих мест для охоты на пернатых, рыбаки, сбора грибов и ягод. Они приходили на озеро с женами и домочадцами на выходные дни и отпуска, жили в большом доме и даже устраивали по вечерам танцы под патефон на специально построенной танцевальной площадке из струганных досок с перилами и скамейками по периметру.

А сотрудники Северной зональной станции ВНИИПО, руководимой П. П. Смолиным, неделями и месяцами бродили в окрестностях по малым озерам и речонкам, наблюдая за естественным расселением ондатры, ведя учет нор и хаток, изучая экологию зверька, методы живоотлова и передержки. По единственной, вытекающей из Б. Слободского озера р. Кехте ондатра в 1932 г. проникла, преодолев 30-километровый путь, в Малое Слободское озеро и продолжала расселяться дальше по р. Кехте в направлении Северной Двины. Если Б. Слободское озеро, как скоро выяснилось, не имело достаточно кормов для заметного и быстрого увеличения численности ондатры, то Малое озеро оказалось более благоприятным.

В 1937 г. на озере Б. Слободское с его акваторией в 7 км в длину и в 1—1,5 км в ширину было всего 25 нор и 200 ондатр. На Малом озере на 150 га было 12 хаток и 96 зверьков. Еще 23 норы и хатки насчитали сотрудники станции ВНИИПО на озерах Вакушье, Кулево, Песчаное и др. В монографии Н. П. Лаврова «Акклиматизация ондатры в СССР» (М., 1957) указано, что в Архангельской области было расселено 2436 местных ондатр, но сколько из них взято в Слободском ондатровом хозяйстве, не сказано.

Сейчас, через прошедшие годы, создается впечатление, что Слободское ондатровое хозяйство оказалось не столько резерватом для ондатры, сколько стационаром для ее всестороннего изучения в первые годы интродукции. За годы Великой Отечественной войны предоставленная сама себе ондатра настолько подорвала

бедную кормовую базу, что на Б. Слободском озере совсем не осталось и ранее редкого камыша, а тростник имел жалкий вид. В озере исчезли двустворчатые моллюски. В реках, впадающих в озеро, остались одна-две семьи зверьков. В небольших озерах не было ни ондатры, ни кормов. Только на М. Слободском озере еще поднималось из воды несколько хаток. Ондатровое хозяйство превратилось в заказник во главе с сотрудником станции ВНИИПО В. Я. Паровщиком. Погиб на фронте последний потомок схимника егеря Симонов. На озере постоянно жила семья Паровщикова и рыбак Ф. Я. Павлов с женой. В заказнике появились бобры, в основном на реках Кехта и Слабозерка. На озерах бобров не было.

Летом все больше рыбаков прорывались по мосткам нелегально, останавливаясь в лесу на южном берегу озера. Там появились костища, кучи стеклянных и жестяных банок... Особенно участились такие случаи, когда В. Я. Паровщикова уехал в Тундру. Когда же он переехал в Архангельск, перейдя на другую работу, заказник передали, как научный стационар, Северному отделению ВНИИЖП. В 1960 г. на озере появился егеря Семиачевский. Одно время он держал лошадь. Зимой даже пытался чинить мостки в особо испорченных местах. Но сил и средств для этого было мало.

В начале 60-х гг. рыбак Ф. Я. Павлов с женой тоже перебрался на зиму в Кехту, а вскоре и совсем покинул озеро. В конце этого десятилетия появи-

лась автодорога Архангельск — Вологда. С нее по Кехтскому зимнику вскоре пробили дорогу, и зимой на озере стали появляться рыбаки-подледники. В 1968 г. на выходной приезжало до 15—20 машин с рыбаками. Они еще не заполонили дома, только заходили погреться и вскипятить чай, а к вечеру уезжали домой. В 70-е годы территорию бывшего заказника приписали Архангельскому обществу охотников и рыболовов. Поток посетителей резко возрос. Какой-то подыпивший подледник по неосторожности поджег один из домов поселка. А в 70-х гг. сгорел и большой дом.

Последний раз я приезжал на М. Слободское озеро во вновь построенную таежную избушку в 1975 г. От шоссейной дороги уходила зимняя дорога с добротным мостом через р. Кехту. Дорогу поддерживали лесомелиораторы, осушавшие окрестные болота и сажавшие на месте болот сосну. Глубокие канавы шириной до двух метров сбегали с верховых болот в Малое и Большое Слободские озера. На Малом было пустынно, а на Большом озере на 3 км к востоку от поселка повсюду сидели рыбаки, несколько машин-вездеходов стояли на льду ближе к южному берегу. Нашествие «любителей» природы делало свое черное дело. Что стало теперь с этим когда-то уникальным природным комплексом, волею судьбы оказавшимся у истоков ондатроводства в нашей стране?

Фото А. Севастьянова

Выдающиеся отечественные охотоведы: XX век

М.П.Павлову - 80 лет

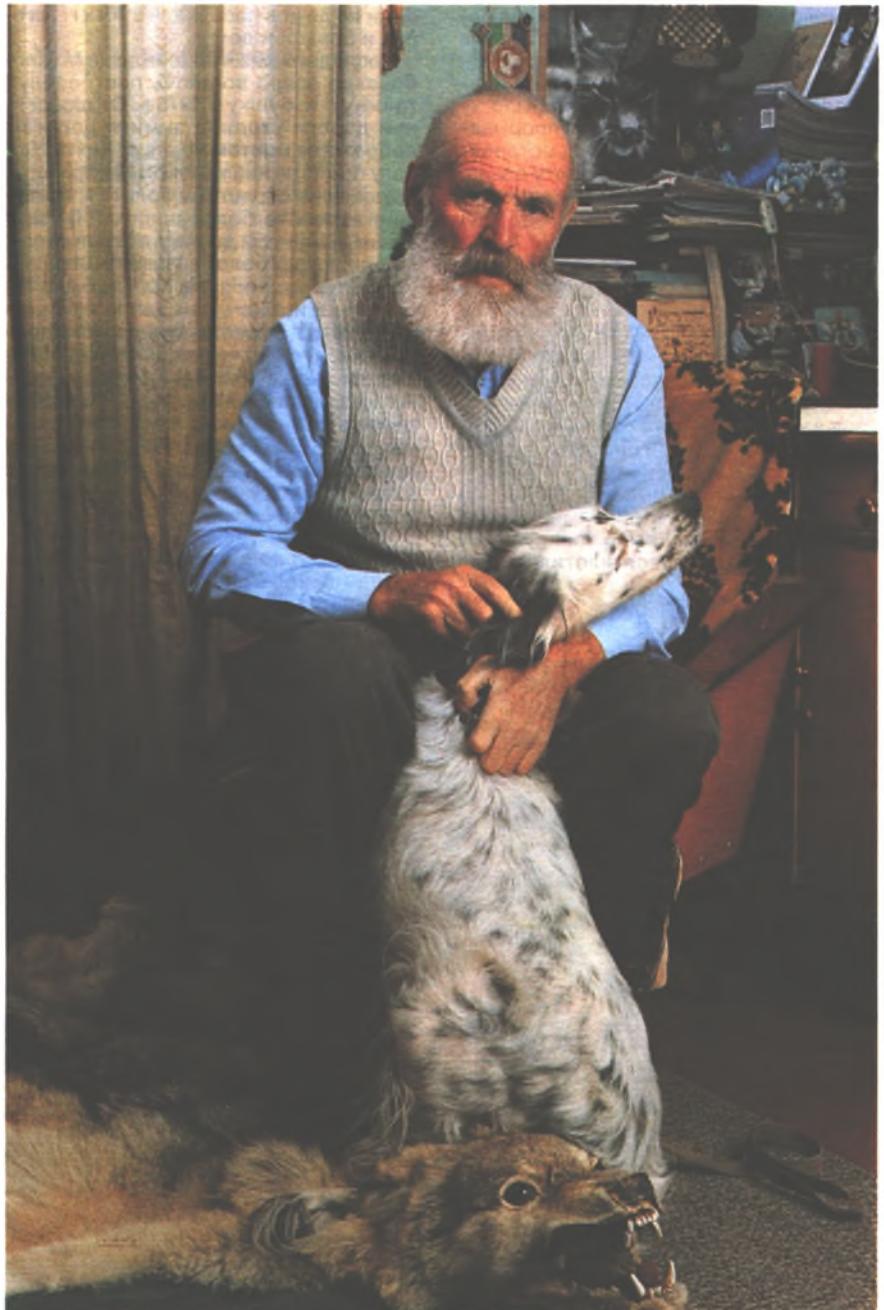

Фото С. Иванова

Михаил Павлович Павлов представлял теперь уже очень малочисленную когорту охотоведов довоенного и военного (ускоренного) выпуска Московского пушно-мехового института. Поступив на звероводно-охотоведческий факультет известной Балашихи в 1938 г., он вынужден был прервать учебу в связи с войной и эвакуацией института в Самарканд. Промежуточным периодом была первая самостоятельная работа зоологом противочумной станции в Приуралье (станица Кожехарово) зимой 1941/42 г. Учеба возобновилась в Самарканде в марте и завершилась в июле 1942 г.

Получив диплом с отличием биолога-охотоведа высшей квалификации, он был направлен в Ташкентское пулеметное училище, а после его окончания в звании младшего лейтенанта — на фронт. В период упорных боев в Донбассе в августе 1943 г. он был тяжело ранен, чудом спасен и несколько месяцев находился в госпиталях на излечении. Только зимой 1943—1944 гг. в родной подмосковной Верее удалось сменить кости на лыжные палки и вновь почувствовать себя охотником, преодолев недуг. В это время возвратился на прежнее место родной институт и М. П. Павлов стал работать лаборантом на кафедре биотехники под руководством своего учителя профессора П. А. Мантайфеля. В 1946 г. на этой же кафедре, но уже в качестве аспиранта, он приступил к научной деятельности. По согласованию П. А. Мантайфеля с Госкомитетом по заповедникам ему было поручено провести исследования по экологии горно-крымской лисицы и определить возможности способа регулирования ее численности в Крымском заповеднике. В 1948 г. по результатам этой работы была защищена кандидатская диссертация, после чего научно-исследовательская деятельность М. П. Павлова была продолжена в лаборатории акклиматизации охотничьих животных ВНИИ охотничьего промысла (ныне ВНИИОЗ). Возглавляя лабораторию в то время профессор Н. П. Лавров. С тех пор и по сей день юбиляр работает в этом институте.

Основная его исследовательская деятельность в течение первых более десяти лет заключалась в изучении результатов акклиматизации нутрии и возможностей расширения ее ареала на Кавказе и в Средней Азии. Результатом этой работы являются новые данные по биологии и экологии этого грызуна, изложенные в 20 опубликованных работах, и обоснование технологии полувольного нутриеводства (апробированной в ряде регионов бывшего СССР с кратковременным замерзанием водно-болотных угодий). Книга М. П. Павлова «Нутрия» (Заготиздат, 1951) была переведена на китайский язык и послужила первым руководством по нутриеводству в Китае. За работы в области нутриеводства юбиляр был награжд

ден в 1978 г. серебряной медалью ВДНХ СССР.

После переезда института из Москвы в Киров в 1958 г. М. П. Павлов в течение 25 лет возглавлял лабораторию биотехники (ранее акклиматизации). В эти годы круг его научных интересов значительно расширился. Объектами его внимания становились разные виды и группы видов животных: ондатра, бобр, шиншилла, волк, охотничьи собаки. Он был участником многих экспедиций в Западную Сибирь, Якутию, Камчатку и Дальний Восток, Памир, Казахстан и Узбекистан, научных конференций и совещаний в различных городах бывшего СССР. Среди 194 опубликованных им работ монография «Волк» (1990 г.), два тома «Охотничье собаководство» (1971 и 1976 гг.), четырехтомная «Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР». Многолетний грандиозный опыт акклиматизации, несмотря на неоднозначную оценку его роли и целесообразности и имевшие место ошибки, представляет несомненный научный интерес. Он недостаточно изучен, многим практическим материалам грозила участь забвения. Проанализировав и обобщив их в упомянутых книгах, сохранив для дальнейшего изучения, М. П. Павлов внес большой вклад в науку. Ряд его работ посвящен структуре охотоведения, задачам биотехники и другим теоретическим вопросам. М. П. Павлов известен и как эксперт-кинолог Все-российской категории, член Совета Российской Федерации по охотничьему собаководству, заводчик классных английских сеттеров и немецких жесткошерстных легавых.

Наш юбиляр вправе гордиться и своими учениками. За годы его руководства лабораторией биотехники во ВНИИОЗе ее сотрудниками и на ее материалах защищено 11 кандидатских и 2 докторских диссертаций. Его лекции слушали охотоведы нескольких выпусков Вятской сельхозакадемии. Он до сих пор поддерживает тесные, регулярные связи со многими специалистами России и за ее пределами, что, кстати, помогло ему тщательно выверить фактические материалы, отрецензировать фрагменты текста книг по акклиматизации охотничьих животных.

Жизненным стержнем нашего юбиляра всегда являлась охота. Безраздельная любовь к ней определила в довоенные годы выбор профессии, в лихие военные годы в Приуральских степях, в Средней Азии, в Крыму она спасала его, семью и друзей от голода, она вернула его к полноценной активной жизни после тяжелого ранения, постоянно служит источником вдохновения. Его профессионализм, знания и богатый личный опыт постоянно пополнялись в общении с простыми охотниками, он впитал в себя и умело использовал народную мудрость. Свой юбилей М. П. Павлов — заслуженный работник охотничьего хозяйства России встречает в строю. Он полон творческих замыслов и планов. Мы, его друзья, жалеем ему крепкого здоровья и благополучия.

В. САФОНОВ,
директор ВНИИОЗ

Как я стал охотником и охотоведом

М. ПАВЛОВ,
Заслуженный работник
охотничьего хозяйства России

Когда со мной стали общаться как с удачливым охотником, да еще и как с опытным специалистом в области охотоведения, я чаще стал получать приглашения не только от сельских, но и от городских учителей для бесед с ребятишками о том, чем могут быть привлекательны дикие звери и птицы. И вот начинал я эти беседы с повествования о том, сколь же восхитительно бродяжничество в пору вешних паводков по закрайкам пойм разбушевавшихся рек или по лесным островам, когда с наступлением осени словно багряной зарей расцвечиваются куртины осинников и белостольных березняков с вкраплениями ярко-алой рябины или калины. Ну а затем как бы вопрошал своих слушателей и о том, почему же по первозимку, когда земля России вдруг становится белой, первый снег восторженно воспринимается русской душой?.. Тогда же, чтобы вызвать у детей интерес к ярким явлениям природы, я с показом картин прославленных художников-пейзажистов прочитывал фрагменты из поэм сызмальства почитаемого мною великого русского писателя Николая Алексеевича Некрасова, писателя-охотника, славно воспевающего и трудный быт русской деревни, и деревенскую женщину, которая «...кона на скаку остановит, в горящую избу войдет...». И, конечно, крестьянских детей, как тех, для кого «...дровишки... из лесу, вестимо...», так и тех, что «из лесу вышли...», но когда уж: *У каждого полно лукошко, А сколько рассказов! Попался косой, Поймали ежа, заблудились немножко И видели волка... у, страшный какой!*

После таких бесед с ребятишками они не задавали вопроса, почему я подался в охотники, но, как помню, живо просили рассказать, как же мне удалось стать настоящим охотником. Должен сказать, что для меня такие их просьбы не являлись совсем неожиданными. К тому времени я хорошо проштудировал прославленные «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» Сергея Тимофеевича Аксакова и почти уже наизусть знал его поучительные суждения об Охоте и Охотнике. В этих рассказах я, естественно, нашел то, к чему подсознательно шел в стремлении понять саму житейскую сущность охотника. Ведь она эта сущность была им определена суждением о том, что «расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врожденная склонность, бессознательное увлечение». Ну а когда, словно бы про себя, я следом прочитал о том, что вот, мол, один деревенский мальчик «...кладет приваду из мякины, ставит волосяные силья или настороживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за бугром, босой, в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода... а других мальчиков не заставишь и за прянки этого делать», такого рода суждение мне сразу стало понятным. Поэтому как бы в свой адрес воспринимал я последующие аксаковские изречения с вопросами о том, «...кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдневным отдыхом, в паяющий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока?» или «Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем иногда очень немолодого человека по лесным чащам и оврагам, чтобы застрелить какого-нибудь побелевшего зайца?»... Поэтому с тем же понятием воспринимал я ответ Сергея Тимофеевича на эти вопросы, ответ, означененный одним словом — Охота! — «...без сомнения одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно».

С высоты прожитых лет я теперь по-аксаковски склонен считать, что и моя охотничья страсть поначалу возникла при ловле всякими способами певчих птиц и одновременно при содержании голубятни, возбуждавшей азарт, если удавалось приманивать к ней голубей-чужаков. В это же время определилась и «власть удочки», в чем свою роль сыграло и то обстоятельство, что рос я деревенским мальчишкой, старшим в многодетной бедноватой крестьянской семье, достаток которой во многом обеспечивался зимним конным извозом, составлявшим основное занятие нашего отца. Тут следует отметить, что семья наша входила в состав коренных

жителей старинной подмосковной деревни Верей, смежной с большим церковным селом Быково (близ которого теперь расположен одноименный аэропорт).

По-видимому, постоянно активный сельский быт ребятни в исключительно живописном месте предопределил и то, что тут, собственно, и началось мое познание живой природы России. Зимой, в частности, при лыжных походах проявлялось оно в неудержимом стремлении поближе подъехать к замеченному лисице, занятой мышкованием. Тогда же не упускалась возможность и пропротить русака, свежий наслед которого зачастую, как помнится, озадачивал тем, что «взрыв» косого с места затаек почему-то чаще оказывался у меня за спиной. А когда в морозный день я в вечернее время натыкался на стайку серых куропаток, кучно устроившихся на ночевку в снежной лунке, то, насмотревшись, как в ней они шевелятся, просто спугивал их, не понимая еще, что те куропатки, что далеко разлетятся и будут в мороз ночевать в одиночку, — обречены...

Многие годы спустя, заинтересовавшись и тем, а как довелось стать охотником, я доподлинно установил, что ни в семье моего деда по (отцу), где выросло пять парней и три девки, ни в семье нашего прадеда (деревенского старосты), у которого было не меньше детей, никогда не было охотников. Более того, к моему удивлению, не было их, как оказалось, и в родовой линии матери. Кстати, эта примечательность заключалась и в том, что среди четырех моих младших братьев, сколько-то пытавшихся подражать моим охотничим увлечениям, так и не оказалось охотников. Все они «застряли» на голубях, не упуская, правда, возможности половить рыбку на удочку.

В 30-х годах в качестве квартиранта на нашем подворье поселился охотник, притом поселился с семьей, с сыном-охотником и с породной гончей собакой. Сам он служил старшим кондуктором в поездах дальнего следования и между очередными рейсами располагал достаточным временем для походов по окрестным угодьям в поисках дичи. Был этот охотник с виду строгим, малоразговорчивым человеком и лишь изредка разрешал мне приложитьсь к ружью, выбивать из гильз простреленные пистоны, катать из нарубленного свинца дробь. Тем не менее с появлением у нас этого охотника моя деревенская жизнь словно бы обогатилась. Радостью стало, если он брал меня на охоту в болото, где я не хуже собаки плавал на речке за сбитыми утками или, как и собака, старательно разыскивал подранка в густом травостое.

По мере того как я, с каждым годом взрослея, перешел в 8 класс, в деревенском составе приезжих мальчишек стали определяться и другие охотники. Тогда в таком возрасте у сына колхозного сторожа мне удалось приобрести свое первое ружье — подержанную

ижевскую одностволку 16 калибра, но без цевья. Деньги на ее покупку (7 руб.) я скопил продажей на пристанционных рынках цветов сирени, а летом и лесных ягод, по пятаку за стакан. Это ружье позволило мне стать заводией в компании тех мальчишек, которых привлекали не только стрельба по галкам и воронам, но и походы по озерам и в болото с надеждой подстрелить хотя бы какую-либо дичину. В то время, что к месту будет сказано, такие походы с ружьем не пресекались кем-либо, так как охота в доступных для нас местах практически была довольно свободной во все сезоны года. Это обстоятельство лично для меня стало особенно памятным. И памятным потому, что на мое первое ружье, в первую же весну бог послал под выстрел очень желанную птицу, ставшую моей первой охотничьей дичью. То была кряква, в паре налетевшая случайно на лодку, когда в половодье я продвигался на ней по разливу болота. Я важно прицепил утку к поясу и, когда здесь все на нее нагляделись, не торопясь по главной улице пошел к моссельпромовской чайной, где всегда находились какие-нибудь посетители. Вышел я из нее лишь после того, как наслышался похвалы от подвыпивших мужиков. Хотя, прия домой, небрежно бросил эту первую свою добычу в угол кухни, словно стрельба утка была для меня уже привычным занятием.

К концу 30-х годов активность народнохозяйственного обустройства еще более усилилась, вместе с чем началось развитие ведомств, курирующих физкультуру и спорт, в которые были приобщены и секции охотников, создававшиеся при городских учреждениях. В это же время при очередном посещении книжного кiosка я увидел новый журнал, на скромной обложке которого красно-черными буквами было обозначено «Боец — Охотник». Не листая, я тотчас приобрел этот журнал, а по ознакомлении с его содержанием стал выслеживать, когда и где он поступает в продажу. Об этом, видно, догадалась и киоскерша, приберегая для меня поступавший к ней очередной номер. Вспоминая теперь о сем, я могу твердо сказать, что велико было значение этого журнала в моем становлении как охотника. Более того, многократно перечитывая интересное его содержание, я в те годы однозначно решил, что по окончании десятилетки мое место — в военном училище... Вместе с тем так получилось, что тот же журнал чуть ли не определил и трагический конец моей жизни. Стало такое результатом того, что в одном из его номеров я вычитал, как легко можно на разливах рек подплывать к присадам гусей, если соорудить для этого специальный плотик. Тогда, мол, лежа на нем и укрываясь за кучкой хвороста или сена, уложенной в носовой его части, несложно будет в полую воду подплывать к присадам этих птиц, если скрытно подгребать к ним плотик коротки-

ми лопатками. В том же журнале было помещено и устройство этого плотика с указанием размеров его частей, где значилась и высота бортиков — 20 см. Я, естественно, соорудил такой плотик и, не задумываясь о том, а можно ли плыть на нем в ветреный день, когда на водной глади пусть и небольшая волна, направился к известной присаде, где слышался гогот гусей. Кончилось, однако, все это тем, что, как только я отплыл от края разлива метров примерно на сто, плотик мой захлестнуло волной. Ну а когда я вскочил на колени, то по шею на нем оказался в воде. Только тогда я уразумел свою безнадежность, так как плотик медленно понесло в ширь разлива, где волны изредка накрывали меня с головой...

На другой день в родном доме, где я все еще находился под ватным одеялом, мне рассказали, что жизнь мою чисто случайно спас какой-то гражданин, любовавшийся с биноклем в пойме Пехорки водной стихией. Заметив мое погружение в воду, он тотчас подозвал ребят, катавшихся неподалеку на лодке, и с ними, уже беспамятного, вывезд меня на берег к деревне...

Тот год (1938) этой житейской драмы был годом завершения моей учебы в Быковской десятилетке. Не столь успешно сдав в ней последний экзамен, я, в день открытия августовской охоты, решил все же отметить с товарищем (сыном приезжей учительницы) завершение своей многолетней учебы походом с ружьем на болото. И вот в этот, ставший для меня знаменательным, день мы, заканчивая в моем доме экипировку ног шмотьем для лазания по болоту, неожиданно услышали по радио о том, что Московский зоотехнический институт Наркомвнешторга* в Балашихе объявляет набор конкурсантов на факультеты, в составе которых был назван и Звероводно-Охотоведческий. Услышав такое, я попросту обомлел, тогда как товарищ запомнил и как найти в Балашихе названный институт и когда в нем устанавливается так называемый «день открытых дверей». Не раздумывая, мы поехали в такой день в этот институт, размещавшийся, по слухам, в некогда богатейшем имении «жуткой крепостницы» Салтыковой, так прославленной ее сыном — неугодным в царское время русским писателем Салтыковым-Щедриным. Для меня тогда все это означало и первый выезд за пределы деревни, и первое путешествие в неведомый, по-настоящему дальний край. Не буду описывать, как мы, «деревня», оказались в охотоведческом корпусе этого института. Но то, что я осталенел, когда на втором этаже робко зашел в комнату, где все в ней шкафы были заполнены чучелами многих птиц и зверей, сказать все же считаю здесь нужным. И нужным тут потому, что за нами,

* В 40-х годах он был переименован в Московский пушно-меховой институт Министерства высшего образования СССР.

как оказалось, наблюдал благородного вида бородатый старик, сидевший за письменным столом в дальнем углу этой комнаты. Он вскоре неторопливо встал и медленно, с доброй улыбкой, подойдя к нам, тихо спросил: «Ну а вы-то откуда?» Преодолев оцепенение, мы разом пролепетали, что-де из деревни... Прослышили, мол, по радио... И вот не знаем теперь, туда ли мы пришли. На этот наш лепет последовал и другой вопрос: «А вы что, охотники?» Мы тотчас закивали в ответ, с радостью улыбаясь: «Ну тогда сюда!» После такого опроса последовал показ нам всей коллекции птиц и зверей, находившейся в застекленных шкафах, сопровождавшийся коротким, но увлекательным повествованием о том, чем удивительны те из них, о которых мы мало что знали. Ну а когда на всем этом наше знакомство здесь завершилось, я лично перерешел, что если и учиться дальше, то только охотоведению и только вот в таком институте, где студентов специально приобщают к этому делу. Правда, реализовать в ту пору это желание далось мне непросто, так как я понимал, что далеко не отличался хорошим усвоением школьных дисциплин. Понимал и то, что потребуется вновь, но уже старательно полистать прежние учебники. Притом и так, чтобы в составе многих абитуриентов выдержать конкурсные экзамены, после которых хотя бы с минимумом проходных баллов быть зачисленным на первый курс Звероводно-Охотоведческого факультета Московского пушно-мехового института. Поэтому не было в тот день слов, позволивших бы выра-

зить ту радость, с которой я воспринял первое извещение о том, что студенчество станет в моей жизни счастливой дальней явью...

Ну а когда настало время занятий, бальзамом для меня стало познание и того, что при ознакомлении, по-первой, с институтом мы, как оказалось, случайно забрели на кафедру биотехники и что беседовал-то с нами сам ее руководитель — профессор Петр Александрович Мантейфель...

Естественно, что студенчество в столь престижном для меня институте всесильно определило мою судьбу и как охотника, для которого какое-либо другое дело вовсе не являлось уже привлекательным. Способствовало сказанному и то обстоятельство, что в то время практически всем студентам этого подмосковного института представлялась возможность жить в срочно возведенном многоэтажном корпусе, который под номером 16 стал впоследствии душевно памятным для большого слоя талантливых охотоведов нашей страны. В том же отношении существенным было и то, что большинство студентов очередного курса, среди которых и я очутился, обосновались в общежитии этого корпуса, и почти все они представляли заядлых охотников. Поэтому в составе друживших со мной однокурсников я считаю своим долгом упомянуть Дмитрия Терновского, Льва Никифорова, Алексея Салганского, Саву Успенского, Вячеслава Адамовича, Владимира Чернышева, ставших впоследствии известными в охотоведении профессорами и докторами наук.

Окончание следует

После удачной охоты. Крайний справа М. Павлов

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос. Когда в охотничьих ружьях ставить чоковую сверловку?

Ответ. Американский журнал «Guns & Ammunition» (№ 2, 1975 г., стр. 46—48, 76—77) в статье Jim Nunnally «The 80-yard scattergun: fact or fiction?» утверждает, что чоковая сверловка охотничьего ружья не была, как это иногда утверждают, изобретена американцем Фредом Кимбелем. Известно, что ружейные мастера знали и практиковали сверловку чока задолго до середины 1870 г., когда появилось изобретение Кимбела. Так, уже в 1789 г. в газете Saint James Chronicle появилась реклама новых ружей с чоковой сверловкой. В 1835 г. Дейё в Vienx Chasseur сообщал, по крайней мере, о трех методах сверловки чока. «Тот ствол, — писал он, — который имеет слишком большое дульное сужение, редко дает хорошую осыпь в центре мишени». В середине 1870-х гг. знаменитое ружье Фреда Кимбела шестого калибра для стрельбы по уткам попало в Англию для испытаний. Хорошие результаты стрельбы были получены только при использовании снаряда из крупной дроби.

Вопрос. Изготавливался ли когда-нибудь нашей промышленностью вкладной стволик в гладкоствольное ружье под малокалиберный патрон?

Ответ. В 1956 г. некоторое время изготавливался вкладной стволик калибра 5,6 мм к одноточечному курковому ружью ИжК-4 16 калибра. Подогнанный к определенному ружью стволик после пристрелки на кучность и меткость боя клеймился номером ружья. Стволик располагался в патроннике таким образом, что шляпка патрона кольцевого воспламенения в одном месте пересекалась с центром патронника, что позволяло бойку, располагающемуся по центру патронника, наносить удар по капсюльному составу патрона кольцевого воспламенения без всяких переходниковых устройств. Стволик имел длину 180 мм с правым направлением закручивания шести нарезов, шаг которых составлял 437 мм.

Вопрос. Какова стоимость четырехствольного ружья МЦ40, изготавливающегося в Туле?

Ответ. Стоимость четырехствольного ружья МЦ40 равна 50 000 условных единиц, что означает при расшифровке на нормальный русский язык — 50 тысяч долларов.

Вопрос. Где можно купить четырехствольное ружье МЦ40?

Ответ. В городе Туле открылся магазин, в котором продаются оружие марки МЦ. Наш журнал уже об этом писал в первом номере 2000 года. Еще раз повторяю адрес: 300041, г. Тула, Красноармейский проспект, 17, фирменный салон-магазин «Оружие МЦ».

Тел. (0872) 27-04-28. Директор Зотов Михаил Вячеславович.

Ответы подготовил М. БЛЮМ

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ

А. А. СИЛАНТЬЕВ

Охотничий закон 3 февраля 1892 г. далеко несовершенен, да и распространяется он только на Европейскую Россию, так что охоту в России приходится считать неустроенной. Начиная с 1897 г. вырабатывается новый охотничий закон, теперь давно уже внесенный в Государственную Думу. Многие видят в нем избавление от всех зол, но это вряд ли так! Развитие охоты идет чисто историческим путем. Когда дары природы встречаются в изобилии, их совершенно не ценят, но когда население становится гуще, этих даров не хватает, появляется нужда в правильном учете их использования, а затем уже приходится прикладывать труд и капитал для их получения. Яркий пример этого — лес: сначала он «ничей», «дар Божий», и всякий рубит, что хочет, затем начинают охранять лес, ведут правильные рубки, а затем уже и разводят лес. То же самое с охотой. В период звероловства охота является жизненной необходимостью. Затем зверя становится меньше, появляется забота о сокращении охоты. Первый период безусловно свободной охоты сменяется новым — право охоты связывается с правом землевладения, — это период исключительного права охоты. Затем в средних веках царит период регалий, когда охота является исключительным достоянием Государственной власти и высшей знати. Забота об охоте принимала формы, чрезвычайно тягостные для населения, — в период брачной жизни животных, например, нельзя было ходить в лес. Революция уничтожила охотничий регалии, и настал период свободной охоты, когда охотиться может всякий, но только с разрешения Государства. Охота — есть дар природы, который должен использоваться вечно, и вот

появляются запретные сроки, регулируются способы охоты, и, наконец, те налоги, которые взимаются за право охоты, обращаются на надзор за ней.

Даже при идеальном законе об охоте она может все-таки приходить в упадок; закон является только внешним регулятором охотничьей жизни, так как он не может устранить неразумного пользования дичью, он не может помешать мне истребить у себя всю дичь в дозволенное время, дозволенными способами, что мы и видим нередко. Все дело в том импульсе, который заставляет нас беречь свою дичь и которого мы еще не знаем. Мы еще не можем отвыкнуть смотреть на охоту как на дар Божий — это касается как простого народа, так и нашей интелигенции. Нужно проникнуться экономическим взглядом на охоту; землевладельцу нужно понять, что она выгодна, что охотничьи угодья могут приносить постоянный доход, и тогда он будет принимать меры к тому, чтобы дичь держалась там постоянно. В Германии дичь является важным пищевым подспорьем в жизни населения, что объясняется правильным охотничим хозяйством. Как же обстоит дело с охотой в наших казенных лесах, площадь которых 350 миллионов десятин? Лес — естественное убежище дичи, особенно лес постоянно существующий. Теперь, когда мы переживаем эпоху земельного переустройства, дробления крупных участков, истребления лесов, в которых ютилась дичь, когда тайга истребляется переселенцами, когда поступательное движение культуры сказывается все сильнее, нужно переходить к организации правильных охотничьих хозяйств по примеру Западно-Европейских Государств, где дичи больше, чем у нас. Дичь у нас исчезает, но все же есть ценные области, как тундра и прилежащие леса, самой природой отведененные под охоту; но и там охота оскудевает.

Россия возникла среди необозримых

лесов и степей, наши предки поневоле должны были обратиться в звероловов, и продукты охоты были необходимым условием существования, предметами внешней торговли, применялись как подарки для иностранных государей, служили данью и даже играли роль денежных монетных знаков. Одни исследователи говорят, что периода регалий у нас не было, другие видят остатки его в ловчих налогах, накладываемых князьями. Даже князья охотились ради дохода, имели огромные угодья, где ловцы добывали зверя. Но и тогда знали охоту ради забавы, «утеху», которая носила главным образом характер единоборства с крупным зверем. С течением времени охота все дальше и дальше отступала на северо-восток и сыграла большую роль в деле завоевания Сибири, в виде погони за ценными соболиними мехами.

За те 80 лет, когда завоевывалась Сибирь, запасы соболиных шкурок были грандиозны, десятками тысяч вывозились они за границу нашими послами вместо денег. А в 1911 г. во всей Азиатской России добыто только 20 000 штук соболей. Иркутские и Лейпцигские купцы обратили на это внимание и указали Правительству, что этот важный промысел может исчезнуть в России. 9 июня 1912 г. был утвержден закон, которым соболиная охота запрещена на три года.

С XV—XVI веков промысловая охота теряет свое значение для князей и центрального правительства. По мере того, как население находит для себя невыгодным занятие охотой, большинство его переходит к другим промыслам, и только наиболее страстные охотники, не встречая помехи, беспощадно истребляют оставшегося зверя. Дичь, не интересная для промышленника, беспощадно истребляется спортсменами-любителями. И после них воцаряется пустыня. Теперь промысел играет видную роль только в немногих губерниях; в других промыслом зани-

* Лекция прочитана на Третьих дополнительных курсах для лесничих. Издание Лесного Департамента, Петроград, 1914 г.

маются очень немногие; это район спорадического промысла. В 1897 и 1912 гг. были произведены анкеты, и выяснилось, что за эти 15 лет промысловый район сильно сузился. Теперь к нему относятся: Архангельская, большая часть Олонецкой, лесные уезды Вологодской, Пермской и Вятской губерний. В Сибири промысловый район идет к северу от культурно-земледельческой полосы, прилежащей к Сибирской железной дороге, в пределах которой охота утратила свое важное значение; по обеим сторонам железной дороги дичь исчезла. В степной полосе киргизы охотятся из любви к спорту; в горных же районах, не пригодных к сельскохозяйственной деятельности и покрытых лесом, охота имеет большое значение. Вся же остальная Россия обеднела дичью, и охота носит спортивный, спорадический или же браконьерский характер. В промысловых охотах главную выгоду получает само население; землевладелец — казна почти ничего не получает. В непромысловых районах получает выгоду только землевладелец, который использует страсть к охоте местных любителей. Чем культурнее место, тем больше дохода получает он. Основою промысла является небольшое количество животных: белка во всей Европейской России и Западной Сибири; на востоке в Енисейской губернии, в Баргузинском округе Забайкальской области — соболь; в Амурской и на Сахалине также он; затем идут: глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка. Жвачных животных добывают ради домашнего обихода. Главная причина упадка промысловых охот — несовершенство закона, который даже в Европейской России действует не в полной мере, фактически же почти совсем не соблюдается. Отсутствие запретных сроков, самоловные приборы, массовое истребление животных, условия сбыта — все это вредно для промысла. Самоловные приборы вредны тем, что при малом количестве дичи их приходится ставить очень много, так что осматривать их можно только раз в несколько дней, а за это время хищники истребляют большую половину добычи, а в теплую погоду она пропадает вся. Массовые способы добычи — это охота по насту, глубокому снегу и льду, когда истребляются крупные жвачные. Охотники на лыжах гонятся за проваливающимися животными и избивают часто больше, чем могут взять. Если лось формально защищен от истребления — запретный срок на него с 1 января по 15 августа — то другие животные совершенно беззащитны. Очень вредна охота на линяющую дичь — гуси, утки, лебеди линяют сразу, не могут летать, забираются в укромные места, но охотники разыскивают их там и избивают иной раз просто палками в громадных количествах. В смысле пушного промысла вредной является неорганизованность сбыта пушнины. Весь промышленный район поделен между отдельными скупщиками, которые, пользуясь от-

сутствием конкуренции, страшно недобросовестным меновыми торговом закабаляют себе промышленника. Пушнина рассчитывается непомерно высоко, но товар расценивается еще дороже, и при мене промышленник теряет очень много. Торговля всегда производится в кредит, и население бьется изо всех сил, чтобы добыть пушнины для уплаты долга. Водка, в больших размерах применяемая скупщиками, часто заставляет промышленника уступать за бесценок свою добычу.

Новый закон предполагает запретить самоловные приборы, но заменить их у нас нечем: ружей в 20—30 раз меньше, чем требуется, дробь очень плоха — высокий тариф на нее заставляет перевозить свинец болванками, а на месте дробь выделяют очень плохую — так что запрет самоловных приборов является задачей трудно разрешимой. Надо изъять меновыи торг, устроить склады из огнестрельных припасов, продукты первой необходимости продавать в кредит, а меха продавать с аукционов, как это делается в Лондоне и Лейпциге. У нас есть удачные опыты в этом направлении — Новую Землю заселили самоедами, снабжают их всем необходимым, меха продают — и самоеды благоденствуют. Были проекты устроить магазинные склады, но из них ничего не вышло.

Наша промысловая охота трудно поддается учету, счесть добываемую дичь невозможно, но мы можем проследить движение пушнины по данным внешней торговли.

Годы	1903	1904	1905	1906	1907	1909	1910
Вывоз, млн	2,7	4,5	4,5	6	5	6	8
Ввоз, млн	7,5	5	5	5	7	9,5	12,5

Оказывается, что мы ввозим больше, чем вывозим, нам не хватает своей пушнины, но мы вывозим сырью пушнину и получаем выделанную, причем часто — это наш заяц или сурок, окрашенный и покупаемый нами за дорогой мех.

Туркин собрал материал, иллюстрирующий движение этих товаров в зависимости от различных событий, и у него получились очень любопытные диаграммы. В неурожайные годы интенсивность охоты повышается, кривые урожая и охоты диаметрально противоположны. У него есть данные о вывозе заячих шкурок с 1824 по 1897 г. Заяц живет по всей России, и судьбы ее очень быстро отражаются на нем. В неурожайные годы зайца вывозится очень много; в годы войны или великих реформ 1861—1863 гг. заяц благоденствует. Туркин подвел приблизительные итоги всей добычи зверей в России. У него получилось 56 миллионов голов в год. Белки бьются 10—16—20 млн. Затем идет заяц, сурок, лисица; остальные бьются в меньшем количестве. Вся пушнина скапливается в руках все более крупных скупщиков и попадает на

Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Но за последнее время агенты иностранных купцов появляются в Сибири и покупают товар из первых рук. Центры мировой торговли — Лондон и Лейпциг. В 1907 г. в Вене была всемирная охотничья выставка; мировые обороты по торговле пушниной достигли 150 млн. руб., из которых 70 млн. приходится на Лейпциг. В Азии — главным образом русской — добывается на 55 млн., в Северной Америке на 50 млн., Южной на 4, Австралии 12, Европе около 50, из которых большая часть должна падать на Россию. Из этого вытекает, что наша пушнина ценится там гораздо выше, чем у нас, и что в Западной Европе она так же добывается, хотя и не высокого качества. Пернатая дичь отчасти также идет за границу, но предварительно стекается в Петербург и Москву, где в особых складах-ледниках она хранится в течение всего года. В этих городах скапливаются миллионы пар рябчиков и глухарей. Теперь с устройством вагонов-ледников дичь может подвозиться круглый год. У нас даже приблизительно трудно определить количество добычи, а в Австрии, например, уже многие годы количество добываемой дичи известно с абсолютной точностью.

Часто говорят, что нельзя развести дичь, раз ее нет, но в Западной Европе было то же самое. После революции дичь почти исчезла, но теперь количество ее растет. В 16 лесничествах Маргебурга в 1857 г. было оленей 274 и косуль 1256, а через 50 лет их стало 1860 и 4267. Рост культуры ничуть не мешает увеличению дичи. У нас, например, нельзя установить доход казны от охоты; в сметах есть доход двоякого вида: 1) доход от побочных в лесу пользований, 2) доход от оброчных статей. Первый в Европейской России на пространстве 106 млн. десятин дает от 16,5 до 19,5 тыс. руб., а в Азиатской от 111 руб. до 2,5 тыс. руб., в 1908 г. доход 20,5 тыс. руб., в 1911 г. 26. Точные сведения о Лужском уезде Петербургской губернии определяются для него доходы от охоты 12 тыс. руб. Интересно это сопоставить с данными Германских казенных лесов; по германской охотничьей переписи в 1885—1886 гг. зверей было убито 2 987 000 штук на 4 млн. руб., птиц 4,5 млн. штук на 1,4 млн. руб. Всего значит на 5,4 млн. руб.; из них в казенных лесах было убито зверей на 295 тыс. руб. и птиц на 20 тыс. Спустя 20 лет за год было убито: зверей 6,3 млн. на 10,6 млн. руб., птиц 5,3 млн. на 24 млн. руб. Но это выручается в Германии от дичи, как мяса; те же самые звери были учтены, как дающие шкуры — олени, ланы, кабаны и козы дали шкур на 249 тыс. руб., зайцы и кролики на 1,5 млн. руб.; всего пушнины на 887 тыс. руб., а всего дохода от зверей 15,7 млн. руб. Там ведется совершенно особое охотничье хозяйство, дичь является необходимой принадлежностью леса, охота в казенных лесах обыкновенно не сдается в аренду, так как вторжение в лес постороннего эле-

мента мешает вести правильное лесное хозяйство. Запасы дичи в казенных лесах Германии эксплуатируются частично хозяйственным образом, частью же путем сдачи охоты в аренду, причем арендаторами охоты так называемой низшей, на мелкую малоценную дичь, являются главным образом сами же лесничие. За последнее время наблюдается стремление взять всю охоту в казенных лесах «в администрацию», избегая аренды посторонними лицами и даже самими лесничими. В марте представляется смета — сколько оленей, ланей, косуль имеется в лесничестве, и лесничий в течение года должен определять к убою 1/5 часть жвачных животных и определенное количество другой дичи. За каждого убитого зверя в казнь вносится стоимость его, по определенной для каждой местности таксе; удерживаются только расходы по охоте и вознаграждение леснику, в обходе которого убита дичь. Собак обязан иметь сам лесничий. Охота не сдается в аренду и потому еще, чтобы не понижать арендной платы частных лесных владельцев. Валовой доход от охоты в казенных лесах в одной только Пруссии дает 240 тыс. руб. в год; управление охотой и вознаграждение за по-травы, произведенные дичью, составляют 53 тыс. руб. Чистый доход 373 тыс. марок — около 187 тыс. руб. В России доход от охоты в казенных лесах самое большое достигает 50 тыс. руб.

Организация охотничьего хозяйства очень трудна и сложна. Она слагается из трех основных моментов: 1) изучение объекта охоты и охотничьих угодий; 2) охрана дичи от всяких вредных влияний, от браконьеров, от хищников, от метеорологических невзгод, от голодовок — забота о животных в двух последних отношениях очень трудна и 3) правильное использование дичи. Прежде всего нужно позаботиться об учете дичи. Имея лесничество, например, мы должны всесторонне изучить его со стороны состава фауны и распределения животных в пространстве, изучить периодические явления в их жизни. Глухари, например, летом являются наземными птицами, зимою больше держатся на деревьях, и вот надо изучить, где и в какие времена года держатся животные, определить крепкие места, места жировок. Кабаны, например, больше держатся низких мест леса, а осенью выходят кормиться на окрестные поля.

Надо узнать места брачных игр животных, тем более, что места эти обыкновенно постоянны; глухаринные тока из года в год бывают в одних и тех же участках леса, часто на одних и тех же деревьях, тетеревинные на одних и тех же полянах. (Подобное изучение двух обходов Долговского лесничества Лужского уезда было сделано студентом Л. И. Троицким в 1913 г. Изо дня в день все лето ходил он по этим обходам, записывал все, что ему встречалось, например, выводки, места, где водятся лоси, где осенью останавливается пролетная дичь, считал выводки и все это

условными знаками наносил на план). При самом начале организации хозяйства нужно определить емкость охотничьих угодий, максимальное количество дичи, которое может там прокормиться. Г. Фальцфейн в лесной полосе России устраивает заповедники — нечто вроде естественного зоологического сада. Его дача Налибокская пуща — лесной массив из 22 тыс. десятин, где никогда не велось никакого хозяйства. Зверя там очень много. Еще недавно там было 700 лосей, но в 1905—1906 гг. они были сильно истреблены, хотя и теперь их там 170; коз больше тысячи, кабанов больше 150. Чтобы не беспокоить дичь, лес не рубили, кругом же все вырублено, и дичь голодает. На этой территории выедено все до чиста; соснового подроста нет, осинок тоже — все съедено лосями. Козы кое-как перебиваются, питаясь тальником, вереском. Последняя лесосека, вырубленная 20 лет назад, заселилась елью и бересой, но деревья едва достигают сажени высоты — лоси в период рева вытаптывают и ломают их. Дичь голодает, разбегается в соседние лесосеки и там избивается. Здесь нужно вести рубки, чтобы животные стянулись туда, а проходными рубками удалять их от периферии. Тогда они не будут убегать, а вред от них, распределенный на большое пространство, будет незамечен. Важны места водопоеев, так как без воды зверь жить не может, иногда нужно расширять ручьи, проводить канавы. Изучение и нанесение на план всех этих пунктов очень важно. В крупных лесных массивах особенно крепкие места нужно отвести под заказник; если требуют интересы лесного хозяйства, то хотя временный, переходящий из одного места в другое. В промысловых районах надо устраивать заповедники, где бы вечно могла бы держаться дичь. Иногда в интересах охоты приходится вести специальные рубки: таковы выборочные рубки на глухаринных токах, где при сплошных рубках тока прекращаются. План охоты может составляться самим лесничим, но можно устроить так, чтобы в плане лесоустройства принимались во внимание и интересы охоты. Затем нужно счесть дичь, конечно, более крупную, мелких животных счесть невозможно. Учет производится так: в известный день, лучше всего по пороше, каждый лесник идет вокруг своего обхода и считает следы вышедших и вошедших зверей, записывая их количество, пол и возраст, что не трудно сделать опытному человеку. Точно так же обходят вокруг всей дачи и проходят по самому лесу. В дурную погоду дичь может держаться в одном месте и по следам учтена быть не может. Все данные просматриваются, сравниваются и, сделав несколько учетов за зиму, можно точно счесть животных. А опытный егерь знает не только количество животных в своем участке, но и все события в их жизни. Затем нужно организовать охрану животных — прежде всего от лесной стражи, которая, пользуясь правом

бесплатной охоты в казенных лесах, варварски истребляет дичь. Чтобы отчасти уменьшить зло, хотя вооружить лесную стражу револьверами вместо ружей, но это затруднит борьбу с браконьерами, вооруженными лучше, и с хищниками.

Лучшим выходом было бы введение в казенных лесах охотничьей стражи и изъятие охраны охоты от лесников, и без того заваленных работой, так как надзирать за охотой они могут только попутно. Борьба с браконьерством вообще очень трудна; частным владельцам приходится или экономическим путем влиять на население или принимать на службу самых страстных браконьеров: пользуясь отчасти правом охоты, они очень ревностно защищают дичь от посторонних.

Вопрос о борьбе с хищниками очень сложен; сейчас их всех можно истреблять всегда и всеми способами, но последние исследования показывают, что многие хищники весьма полезны для сельского и лесного хозяйства. Крупные хищники — тигр, барс, волк, рысь — разумеется, вредны; в 1896—1897 гг. за год было истреблено 1200—1400 людей, 150 000 лошадей и жеребят на 2 млн. руб., больше чем на миллион руб., коров — всего убыток составлял 4,5 млн. руб. Из этого убытка на долю крупных хищников приходится 89 %, на долю мелких 2, а 9 % на долю хищных птиц, истребляющих, главным образом, домашнюю птицу. Мелкие же хищники приносят больше пользы, чем вреда. Лисицы истребляют зайцев, хорьки, горностаи, ласки, хотя и вредят дичи, но гораздо больше истребляют грызунов. Относительно хищных птиц работы Рерига и многих других установили, что в желудках многих птиц, хищных, и поэтому, как думали, подлежащих уничтожению, находится гораздо больше остатков вредных животных, чем полезных. Силула истребляет 67 % вредных и 33 % полезных, лесная нясят 80 % вредных, сырь, болотная и ушастая совы — 97—99 % истреблять их, конечно, нельзя. Из дневных хищников ястреб перепелник истребляет 98 % полезных животных, тетеревятник также очень вреден: другие же дневные хищники скорее полезны. Сарыч истребляет 72 % вредных, пустельга 83 %. Поэтому если мы принимаемся за борьбу с хищниками, то надо ее вести так, чтобы гибли только определенные птицы.

Лучше всего их стрелять или же ловить, пользуясь как приманкой живой птицей. Обычно же их часто ловят капканами, которые ставят на суховершинных деревьях, или на высоких столбах, где любят садиться хищники — но при этом попадается гораздо больше полезных хищников. Во время пролетов хищников, когда их бывает много, хотя и в редких стайках, охотятся на них так: на одинокое дерево сажают филина или его подвижное чучело. Всякий хищник обязательно подлетит ударить его и попадет под выстрел спрятавшегося охотника. Из ло-

вушек хороша клетка из сетки, в которую помещается голубь; сверху ставится капкан — попадается только тот хищник, который питается живыми птицами, т. е. вредный. Иногда приходится назначить премии за убитых вредных животных и привлекать к истреблению их местное население; нужно только помнить, что когда премия платится за ворон, то их частенько привозят издалека, а когда оплачивают хвосты бродячих кошек или собак, то их режут у домашних живых животных — подобные случаи бывают часто. Когда вырабатывался всем известный циркуляр, много говорилось о поощрении тех лесников и объездчиков, которые усердно истребляют хищников, особенно волков, но в циркуляре об этом случайно не упомянули.

Затем нужно защитить дичь от климатических невзгод и голодовок — мы видели, как исчезает дичь даже охраняемая, потому что ей нечего есть. Кормить приходится обыкновенно зимою. Крупные жвачные обыкновенно кормятся сеном или прямо из стогов или из особых кормушек. Лучше всего пучок сена привязывать соломой вокруг ствола — животные не боятся таких кормушек, да и место их можно менять постоянно; у постоянной кормушки, к которой привыкли животные, в бурную ночь браконьеры могут истребить все стадо. Все, что остается после прочистки молодняков, стрижки изгородей, может служить кормом для дичи. Для кабанов вывозятся кухонные отбросы, содержащие помойные ямы. Иногда приходится подсевать корм или на мелких полянах, или даже на особых кормовых полях — сеют земляную грушу, у которой годится и зеленый корм и клубни, *Spartium scorarium*, некоторые виды гречихи. Эти поля служат и убежищем для дичи, например зайцев и куропаток. Где мало кустов, устраивают ремизы — кормовые поля, обнесенные кустарником, — здесь и кормится и прячется дичь. Для жвачных животных, которые нуждаются в соли (охота на солонцах известна всем), устраивают солонцы из глины с солью или разбрасывают каменную соль. Благодаря этому дичь охотнее держится в данных угодьях. При глубоких снегах надо устраивать дороги от одной кормушки к другой — бывали случаи, когда при глубоких снегах целые стада животных гибли от того, что не могли добраться до корма. Дороги проводятся треугольником из досок, которые тащат лошади. В сильную ожеледь, гололедку и в снег местную дичь, как серую куропатку, переловить, продержать в холодном амбаре до весны, немного подкармливая, а когда они разбоятся на пары, в клетках выносят в поле и открывают дверцы. Птицы выходят из клетки и почти никогда не уходят далеко. Затем идет вопрос о дичеразведении. Закон дает только минимальные правила и для охраны дичи и ее размножения запретные сроки можно увеличивать. К 29 июня утятя бывают то летними, то подшлепышами, ко-

торых ловят собака. Лесную дичь в годы, когда яйца побиты морозом и выводки редки, нужно щадить совсем. Маток тетеревов и глухарей нужно щадить. Из выводка брать не больше половины. Весенняя охота на токах не вредна, если она производится разумно. Дец 40 лет вел запись токов на Императорской охоте, и оказалось, что тока, на которых никогда не охотились, не увеличиваются — 3—4 сильных токовика прогоняют всех соперников. Текже тока, где производится бережная охота, постоянно увеличиваются. Но весенняя охота страшна тем, что многие попавшие в лес стреляют все, что попадается под руку; а если запретить совершенно весеннюю охоту, то надзор за ней сильно упростится — всякий выстрел в лесу будет тревогой. Нормой отстрела дичи принимают 1/5, прежде всего бьют старых и больных животных, потомство которых нежелательно, иначе дичь мельчает. В природе этот отбор производится хищными зверями. Теперь известны случаи страшного измельчания лосей, так как рогачей истребляют, и размножаются молодые, неполовозрелые лоси. Старые самки и старые сильные самцы вредны, так как потомства часто не дают.

Теперь охота чаще сдается в аренду; билетная система несовершенна — лицо, получившее билет, старается

только побольше набить зверя. Выгоднее долгосрочная аренда 16—20 лет, причем арендатору желательно давать право продолжить ее. Здесь приходится заботиться только о том, чтобы арендатор не истребил дичь в последние годы аренды. Надо устанавливать, какая доля дичи или сколько голов ее должно оставаться к концу срока. В английских колониях билет выдается на право добычи определенного числа, определенного зверя, а затем отбирается снова.

Чины лесного ведомства пользуются правом бесплатной охоты в казенных лесах. Это всюду вызывает отрицательное отношение и будет отменено. Желательно провести в жизни следующее: при каждом лесном управлении устроить по образцовому охотничьюму хозяйству, где бы охотиться могли только чины этого управления, занимающиеся хозяйственным отстрелом дичи.

Если какой-либо дичи нет, то ее нужно развести, и напуск дичи бывает нередок. В Валдайском уезде ловят зайцев тенетами и отправляют в охотничью уголья, там зайцев выпускают, и они убегают — сначала их нужно выдержать в огороженном «заячьем парке». Зайчата проскакивают сквозь изгородь, привыкают к родному месту и уже не убегают. Ловят также глухарей и тетеревов. Молодых птиц поймать

легко, но они трудно переносят транспорт. Лучше достать яйца глухаря и положить их в гнездо тетерки, которая высидит и воспитает птенцов — так можно развести глухарей. Но у нас обыкновенно все это излишнее — дичи у нас много своей, и ее легко размножить разумными мерами ухода и охраны.

В Северной Америке широкое развитие получило промысловое звероводство. Там стали разводить чернобурых лисиц, подбором производителей вывели ценную расу их, и зоофермы распрут, как грибы. Отдельные производители оцениваются до десяти тысяч рублей.

Розенов устраивал зооферму в Архангельской губернии, но рано умер. Одна зооферма, субсидируемая Правительством, находится на станции Лисино Балтийской ж. д. Там разводят соболей, песцов и чернобурых лисиц. Близ Бологое есть частная зооферма князей Путятиных. Промысловое звероводство трудно: зверь трудно размножается в неволе и нередко, например, заносят детенышей, перенося их с места на место при малейшем беспокойстве. Сначала приходится долго учиться на малоценных зверях. Сейчас исследования зооферм Северной Америки производят наш сельскохозяйственный агент Генерозов; в охотничем журнале имеются его статьи на эту тему. У нас промышленники часто вырывают из нор молодых лисят и песцов и выдерживают их в клети — мех получается малоценный, и о звероводстве здесь не может быть и речи; еще чаще их убивают прямо в норе.

Россия, в смысле организации хозяйства, делится на районы: Прибрежный у берегов Северного океана и песчаных берегов южных морей, где массовые скопления дичи образуют неисчислимые запасы ее. Охотятся там просто. Являются на птичьи базары, забирают все яйца, которые часто годны уже только на мыловаренные заводы, палками избивают птиц, нагружают целые карбасы и упывают до следующего года. Гнезда гаг разоряются сплошь, птичьи базары часто исчезают совершенно. У берегов Дании гаги также устраивают колонии; в период гнездования они очень смиры, владелец колонии ходит между гнезд, ведет счет яйцам, часть их забирает, так как гаги легко переносят это. Когда птенцы вывелись, он забирает их в корзину и сносит в море, чтобы они не пострадали по дороге к нему; гаги при этом мирно идут за ним; затем уже забирается пух из гнезд. Охрану птичьих базаров лучше всего поручить чинам надзора за рыболовством; берег моря разделить на участки, использовать их поочередно и запретить пользование яйцами.

Второй район — тундра, населенная кочевниками. Там не может быть и речи об охране охоты, нужно только изъять из продажи шкуры крестоватиков — молодых песцов. В годы, когда переселяется пеструшка (лемминг), а за ней движутся песцы, шкур крестовати-

ков страшно много, а цена их в 20—30 раз меньше, чем цена старого песца. Надо запретить торговлю этими шкурами, и молодых песцов бить не станут. Затем в тундре водится неисчислимое количество водной дичи, наследование ловит ее и запасы хранят целый год. Ограничивать эту охоту нельзя.

Затем идет промысловый район, где охота выгодна населению. Мы говорили уже о мерах к поднятию и сохранению там охоты. Местами придется допустить временно самоловные приборы. Нужно ввести крупные Государственные заповедники, охота в которых должна караться очень строго (3—6 мес. тюремы). В переходной полосе можно ограничиться хозяйственными заказниками, постоянными или временными, и ввести охрану. В самых культурных, малолесных местностях можно заводить уже правильное охотничье хозяйство. Нужно отметить малую подготовленность лиц, стоящих во главе хозяйства, — даже охотник ничего не может сделать без знания. Лесничий, обязанный по закону охранять охоту, должен получить специальное образование. После многих усилий был введен в Лесном институте, сначала необязательный, курс охотоведения.

Охотничья Комиссия в Государственной Думе высказала пожелание, чтобы такие курсы были введены во всех высших лесных и сельскохозяйственных учебных заведениях. Охота входит в программу преподавания низших лесных школ, но там это носит бутафорский характер. В настоящее время охотой ведает наше Ведомство и Министерство внутренних дел.

По проекту все это переходит к нам, вместе с охотничим капиталом. Сейчас хотят устроить на Кавказе национальный парк, на пространстве 200 тыс. десятин, а с пограничной полосой он займет 400 тыс. Все в нем останется в нетронутом виде.

В нашем ведомстве техникой охоты и охотой на частных землях ведает Департамент Земледелия, а охотой в казенных лесах — Лесной Департамент. Сейчас имеются кадры специалистов по охоте, работы которых отчасти печатаются под общим заглавием: «Материалы к познанию охотничьего дела в России». Были произведены исследования охоты в Лужском уезде, соболиного промысла в Пермской губернии, фазановодства в Келецкой и Радомской губерниях (фазанов много разводится в Западной Европе, и они могут быть с успехом разведены у нас в местах с мягким климатом). Г. Л. Доппельмайр 8 месяцев провел в Западной Европе, изучая основы кормления оленей — это важно для Сибири, где разводится много маралов, зубров и пятнистых оленей. Сейчас готовится партия для устройства в Сибири соболиного заказника.

Фото А. Дигилевича

А. УСПЕНСКИЙ,
доктор ветеринарных наук,
профессор ВНИИ гельминтологии
им. К. И. Скрябина,

А. МАКСИМОВ,
главный ветеринарный врач,
канд. вет. наук, ГУ «Центрхозконтроль»,
Департамент по охране
и рациональному использованию
охотничьих ресурсов
Минсельхозпрана России

Роль диких животных в эпидемиологии и эпизоотологии многих опасных паразитарных болезней высока. Наибольшую угрозу из них имеет трихинеллез — опасное гельминтозное заболевание животных и человека.

Наиболее восприимчивы к трихинеллезу домашние свиньи, собаки, кошки, крысы, мыши, а среди диких животных — кабаны, медведи, волки, лисицы, морские млекопитающие и пушные звери. Заболевание проявляется как в виде единичных случаев, так и массовых вспышек среди населения, животных и часто заканчивается гибелью людей.

Возбудитель трихинеллеза — мелкая нематода, трихинелла спиральс. Источник заражения людей — мясные продукты, пораженные личинками трихинелл. При употреблении мяса больных животных их мышечная ткань переваривается под воздействием желудочного сока, личинки трихинелл освобождаются от капсул, превращаются в половозрелых самцов и самок. Каждая самка отрождается в среднем 1500 личинок. Через кровеносную и лимфатическую системы личинки разносятся по всему организму, но развиваются и становятся инвазионными только в перечно-полосатых мышцах. Вокруг личинок со временем образуется капсула, где личинки могут сохранять свою жизнеспособность в течение нескольких лет.

Анализ вспышек трихинеллеза в ряде регионов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа свидетельствует о том, что наибольшее эпидемиологическое значение имеет фактор прямой передачи инвазии через туши убитых диких животных, мясо которых используется в пищу населению или через туши зверей, скормливаемых домашним свиньям и другим синантропным животным.

Второй важный путь передачи инвазии обусловливается свободным выпадением свиней в непосредственной близости от лесных массивов, где происходит их прямой контакт с инвазионным началом, в частности при поедании трупов павших животных, крыс и т. д. На долю этих факторов приходится более 50 % всех случаев трихинеллеза у людей в указанных регионах.

Наиболее актуально эта проблема стоит в регионах с развитой охотой. Так, основным фактором в заражении

ТРИХИНЕЛЛЕЗ - ЭТО ОПАСНО

людей трихинеллезом, в частности в Хабаровском крае, является употребление мяса медведей, кабанов, барсуков, енотовидных собак — до 90 % всех случаев трихинеллеза и лишь 4 % — от употребления свинины. В Иркутской области — до 97 %. В то же время в Центральном и Северо-Западном регионах 92—94 % случаев трихинеллеза у населения вызвано употреблением свинины и лишь 6—8 % мяса диких животных.

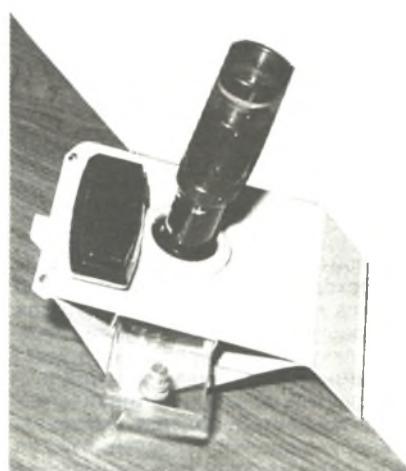
Наиболее неблагополучным в эпидемиологическом плане является контингент населения, включающий охотников и членов их семей, а также геологов, нефтяников, газовиков, работников экспедиций и т. д. Основные источники инвазии: мясо медведей — до 77 %, дикого кабана — 5 %, в остальных случаях — мясо енотовидной собаки, барсука и других охотничьих животных.

В общей структуре неблагополучных по трихинеллезу регионов России сложная ситуация отмечается и в Центральном регионе.

В ряде случаев пораженность туш свиней составляет до 0,13 %, собак — 12,3 %, кошек — 12,9 %, серых крыс — 2,4 %; охотничьих животных: кабана — до 2,0 %, волка — 38,8 %, рыжей лисицы — 32,0 %, енотовидной собаки — 20,0 %, барсука — до 1,0 %.

Учитывая широкий круг восприимчивых диких животных и многообразие их трофических связей, передача возбудителя трихинеллеза в природе может осуществляться на нескольких уровнях, включающих в систему циркуляции паразита как насекомых-трупоедов, так и плотоядных, всеядных животных и крупных хищников (см. схему).

В соответствии с отмеченной потенциальной эпизоотической связью между дикими и домашними животными, важную роль в профилактике этого заболевания играет ветеринарно-санитарная экспертиза туш животных и мясопродуктов. Диагностика трихинеллеза по клиническим признакам практически невозможна, поэтому подверга-

Портативный полевой трихинеллоскоп «Трихинон»

ют трихинеллоскопическому контролю мышечную ткань животного.

Наиболее эффективен в полевых, охотничьих условиях метод компрессорной трихинеллоскопии, который не требует сложного оборудования и значительной методической подготовки исполнителя. Для проведения анализа лучше использовать легкий портативный полевой трихинеллоскоп «Трихинон», укомплектованный всем необходимым для проведения исследования как при дневном освещении, так и в темное время суток.

При экспертизе туши медведя отбирают пробы из ножек диафрагмы, животных или межреберных мышц, у кабана — из ножек диафрагмы, у других плотоядных — из икроножных мышц. Вес каждой группы мышц должен быть не менее 5 г, а общий вес пробы от одного животного — около 25 г.

Из образцов мышц изогнутыми ножницами по ходу мышечных волокон делают 24 среза величиной с овсяное зерно, которые помещают в середину клеточки компрессориума, накрывают

вторым стеклом и завинчивают винты, раздавливая срезы так, чтобы они стали прозрачными и удобными для просмотра. Компрессориум помещают в поле зрения трихинеллоскопа и исследуют на наличие личинок трихинелл.

При просмотре срезов обнаруживают капсулы с личинками трихинелл, которые могут иметь лимоновидную или округлую форму. Внутри капсул расположены одна или несколько спирально свернутых личинок. При обнаружении в срезах хотя бы одной личинки вся туша подлежит уничтожению!

Таким образом, трихинеллоскопический контроль, в частности с помощью устройства «Трихинон», является эффективным средством личной профилактики трихинеллеза у охотника, членов его семьи и соседей.

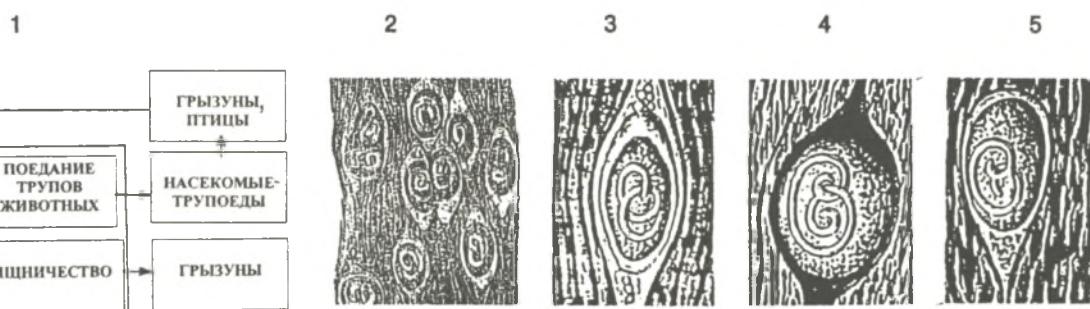
Учитывая высокий уровень трихинеллеза у диких животных и сложную эпидемиологическую обстановку, необходимо отметить, что ее улучшение возможно как на основе внедрения прогрессивных технологий выращивания животных, так и осуществления постоянного мониторинга за ситуацией по трихинеллезу у диких охотничьих животных. С этой целью целесообразно проведение обучения и инструктажа охотников, специалистов в области охоты, егерей и охотоведческих служб.

Комплекс данных мероприятий позволит уточнить структуру очагов трихинеллеза, дать эпизоотическую характеристику охотничьих угодий в отношении этой инвазии, определить основные пути и факторы ее передачи.

Научно-консультативная и практическая помощь может быть оказана ВНИИ гельминтологии — 117259, Москва, Б. Черемушкинская, 28. ВИГИС. 124-58-55, 124-86-66.

1. Факторы передачи трихинеллеза в природном биоценозе

2. Инкапсулированные личинки трихинелл. Личинки трихинелл в мышцах: свиньи — 3, лисицы — 4, медведя — 5

Накануне и в начале

Великой Отечественной войны

Н. ВЕРЕЩАГИН

В конце апреля 41 г. я вылетел в командировку и отпук из Баку в Ленинград. Билет на самолет — тяжко гудящий ИЛ-14 — удалось достать по брони Совета Министров Азербайджанской ССР через управделами, с которым поддерживались добрые отношения. Поездки в центр все осложнялись из-за неясной «напряженки», ведь в Европе шла какая-то странная война, а в родном Союзе шла незримая предвсенная суета.

В Питере, основательно поработав в академических библиотеках и с коллекциями Зоологического института академии, я решил проковтиться и навестить родного дядю в соседней Карелии. Итак, 1 июня рано утром, вместе с сестрой Аней, мы очутились на перроне станции Хийтола в Карелии. Нам предстояло пройти еще километров 15 до берега Ладоги. Там, на острове Корпизаари в поселке Новая Пертовка, второй год жил наш дядя Василий Николаевич. Он был переселен вместе с колхозом из затопленной долины Шексны при постройке Рыбинской ГЭС. Мы везли ему из Питера килограмма два молочных сосисок, торт и кое-что еще, точно не помню. Превосходная щебневая дорога, доставшаяся от финнов, была пустынна и тянулась между полей, каких-то скалистых холмиков с сосновыми рощицами. Было относительно тепло и тихо, но неожиданно повалил густыми хлопьями обильный снег. На бугорке озимого поля в сотне метров от дороги токовал тетерев. Эта картина почему-то запомнилась на всю жизнь. Черная птица с вертикально поднятым хвостом и белым подхвостием, горизонтальное туловище и шея, клокочущие и булькающие звуки доносились сквозь подвижную сетку снега — 1 июня 1941 г.!

Вскоре мы добрались до какого-то неширокого протока или фиорда. Под стенами гранитных скал кой-где виднелись уютные домики, еще не свезенные в колхозную кучу. Дорога привела нас к гранитному мостику через отрог шхер, за которым также виднелись два-три коттеджа. Из одного показался седой старец с двумя лайками — наш родной поселенец.

Дядя, разумеется, был нам безумно рад. Водил по своей микроусадьбе, навес

с конной сенокосилкой-«лобогрейкой», превосходную лодочку на берегу шхер, корпуса красивых моторных катеров, уже прорубленные деревенскими ребятами. Аккуратный деревянный домик в три комнаты отапливался одной русской печкой посередине и прилегающей к ней плитой. Наверху в мезонине я обнаружил целый журнальный архив. Кипы детских журналов пяти разных финских редакций насчитывали сотни номеров. Все это досталось нам «бесплатно» в результате мирного договора с Финляндией после страшной войны, когда в чрезвычайно суровую зиму 38—39 гг. на Карельском перешейке, линиях Маннергейма, «зубах дракона» и железобетонных дотах погибло множество наших солдат и офицеров. Финны цеплялись тогда за каждый гранитный уступчик и каждую сосново-еловую рощицу. Жалко было отдавать ненавистным москалям всю эту, обработанную еще дедами, суровую северную обстановку.

В беседе дядя как-то неожиданно спросил: «Ты, собственно, за кого: Черчилия или Адольфа?» Я, как-то не задумываясь, ответил языком советских газет: «Конечно за Адольфа, смотря, как они (немцы) одним залпом «Бисмарка» угрошили за 20 км крупнейший в мире линейный «Худ». — «Ну нет, — промолвил дядя, — я привык больше верить англичанам. Мне думается, здесь довольно скоро будет очень несладко», — добавил озабоченно умудренный жизнью мой любимый старик. Два дня мы мирно толковали о разных делах: о речках, подходах щук и лососей, о бобрах и ондатрах. Я любовался на ранние отцовские этюды: «Улица в Бискаре» — написан отцом в 80-х годах прошлого века, во время лечебной поездки в Алжир; «Ниагара» — каскад пенящейся воды — написан во время поездки отца с дядей Василием (моим дедом) во время выставок великого художника в США в 90-х годах; наконец, портрет самого моего дяди в красной (атласной) рубахе, сидящего в кресле на медвежьей шкуре. Однако это были ошметки, остатки вещей, имущества, брошенного в старом доме-усадьбе в долине Шексны, ее хранилищах. Основная мебель и картины были переданы в 40-м году Череповецкому краеведческому му-

зею. Я и не подозревал, что вижу эти дорогие сердцу семейные реликвии последний раз! А родная библиотека, любовно подобранные отцом, с томиками Пржевальского, Козлова, Нансена, Куприна в аккуратном ореховом шкафу с резными застекленными дверьми! Мы с сестрой уехали через день, так ничего и не взяв из родового имущества, не понимая, не зная, что все оно исчезнет в горниле войны в ближайшие недели!..

15 июня я оказался в скромом поезде Ленинград—Баку. В мягком ехали сдобные полуголенькие немочки с мужьями делового вида — коммерсантами, направлявшимися в Тегеран. Было уже известно, что наши «друзья-союзники» спешно закупают всевозможное продовольствие где только возможно: рис, сухофрукты, финики, орехи. Уже в сентябре в бакинском порту был арестован наш пароход с грузом (финики и рис — для немцев — из Ирана).

В Баку было по-прежнему тихо и мирно. В городских парках сиротливо торчали парашютные вышки, а плакаты, расклеенные местами, изображали тучи летящих самолетов и утверждали, что СССР может послать на Берлин 150 тысяч крылатых машин с грузами бомб. Разумеется, это были запоздалые призывы по отношению недавно заключенного пакта Молотова—Риббентропа, а новые еще не успели отпечатать, развесить.

«Правда» и «Известия» с восторгом извещали на первой странице, что на днях наша страна отгрузила в Германию в знак дружбы 80 тысяч тонн отборной пшеницы на корм нашим друзьям нацистам! Однако я с некоторым беспокойством прочитал и подстрочное сообщение ТАСС в «Известиях» о том, что на днях пять (!) немецких дивизий высадились с танками в финском порту Турку и проследовали далее в места своего расквартирования! Заметка была без комментариев. Пять дивизий! Это же, по крайней мере, 30 тысяч солдат добавки к регулярной финской армии. Что же они будут там делать и почему наши газеты печатают это в отделе хроники на последней странице как «обыденное» сообщение, а не на первой и не жирным заголовком (!?) — как о подарке пшеницы?!

Война началась!

И вот 21 и 22 июня! Утром в библиотеке Совнаркома в 10 часов утра заведующая — сочная черноглазая брюнетка Бася Розовская — сообщила: «Война! Нас бомбят. Но Москву мы не отдадим, им ее не взять...»

Наш институт Зоологии как-то сразу опустел. Девять человек — четырех русаков, пятерых азербайджанцев и армян отвели на призывные пункты (из них вернулись через три года двое русских и двое азербайджанцев). Мне и директору Адилю Ализаде выдали трехмесячные брони с красной косой полосой. Осталось в институте всего трое мужчин, включая 75-летнего профессора А. Н. Державина.

Цены на продукты стремительно росли, да и мало их стало. Вскоре появились первые беженцы с Украины, Белоруссии, направлявшиеся частью в Грузию, частью — в Закаспий. Некоторые счастливцы оседали в Баку. Какой-то милицейский капитан, попутчик в местном поезде, рассказывал мне, как его бригада задержала в порту группу беженцев (шесть человек) с Украины — директоров сберкасс, направлявшихся в Закаспий. У них отобрали что-то около трех миллионов рублей наличными из средств банков. Под шумок воровали где только можно. Я слышал, что за Аджикабулом «деятели» загнали в тупик грузовой вагон и увезли в степь на верблюдах его содержимое — 14 тонн сахара-рафинада. По учреждениям создавались группы самообороны, шло поголовное обучение служащих по обращению с противогазами, носилками, бинтами, перевязками раненых. Дееспособных мужчин обучали строевой службе, обращению с винтовкой. Всех сотрудников Академии повели рвать окопы на склоны, вернее, обрывы Ясамальской долины, западнее города. В строю внезапно обнаружилось, что среди кадров академического филиала присутствует родная сестра Розенберга (!) — идеолога нацистов. Ее никто не трогал, не репрессировал, просто посматривали на нее с интересом, любопытством.

Мой друг профессор П. П. Попов — директор Тропического института дал почитать книгу английского автора, напечатанную русским Военным издательством еще в 1939 г. В ней излагался ни больше ни меньше как германский план «Барбаросса» и показывались пути и сроки немецкого продвижения на Москву, через Минск, Смоленск, Вязьму! Действительно, сейчас, в августе, немцы уже осаждали Смоленск!

Между тем становилось все голоднее. Зарплаты хватало не более чем на десять дней, чтобы кое-как прокормиться в одиночку, а мне надо было кормить жену и сынишку. Меня выру-

чала пока охота на голубей и зайцев в виноградниках Апшерона к северу от города. Виноградники еще в 40-м были объявлены колхозной собственностью и сразу же заброшены хозяевами. Теперь местами в них располагались батареи воздушной охраны города с прожекторами и зенитками, которые обслуживались молодыми солдатами и солдатками. Те наслаждались жизнью и превосходным виноградом сорта «Шаны», очень сладким и не выдерживающим перевозки. Полутора-двукилограммовые кисти свешивались там с приземистых ветвей (плетей). Мы на охоте ложились на теплую землю и ловили губами удлиненные черные или мутно-зеленоватые, насыщенные солнечной энергией ягоды. Стрелять больше двух-трех зайцев и трех-четырех пролетных горлиц или местных голубей не было нужды, и мы прекращали дневную охоту.

Зенитчики были тоже довольно беспечны. Только два раза летом 1943 г. прорвались до Баку разведывательные «фокке-вульфы», залетевшие со стороны Ирана и Каспия. Между тем, как я потом узнал, за войну было предотвращено воздушными боями в Предкавказье 150 налетов бомбардировщиков, нацеленных на бомбежку бакинских нефтепромыслов.

Из газет и по радио я вскоре узнал, что германо-финские войска продвигаются по Карельскому перешейку к Ленинграду. Почта пока работала, и старшая сестра Наташа, жившая в Чепроповце, сообщила, что дядя жив, здоров и живет пока у нее. Он с рюкзаком, ружьем и двумя лайками благополучно прошел пешком вместе с колхозом 200 км от острова Корписаари до Невы. Правда, обе собачки погибли под гусеницами танков, шедших навстречу, а все столовое серебро, которое ему удалось захватить с собой, украла хозяйка домика, в котором он как-то заночевал по пути к Неве. Земляки колхозники гнали перед собой скот, но все их имущество, как и наше, осталось на месте, так как наши войска, шедшие с юга, не разрешали оставаться в зоне предстоящих боев и торопили. Затем несчастных беженцев посадили на баржи и повезли по Мариинской системе на Волгу, а затем — на Алтай. Кое-кто осел по пути в Кириллове, Чепроповце. (Остальные вернулись с Алтая в Карелию только в 1946 г.!). В 1946 г. я ездил в Новую Пертовку к землякам. От прежних финских домиков остались только фундаменты. Для колхозников построили новый гнусный поселок в одну улицу в болотистой, продуваемой ветрами долинке.

Разумеется, ни о каком имуществе, картинах, библиотеке и речи уже не было. От нашего финского домика остался только фундамент. Колхозники отмалчивались. Финны были отогнаны вторично. По полям токовали тетерева, сохранились лоси, по скальным гранитным уступам ползали огромные гаюки.

Но вернемся к обстановке 1941 г. Большинство академических сотрудников в Баку быстро «скисли». Брюшастые ранее профессора и академики филиала «спали с тела», стали ходить в обвисших, болтающихся костюмах. Между тем на зенитных батареях севернее и южнее города неожиданно погибли два лейтенанта от укусов крупных гюрз. Однако наступила осень, хлеб уже выдавался по карточкам, сахар исчез, масло тоже. Я решил, что пора сматываться в район, где будет легче продержаться на подножных харах.

Наркомздрав и Военное ведомство между тем неожиданно предложили Президиуму Академического филиала откомандировать меня на посты начальника отряда профдезинфекции и старшего зоолога противочумной станции в пограничную с Ираном зону на трассе Басра—Астара. По трассе этой уже шло англо-американское военное снаряжение — снаряды, амуниция, медикаменты. Я согласился. Перед отъездом в Ленкоран я съездил подкормиться на Дивичинский лиман, где добыл десятка два утвы и кашалдаков (лысух) и двух пороссят из удачно подвернувшегося табуника.

С севера от сестер пришло сообщение, что сестра Аня, работавшая в НИИ «Гипроалюминий», была эвакуирована с институтом из Ленинграда на Урал и сумела захватить с собой мать, младшую сестру Маню с дочкой, избавив их, таким образом, от ужасов блокады. Мне следовало их поддержать деньгами, и пришлось продать за бесценок драгоценное отцовское Пердэ. Денежная реформа и совсем обесценила вырученные «бумажки».

В противочумке в Баку мне выписали новую броню, так как я уже получил вызов в военкомат. По правде говоря, я вовсе не стремился на фронт, имея жалкую военную квалификацию рядового радиотелеграфиста маломощных станций. Меня немного смущала (пугала) только вероятность оказаться в подчинении какого-нибудь малограммового сержанта, лейтенанта, не ориентирующегося на местности, и погибнуть «ни за полушку» по его человеческой глупости и заносчивости. Для знакомства с обстановкой я тем не менее пошел по повестке на призывной пункт. Там как раз помощник военкома объяснял толпе призывников заявление Наси Багачевой (дочки профессора В. В. Богачева), добровольно пожелавшей идти на фронт.

Меня тут же приняла на осмотр врач-терапевт — средних лет женщина. Осведомилась о здоровье. Я пожаловался на нередкие колиты, гастриты, гастроэнтериты, связанные с моим неупорядоченным питанием. «Ничего, пойдете как миленький защищать нас», — сказала она с известным злорадством, заполняя мою медсправку. Разочаровывать ее видом своих броневых бумаг я, разумеется, не стал.

Окончание следует

Самозарядный

«ТИГР-9»

М. БЛЮМ

На Ижевском машиностроительном заводе в конструкторском бюро перспективных разработок, возглавляемом лауреатом Государственной премии Азарием Нестеровым, разработан в последние годы уходящего столетия самозарядный охотничий карабин под патрон 9,3x64 на базе самозарядной снайперской винтовки Драгунова (СВД).

В связи с тем что длина и мощность патрона 9,3x64, по сравнению с патроном 7,62x54, используемым в СВД, увеличились, то пришлось значительно переделать ствольную коробку, магазин и узел запирания, увеличив площадь перекрытия боевых упоров затвора со ствольной коробкой. В затворе сделана закрытая чашечка, в которой располагается нижняя часть гильзы дослаленного в патронник карабина патрона. Благодаря этому гильза в зоне выбрасывателя полностью охвачена затвором. Механизм затворной задержки отсутствует из-за того, что магазин с увеличенными габаритами не размещался в ствольной коробке. Однако принципиально конструкция нового карабина ничем не отличается от СВД.

Перезарядка карабина при стрельбе происходит за счет энергии отводимых через отверстие в стволе пороховых газов, которые, воздействуя на соответствующие механизмы, заставляют перемещаться затвор в заднее положение, а его возврат в переднее положение осуществляется за счет пружины, сжатой при его перемещении назад. При этих перемещениях затвора осуществляется извлечение стреляной гильзы из патронника ствола, выбрасывание ее через окно в ствольной коробке, взведение ударного механизма с нагнетанием боевой пружины, подача очередного патрона из магазина в патронник и запирание канала ствола затвором на боевые упоры.

Прочность запирающего механизма по сравнению с СВД настолько увеличена, что произведенный выстрел с зализым водой стволов не разрушил запирающего механизма, хотя давление пороховых газов при этом значительно увеличивается. Сам же карабин рассчитан на эксплуатационное давление 3800 кгс/см².

Для того чтобы уменьшить отдачу в плечо охотника, при стрельбе таким мощным патроном, как патрон 9,3x64, карабин имеет резиновый затыльник-

амортизатор на прикладе, конусный пламегаситель, выполняющий и роль дульного тормоза, а также правильно подобранные массы перемещающихся при выстреле частей карабина. Все это привело к тому, что величина импульса отдачи карабина не превышает импульс отдачи обычного ружья 12 калибра.

Кроме того, пламегаситель снабжен широкой перемычкой-компенсатором, которая способствует уменьшению подброса ствола оружия в момент выстрела за счет воздействия пороховых газов. Такое устройство положительно оказывается на уменьшении разброса пули. Поперечник рассеивания пробоин от пули при стрельбе на 100 м четырьмя выстрелами не превышает 6 см при стрельбе отечественными патронами, а при стрельбе патронами фирм Динамит Нобель 9,3x64 Вгеппеке разброс уменьшается до 3–4 см.

Желательно иметь карабин с установленным на нем оптическим прицелом, однако при этом следует учитывать, что карабин имеет большую отдачу, поэтому наиболее приемлемым отечественным прицелом является прицел ПСО-1, который сконструирован с учетом весьма высоких перегрузок при выстреле. Карабин имеет также открытый прицел с регулируемым целиком и мушкой, защищенной на мушником. Целик поднимается в зависимости от дистанции стрельбы и имеет градуировку в сотнях метров. Производители карабина считают, что прицельная дальность стрельбы с пулевой 16 г равна 300 м, а с пулевой 19 г – 1000 м. Патроны с этими весами пуль производятся фирмой Динамит Нобель. В России же ЦНИИТОЧМАШ де-

ТАБЛИЦА 1
ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОХОТНИЧЬЕГО САМОЗАРЯДНОГО КАРАБИНА «ТИГР-9»

Наименование технической характеристики	Числовое значение
Калибр, мм	9
Длина ствола, мм	565
Шаг нарезов, мм	360
Применяемый патрон	9,3x64
Количество патронов в магазине	5
Вес, кг	4
Длина карабина с ортопедическим прикладом, мм	1130
Длина карабина с охотничим прикладом, мм	1180
Ширина, мм	70
Высота, мм	220

лает патроны с полуоболочечной пулей весом 17,5 г и начальной скоростью при стрельбе из карабина 740 м/с. Из этого же карабина пуля весом 19 г выбрасывается со скоростью 750 м/с при стрельбе патроном, изготовленным фирмой Динамит Нобель. В конечном итоге владелец такого карабина при стрельбе иностранным патроном имеет дульную энергию 5346 дж (пуля весом 19 г), а отечественным – 4793 дж (пуля весом 17,5 г). Таким образом, из этого карабина можно отстреливать самых крупных животных фауны России. Остальные характеристики патронов и карабина приведены в таблицах 1 и 2.

Карабин выпускается с несколькими типами лож. Есть вариант с ортопедическим прикладом и цевьем, выполненным из стеклонаполненного полимидами, конструкция которого позволяет регулировать место расположения упора для щеки стрелка. Есть также вариант ложи и цевья, изготавливающихся полностью из дерева с ортопедической рукояткой, которая очень удобна для спокойной стрельбы стоя или лежа, но мало пригодна для стрельбы навскидку. Кроме этого, карабин делают и с охотничим вариантом ложи.

ТАБЛИЦА 2

ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАТРОНА 9,3x64

Вес пули, г	Начальная скорость пули, м/с (энергия, дж)	Скорость пули на расстоянии 150 м, м/с (энергия, дж)	Скорость пули на расстоянии 300 м, м/с (энергия, дж)
17,5	740 (4793)	642 (3608)	550 (2648)
19	750 (5346)	660 (4140)	590 (3308)
16	815 (5316)	675 (3647)	550 (2421)

Примечание. Скорости пуль по сравнению с данными каталога отличаются в меньшую сторону в связи с тем, что длина ствола карабина «Тигр-9» на 35 мм меньше, чем баллистический ствол, из которого производится отстрел патронов для получения величин скоростей, вносимых в каталоги.

Патроны калибра 5,6 мм на охоте

Н. ЗВЕРЕВ

Приобрести нарезное оружие я мечтал со студенческой скамьи, когда с 1962 по 1968 г. учился в Московском пушно-меховом техникуме на отделении «Охотоведение и звероводство». Семь лет проработал заведующим лисофермой в Каргасокском районе Томской области и перешел в речное хозяйство. Все тридцать пять лет занимался промысловой и любительской охотой. Внимательно следил за новинками нарезного оружия. Хотелось приобрести универсальное для промысла мелкого, среднего и крупного зверя. Наличие переходников меня не обрадовало, и на то были веские причины.

Мне часто приходилось стрелять из малокалиберных винтовок, и качество патрончиков вызывало серьезные нарекания. В 60-х годах во время промысла пульки застревали в стволах. В 70-х скорость увеличили, но в условиях севера, когда приходится ночевать у костра или в палатке, патрончики выходили из строя. Заставляли не раз поминать недобрым словом изготовителей.

Один раз в середине ноября в сумерках лайки загнали белку на трехметровую сушину. Прицелился между глаз и нажал на спусковой крючок. После хлопка зверек камнем свалился в снег. Вытянул я его за пушистый хвост, сел на колодину и принялся торопливо снимать шкурку. До избушки оставалось больше двух километров, и я торопился. Сдернул шкурку с головы и только тогда обратил внимание на отсутствие крови. Осмотрев добычу, выяснил, что пулька стукнула белку между глаз и даже не пробила шкурку. На лобной кости осталось темное пятнышко. Тогда я сообразил, почему предыдущая белка после выстрела помчалась по веткам сосенки и ее пришлось добивать выстрелом из дробовика.

Другой раз, в начале декабря, я истратил больше десятка патрончиков, пытаясь в сорокаградусный мороз сбить соболя с кедра, находящегося метрах в двадцати от меня. Хищник затаился в сплетениях сучков и не об-

ращал внимания на выстрелы. Наконец после очередного выстрела он покатился вниз, но оправился и спрятался метрах в десяти. Окоченевшими от жгучего холода руками кое-как выстрелил несколько раз, пока зверек не свалился вниз. Вечером ожидал увидеть изрешеченнную шкурку, но обнаружил одну пульку на шее, а другая застряла в голове.

Между тем качественными патрончиками промысловики, рискуя жизнью, убивают медведей, попадая в лоб чуть выше между глаза. Двойными зарядами стреляют лосей и оленей. При охоте на косачей сам добывал лося обычными патрончиками двумя пульками в шею.

С тех пор на соболя и птицу крупнее рябчика во время морозов предпочитаю стрелять патрончиками со стальной гильзой и треугольником на донышке. Другие годятся только в сентябрь и в октябрь.

В начале 90-х годов на участке появились волки. Бродили выводками и в конце сентября съели кабана возле таежной избушки. В октябре я добыл волка, у которого в желудке обнаружил только глухариную лапу. Такие соседи мне не понравились, и я решил избавиться от серых разбойников, но они умело прятались в речной долине среди зарослей хвойного леса и для мелкашки оказались недоступными. Зимой 1998 г. выхолопатил разрешение и в марте поехал в Томск. Хотелось приобрести МЦ-105, но их в продаже не оказалось.

Зато во всех охотничих магазинах стояли «Барс-4», но в продаже не было патронов. Пришлось ехать в Новосибирск. До обеда обошли все охотничьи магазины. Карабины есть, а патронов нет. Вернулись на автобусную остановку. Здесь посоветовали съездить в Академгородок. Там я купил «Барс-4» и патроны с полуоболочечными пулями. Осенью испытал на глухарях. Приходилось стрелять в бок по мягким местам. Иначе дробились кости. После выстрела птица на несколько секунд замирала на ветке и замерла.

во падала на землю. Зиму протаскал карабин без пользы. «Томскгаз» с вертолетов истребил лосей, и волки исчезли. Достать переходников через завод не удалось. Что за оружие. Рябчик сидит, а добыть нечем. Решил исправить такую ошибку.

После долгих размышлений взял пятысантиметровый отрезок стальной двухмиллиметровой проволоки. Заточил на электроточиле один конец наподобие шила. Подобрал гайку, чтобы донышко гильзы не проскакивало. Острым заточенным концом стержня нащупал капсюльное гнездо, поставил гильзу на отверстие гайки и ударами молотка по тупому концу выбил капсюль.

На тонкий полый (чтобы не сточить наковальню) конец стержня шариковой авторучки намотал гладкой стороной внутрь ленточку нахадочной бумаги шириной 15 мм и длиной 15–20 мм в зависимости от толщины, чтобы плотно входило в капсюльное гнездо. Круговыми вращениями постепенно его расширил. Истерты места шкурки отрезал ножницами. Через несколько часов такого трения добился, чтобы капсюль «Центробой» острыми кромками на полмиллиметра входил в расточенное гнездо.

От двухсантиметрового гвоздя, начиная от шляпки, пилкой по металлу отпилил десятисантиметровый отрезок. Отпиленное место отшлифовал на электроточиле. На таком приспособлении забил первый капсюль и вложил гильзу в карабин. Выстрелил без осечки. Таким же образом расточил еще десяток гильз. Для быстроты и плотности посадки нахадочной бумаги использовал еще пару стержней. На их концы намотал разной длины отрезки синей изоленты.

Чтобы пульки от старых малокалиберных патрончиков не застревали в стволе, я насыпал в гильзы по 500 мг пороха «Сунар». Пульки заталкивал в дульце гильзы плоскогубцами. Выявил еще один дефект. Оказалось, что некоторые партии пулек были на 0,1 мм тоньше. При пристрелке патронов получался резкий хлопок и большой разброс пулек. Постепенно заряды уменьшил до 250 мг и порох «Сунар» заменил на «Сокол». Пристреливать отправился в тайгу.

Вечером добыл рябчика. Утром вышел из избушки и огляделся. Близкое хлопанье крыльев заставило схватить карабин. На кудрявую сосну усился глухарь. После негромкого выстрела он, как курица, перепрыгнул на соседний сучок. Я, сожалея о потерянном трофее, передернул затвор, но птица в это время уже кувырнулась и замертво свалилась на землю. Таким образом, я сделал патрон более универсальным.

В связи с этим возникло предложение. Желательно, чтобы заводы, выпускающие оружие под патрон 5,6х39, добавляли к ним полсотни гильз под капсюль «Центробой» и небольшую пулелейку. Тогда их продукция не залеживалась бы на прилавках магазинов.

Охота в ноябре

Р. ДОРМИДОНТОВ

Нет в Центральной России месяца тяжелее ноября: день короток — темно, то с ветром дождь моросит, то подморозит, то потеплеет. В редкие годы, как, например, в 1974-м, в ноябре дни теплыми и сухими бывают. Обычно же в полях ноги то в грязи, то в снегу тонут. Ледокол по утрам прихватывает берега водоемов, покрывает лужи и промоины. Ни горожане, ни даже сельские жители, кроме одних только рыбаков да охотников, не стремят-

ся в ноябре в природу. Чтобы из запоздавшей на пролете стайки добыть утку и достать ее с ледяной воды, чтобы по внезапно выпавшему снегу отправиться на охоту с гончими, чтобы, проламывая лед и увязая в грязи, ехать на вездеходе на коллективную охоту на копытных, нужна страсть, непреодолимая тяга к природе. Но тому, кто способен на это, природа открывает свою красоту и в ноябре. Тихо в лесу, пахнет прелью и влажной хвоей.

И по черной, и по белой тропе под ногами мягко. В борах и старых ельниках на фоне темной зелени яркие ржаво-рыжие папоротники кружевом перистых листьев землю прикрывают. Только охотник не в зоопарке, а в природе увидит, как выходит на него лоси или олени. Только охотник сможет украсить потом добытыми собственными усилиями рогами могучего оленя свой кабинет.

Кто-то, лежа на диване, будет читать книгу, кто-то будет смотреть телевизор, а охотник будет дышать свежим ветром, пойдет по заячьим или куньим следам, будет отдыхать у костра и от рассвета до сумерек будет чувствовать свое единение с природой, которое оздоравливает и душу, и тело.

Фото А. Дигилевича

Карабины под патроны 7,62x51

О. ГАЛКИН

Написать вам толкнуло труднообъяснимое положение с отечественным нарезным оружием и патроном к нему. Говорить буду о Москве, но думаю, что за кольцевой дорогой и дальше положение еще хуже.

В 1971 г. я закончил Московский пушно-меховой техникум, отделение «Охотоведение и звероводство», голубая мечта была — карабин. После армии работал охотоведом в СВО ЦОМО и только благодаря этому смог приобрести штуцер ТОЗ-55 «Зубр»; карабин «Лось-4», который я хотел, достать было проблематично.

В то время охота в Подмосковье с нарезным оружием, мягко говоря, не приветствовалась и вызывала определенные трудности. Ездить охотиться приходилось подальше, благо выпускников нашей «Сходни» можно было найти в любой части СССР.

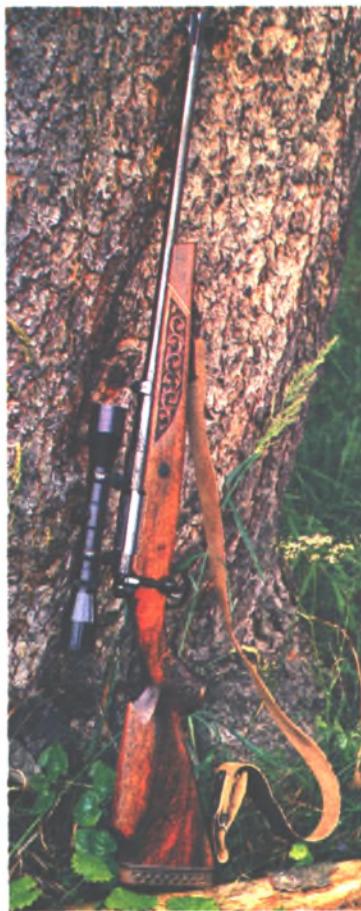
От «Зубра» пришлось отказаться по другой причине. Пуля патрона 9x53 имела траекторию, как при стрельбе из миномета, к тому же проблема с патронами, в Москве их купить было практически невозможно.

Прошли годы, и наступила «демократия». Бери разрешение и покупай любой винторез, но это только на бумаге.

Наши доблестные потомки Дзержинского и здесь умудрились наставить рогаток. У меня 30 лет охотничьего стажа, специальное образование, несколько гладкоствольных ружей, однако лихие ребята из разрешительной системы умудрились почти полгода потратить на то, чтобы выдать разрешение на нарезное оружие.

Никто из чиновников не мог внятно объяснить, зачем надо собирать документы, дублирующие друг друга, а это время, а поездка на Щепкина, на Петровку и свое РУВД, что — нельзя было оформить все это в одном месте? Главное, плати за каждый чих, за справку из диспансера, которую выписывают тут же при тебе, — этот «каторжный» труд оценивается в 50 руб. за лоскут бумаги. Спрашивается, а куда остальные поборы идут? Кто был на ул. Щепкина, знает, что там двери в каждом кабинете по стоимости превышают двухмесячную зарплату рабочего, да еще установлены еврозамки под золото. Кстати, лейтенантов там нет, самый низший чин, который я видел, был майор.

В Москве торгуют на сегодняшний день оружием 32 магазина, адреса я имел их всех, а вот телефоны знал только 15. Сначала обзвонил, затем остальные обхеял после работы и в выходные.

Я давно выписываю «РОГ», и там, как правило, помещены рекламные объявления магазинов, судя по ним — плати деньги и купить можно все, но это только в рекламе, в жизни все оказалось намного прозаичнее. Кстати, тир при магазине «Снайпер» и на Ленинском пр-те всего 50 метров, если оружие приобретено не в этих магазинах, пристрелка обойдется порядка 600—700 руб.

Искал я карабин «Лось-7-1», в продаже были только «Тигр», «Сайга», СКС и «Вепрь-308», напоминающий костьль Джона Сильвера из «Острова сокровищ», к тому же весом более 4 кг, с таким особо не побегаешь.

На все звонки и вопросы ответ был один: поступления «Лося» ожидаем, но когда — неизвестно. Может, я бы и ждал, но в это время рубль падал, цены менялись как в калейдоскопе, а моя зарплата стояла твердо, как партизан.

Кто-то сказал, что в г. Балашихе видел в магазине «Лося», еду с другом

туда. Там было все. Такого изобилия отечественного оружия, да еще по божеским ценам, я в Москве не видел. Для примера за «Лося» я отдал 4 тыс. руб., в Москве в магазине «Магнум» он стоил 5 тыс.

Срок получения постоянного разрешения после приобретения оружия 2 недели. Ружье надо пристрелять. Поиски патронов заняли все время, впрочем даже патронов 7,62x51 просто не было, стояли только 7,62x53. Буквально на 13-й день в «Охотничий двор» завозят патроны, но с пулевесом 9,1 г, в пачке 20 штук, и товарищ дарит мне пачку новосибирских патронов 10 штук с пулевесом 9,7 г. Дома, померив штангелем длину патронов, оказалось, что разница между Новосибирскими 9,7 г и Барнаульскими 9,1 г составила от 3 до 3,5 мм.

Пристреливать поехали на стрельбище недалеко от Подольска. Результаты пристрелки приятно удивили. В свидетельстве о приемке сказано, что разброс составляет не более 63 мм, в реальности получилось несколько лучше. Пристрелка велась как с оптикой ПО4x34, так и без таковой.

После каждого выстрела (стрельба велась на дистанцию 100 м) я подходил к мишени для коррекции оптики, так вот, результат был таков, что разброс пуль не выходил на площадь спичечного коробка, т. е. 37x50 мм. Стрельба велась лежа с упора.

Результат стрельбы без оптики остался практически в этих же пределах, причем некоторые пробоины накладывались одна на другую. Таким образом я произвел 13 выстрелов, остальные 13 сделал, меняя только магазины, и не смотрел результат после каждого выстрела. Итог этой скоростной стрельбы был несколько иной, т. к. ствол не имел возможности быстро охлаждаться, разброс пуль составил цифру близкую к указанной в свидетельстве о приемке (где-то 65 мм).

На такой результат, я считаю, не в малой степени повлиял мягкий, плавный без предупреждения спуск. Раньше подобного спуска в своей практике я не встречал. Спасибо «Ижмашу». Однако во время пристрелки выяснилась одна неприятная деталь, которая сильно испортила мне настроение. Я израсходовал 20 патронов с пулевесом 9,1 г и 6 патронов с пулевесом 9,7 г. Во время стрельбы легкой пулевесом произошло «утыкание» патрона 3—4 раза, т. е. патрон находился перед патронником как бы вверх задранной головкой и дальше не шел, приходилось поправлять пальцем. При стрельбе более тяжелой и, следовательно, длинной пулевесом 9,7 г сбоев не было. Спустя некоторое время приобрел и расстрелял пачку Барнаульских патронов 20 шт. с оболочеч-

ной пулей весом 9,4 г; разница в длине по сравнению с пулей 9,7 г составляла всего 1 мм, но не 3,5 мм, как у пули 9,1 г, и ни одного замечания. Стрельба велась, как и раньше, в 2 этапа, т. е. после каждого выстрела осматривал мишень и затем по 2 магазина сразу. Результат был такой же, как и при первой пристрелке, что говорит о стабильном бое карабина. Чтобы окончательно разобраться с причиной задержки при стрельбе легкой пулей, обратился к специалистам г. Климовска — многие знают, что там изготавливают оружие для наших «рыцарей плаща и кинжала». Вывод был один: карабин «Лось» изначально изготавливается под патрон с пулей 9,7 г с естественно заданной по размеру длиной пули, а пресловутый патрон 7,62x51-9,1M появился значительно позже. Кстати, к «Вепрю-308» и магазин делали под этот недомерок, и только к последним партиям стали комплектовать магазины под нормальный патрон.

В итоге на сегодня в магазинах Москвы можно встретить патроны 7,62x51 только с оболочечной пулей 9,4 г и с полуоболочечной 9,1 г. С нормальной пулей 9,7 г в продаже и производстве патронов нет, а ведь когда брали за основу патрон 308Win, там пуля была 9,7 г.

Очевидно, конструктор, изобретая пулю 9,1 г, думал о чем угодно, но только не об охотниках. При таких перекосах, которые дает его изобретение, нужно самого направить на охоту на кабана в Астраханскую область в дельту Волги в камыши.

Конечно, в магазинах есть патроны фирмы «Norma» с большим весовым диапазоном пуль, но стоимость одного патрона 308Win ровно в 10 раз превышает стоимость отечественного. «Новый русский» купит, а среднестатистический российский охотник в условиях сегодняшних реалий вряд ли.

На V международной выставке «Охо-

та и рыболов на Руси» были представители Барнаульского завода, экспонируя новый патрон с пулей весом 10 г с якобы пустотелой головкой и родной — с пулей полуоболочечной 9,7 г, правда с железной гильзой, покрытой лаком. На вопрос, когда появятся эти патроны в продаже, ответ был — не раньше 2001 года.

И последнее, что я хотел сказать о патронах 7,62x51: в вашем журнале прекрасная статья в 12-м номере 1999 г. автора С. Усикова, он пишет об эксплуатации карабина «Вепрь-308» и приводит наглядные практические примеры из жизни, что лишний раз доказывает: этим патроном при пуле достаточного веса можно охотиться на любого, даже самого крупного представителя российской фауны.

Известный охотовед С. В. Лобачев, участвовавший в большом количестве охот на медведя и лично отстрелявший свыше сорока, в своей книге «Охота на медведя» (Воениздат, 1951 г.) пишет: «В местностях, где медведя приходится стрелять на открытых пространствах, от ружья требуется дальность и настильность боя. При начальных скоростях пули 600—700 м/сек желателен калибр не менее 9 мм, при скоростях от 800—900 м/сек допустимы и меньшие калибры — 7—8 мм, если пуля не очень легка».

Отсюда можно сделать вывод, что для практического применения достаточно выпускать 3 модификации пуль, это оболочечную 9,4 г для боровой дичи и мелкого зверя, 9,7 г для среднего, а для представителей более крупных особей, 12—13 г с пулей типа «Вулкан», она, кстати, очень популярна на западе.

Очень было бы хорошо, если бы наши магазины принимали заявки на поставку необходимых отечественных патронов, тогда им стал бы ясен мониторинг по боеприпасам — я имею в виду для нарезного оружия, т. к. для гладко-

стволок нормальный охотник, как правило, заряжает патроны сам.

Если говорить по большому счету, у нас в стране серийно выпускаются только 2 чисто охотничьих карабина, это «Барс» и «Лось», где не надо ничего подпиливать, подшлифовывать и менять. Купив «Тигр», охотник тут же пытается избавиться от скрипучего синтетического цевья, изолентой обматывает места крепления к стволу погонного ремня (иначе он гремит на всю округу). Многострадальный «Вепрь» также многим охотникам приходится доводить до ума — почти половину узлов. Про «Север» и «Тайгу» вообще говорить не хочется, в журнале «Магнум» про это уже писали.

Создатели «Барса» и «Лося» думали об охотниках, а не о том, куда сбыть изготовленные в огромном количестве стволы и узлы от пулеметов и автоматов. Другие же слепили из армейского полуфабриката то, что имеем, та же «Сайга». В. Н. Трофимов в своей книге «Отечественные охотничьи ружья нарезные» пишет: «Справедливо ради надо все же признать, что при всей надежности и безотказности работы кучность карабина «Сайга» оставляет желать лучшего. Промысловики отмечали, что при стрельбе свыше 70—80 м шансы произвести точный прицельный выстрел были весьма невелики. Действительно, трудно ожидать снайперской точности от оружия, разработанного на базе автомата, где кучность хотя и играет определенную роль, однако не является решающим фактором».

Комментарии, как говорится, излиши.

Заканчивая, хочется все-таки надеяться, что наконец наша промышленность освоит самый ходовой патрон на сегодняшний день и в магазинах его можно будет приобрести без проблем.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересыпке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22.
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Пока идет гон

Бестолковые попытки исторического обобщения

А. БИКМУЛЛИН

«В настоящее время породы гончих страшно перемешались: каждая отдельная местность и даже стая отличается какой-нибудь особенностю». (Н. П. Кишенский «Ружейная охота с гончими»)

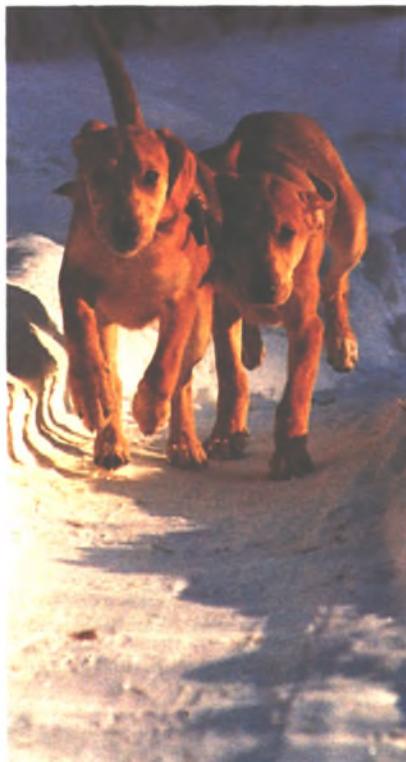
«Созданный им «костромич» по образу и подобию гончих сельца Охотничьего возводился в ранг единственного прямого наследника повсеместно изчезнувших костромских гончих, родословие которых упиралось в мифических гончих какого-то татарского князя Арслан-Алей-бяя».

(Н. П. Пахомов «Портреты гончатников»)

Историю гончих разные авторы трактуют каждый на свой лад, но так нельзя размышлять о природе, забыв коснуться истории древнего мира, вопроса расселения и переселения индоевропейских народов, начиная с античности и даже ранее. Каждый новый народ, вторгавшийся в Европу, приводил с собой собак и находил местные, относительно сложившиеся породы.

Можно, например, завести разговор о южном варианте происхождения гончей на основе древнеегипетских рисунков, где изображены травильные собаки типа «слюги» и «салюки», и заключить: охота с гончими широко культивировалась в древнейшие времена. Доисторические греки контактировали с Египтом задолго до самых ранних династий фараонов, и оттуда, естественно, «слюго-салюки» попали на Балканский полуостров, разойдясь впоследствии по трем остальным частям света: на север, восток и запад, смешав свою кровь с кровью аборигенных пород в землях будущих Скифии-Сарматии, Паннонии-Дакии, Этурии, Галлии, Иберии, достигнув в северо-западном углу Ойкумены, Оловянных островов (нынешней Англии).

Можно повести этот же разговор от венгерской выжли, дескать, кочевые угры-мадьяры, стронутые переселением народов, вторглись в центр Восточной Европы и уж от этих прародителей угорских выжлей и пошли типы всевозможных гончих. Но это будет неверным. Венгры-угры вломились в Европу на грани восьмого и девятого веков

нашей эры, теснимые с востока печенегами.

Но, как бы то ни было, предки угorskой выжли участвовали в собачьем «этногенезе», и багряный окрас псовины отдельных типов гончих наталкивает на смутные догадки относительно этого.

При желании можно начать «танцевать от другой печки», помянув гончих святого Губерта, и договориться до того, что у слушателя с читателем от изумления отвиснет нижняя челюсть.

Кишенский, не особо углубляясь в историю, вывел своих костромских гончих от «мифических гончих татарского князя Арслан-Алей-бяя». Почекуму-то на большее у него не хватило фантазии и исторического мышления. Знаменитую и фундаментальную даже

по сей день «Ружейную охоту с гончими» он написал очень живо и образно, но с историей у него получился прокол.

Одна из особенностей русского феномена — отдавать во всем предпочтение иноземному происхождению, но только не своему природному — пошло с оседлых времен призываия Рюрика с варяжской дружиной... Даже петровский денщик Алексашка Меншиков, взлетев «из грязи в князи» на головокружительную высоту и став другом-наперсником Петра Первого, вздумал сочинить генеалогию, выводя свой род, кажется, из прусских или цесарских земель от загадочного предка Меншика, хотя вся Россия знала о его худородном происхождении и прошлом разносчика пирогов с зайчатиной.

Что же говорить о страстном любителе Кишенском, неуемном энтузиасте русской костромской, фанатике, выдававшем порой желаемое за действительное и на этом поприще склонном к жесточайшему диктату «вершиителя судеб гончих».

Владельцу сельца Охотничьего проще было сочинить о гончих Арслан-бяя, хотя исходным племенным материалом в его заводе были частью гончие костромского помещика Мустафина, что и натолкнуло пылкую фантазию величайшего выжлятника России на мысль о татарском варианте происхождения русской гончей и охоты с ней. Проще всего было сказать — «от татар» по примеру нерадивого терапевта из самой захолустной поликлиники, списывающего любые жалобы недомогающего больного на «ОРЗ», вместо того чтобы провести детальное обследование и найти первопричины серьеznой болезни.

Н. П. Пахомов, иронизируя над «мифическими гончими Арслан-Алей-бяя», от которых, по уверению Кишенского, ведутся его костромичи, сам понемногу скатывается к татарскому происхождению псовой охоты с гончими, очевидно, поддавшись обаянию сильнейшей страсти, напора и энергии, излучаемых неистовым гончатником и сильной настройкой владельца Охотничьего.

Ведь только-только в предыдущем абзаце Пахомов писал о фресках Софийского собора в Киеве и травильной собаке, преследующей оленя, и

вдруг на тебе — в следующем абзаце противоречит сам себе: «Начало охоты с гончими, в том виде, как это понимается нами теперь, относится, по-видимому, ко времени татарского ига, когда русские переняли от татар пословую охоту» (Охотниче собаководство. Москва, 1966 г. Гончие, Пахомов, стр. 189).

Как мог человек, кинолог, писатель такого исторического и литературного масштаба оказаться не на высоте решаемой проблемы?!

Дописменная история народов уходит корнями в героические эпосы, сказания, былины, песни, сказки, передаваемые из уст в уста седыми сказителями от поколения к поколению, и то, чего не отмечено в летописях, пергаментах, папирусах и глиняных табличках, приходится отыскивать в устном фольклоре. Кроме того, существуют храмовые, дворцовые росписи, наскальные петроглифы и пещерные рисунки давно отшумевших цивилизаций и мертвых языков.

У гончих собак нет ни письменности, ни древних разрядных книг, ни бархатных томов старинных родословий, кроме «ВРКОСов», до которых с большим опозданием додумались двуногие, и о чем они плачут-рыдают, гоня зайца, неизвестно, и гончатнику, увы, никогда не понять их, сколько бы ни старались вислоухие четвероногие «Гомеры» поведать о своем славном прошлом на заре молодости собачьего мира притихшим в преддмье лесам и перелескам. Остается лишь думать, предполагать, высматривая беляка и слушая жаркий гон, да сожалеть, что в исторические эпохи не то что на собак не велось регулярных записей, а далеко еще не все земные владыки попадали в письменные упоминания.

Охота — древнейшее занятие человека, и наскальные рисунки, появившиеся задолго до первых алфавитов и систем письма, являются перед нами бесценную информацию как о древнем человеке, фауне, так и о гончеборзоподобной собаке. Порой в одном изображении древнего безвестного «Рафаэля» заключено столько информации, что ее хватает на длинные-длинные страницы описания, расшифровки, толкования и споров. Наскальные изображения Вади Хамра (верхний Египет) и Ближнего Востока, созданные задолго до самых ранних династий фараонов, подтверждают мысль, что культ охоты с гончей продолжал свое развитие именно там — в древнейших цивилизациях Ура и Шумера. Изображения предков травильных собак встречаются в некропольной фресковой живописи царских усыпальниц задолго до возникновения древнегреческих мифов об Артемиде и Актеоне (римский кульп Дианы многое моложе культа Артемиды. — Бик.) и тем более до первых письменных упоминаний «в греческой литературе: поэмах Гомера и творениях Ксенофonta Афинского. Последний различает даже несколько пород гончих, упоминает собак индий-

ских, критских, локридских и лаконских, различая их по сложению, росту, окрасу» (Пахомов).

Само собой разумеется, что древние ландшафты Аккада, Ура, Шумера, Египта были более озеленены древостоями и кустарниками, нежели сейчас, а ландшафты Балкан, Апеннин, Галлии, Иберии, островных кельтов во времена Троянской войны были намного лесистее нынешних. Древняя гончая вписывалась в кормящий ее ландшафт бассейнов Присредиземноморья, Причерноморья и Приатлантики, обеспечивая охотничьи потребности племен, населявших тогдашнюю Европу, тогда как в ее северо-восточном углу, обозначаемом вездесущими купцами средневековья как «Биармия» и «Великая Пермь», гончие, как таковые, не имели распространения. Угро-финские звероловные племена, жившие в лесотундре и зоне европейской тайги, имели для своих охотничьих нужд другой тип собак — лаек-острушек.

До таких понятий, как Рось, Русь, Россия, Великая Русская равнина, было еще очень далеко, но каждый вид собак занимал свою географическую нишу. Лайки — северную тайгу, гончие — более южную, разреженные деятельность человека ландшафты.

С отмиранием родоплеменного строя жизни и возникновением феодализма охота со стаями гончих становится привилегией знати, будь это в западных герцогствах-королевствах или в восточных днепровских славянских княжествах.

Нестор-летописец, говоря в своей знаменитой «Повести временных лет» о Люте Свенельдиче, убитом за самовольную охоту в угодьях князя Олега Святославича древлянского, не указывает прямо, на какого зверя охотился Лют со своими подручными, но, ясное дело, не белок добывал для выплаты дани. Олени, лоси, вепри, медведи, косули — вот чем тешились знатные охотники на лохах-полеваниях.

С колонизацией северо-восточных земель в бассейнах Оки и Волги, населенных совершенно другой расой людей угро-финской языковой группы, пришли дружины киевских князей распространяли влияние славянства на территории мери, веси, чуди, муромы, мордвы и других реликтовых этносов. Это сейчас мы привыкли считать, что Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская, Рязанская и Нижегородская губернии — исконная глубинная Россия. Нет. Исконная Русь складывалась первоначально в южнорусских землях, там, где осели пришлые когда-то восточные славяне, а при Ярославе Мудром, например, или Владимире-крестителе киевских пришлых людей в тех мерианских и чудских краях была горсть. Рубились острожки-крепостицы в лесном краю, и так возникли Ростов, Сузdal, Владимир, Ярославль, Кострома, не говоря уж о третиестепенной в те времена Москве.

Вместе с киевскими русами-переселенцами пришли на новые земли стаи гончих и охота с ними.

В девятом, десятом, одиннадцатом веках Киевская Русь более тяготела к Европе, нежели к северо-востоку, откуда она выкачивала дани мехами (Новгородская Русь торговлей тоже притягивалась к европейским государствам). Частые отпадения земель от диктата Киева, сыновей от отцовской власти, гражданские войны за престол между наследниками не могли помешать пышным охотам. С европейскими дворами заключались династические браки, торговали, воевали, подписывали договоры, союзы, обменивались пособствами и, разумеется, при этом пировали, чередуя пиры с охотами. Охотились пышно, конно, со стаями гончих в основном по копытному зверю: европейский олень, косуля (частично, где была распространена, лань), кабан, зубр, тур, травили и медведя. И всюду постоянно — гончие, гончие, гончие. Причем особой разницы в строении частей тела, черепа и общего вида между тяжкими из спарен, к примеру, Мономаха, какого-либо Капетинга или Пяста не было. Любой глаз, глянув на тех собак, будь это где-то под Киевом, Черниговом, в Мазовии или Шампани с Бургундией, заметил бы общие морфологические особенности гончих.

Издревле, в зависимости от того, какие аборигенные собаки культивировались в том или ином захолустье варварской Европы, гончие мешались с коренными породами еще задолго до времен Римской империи, давая начало новым охотничим породам псов, и, таким образом, собачье «средневековье» получило от древнего мира своеобразное «культурное» наследие. Шла трансформация генетического фонда гончевидных псов от шумеро-аккадских травильных собак через страны и времена к нашим нынешним дням. Стати гончих складывались где-то суше, подбористей, мускулистей, мельче, где-то более массивного, рыхлого, сырого типа конституции, где-то с пежинкой, где-то с рыжинкой, где-то с краснотой и черным подпалом.

Споры о коренной русской гончей (костромиче) и английской (русско-пегой) не более как спор гулливерских лилипутов об остром и тупом концах куриного яйца. Гончеподобные предки у всех ныне существующих пород гончих были в далекой тьме времен одной крови. (Как некогда христианство, будучи вначале одним целым учением, по мере распространения распалось на всевозможные толки и учения. Резались между собой ариане, павликиане, монофизиты, донатисты, католики, альбигойцы, лютеране, протестанты, гугеноты, апостольские братья, а в России никониане со староверами, иосифляне с нестяжателями, забыв напрочь, что Христос и его учение было когда-то единственным.)

Так и с гончей. Каждый хвалит только свое. Василий Иванович Казанский

в вопросе происхождения охоты с гончей на Руси стоит на более стабильной платформе, когда говорит: «Время появления и корни происхождения гончей в России неизвестны, но существование местной породы в очень древней Руси бесспорно. Мнение некоторых авторов, что гончая пришла к нам от татар, необосновано» (В. И. Казанский. Гончая и охота с ней, стр. 17).

Софийский собор в Киеве заложен в 1037 г. Ярославом Мудрым. Одна из фресок являет нам сцену охоты с гончей. Для того чтобы изографы написали такой сюжет на стене храма, должно было быть широкое распространение охоты с гончей. Значит, все это было еще в языческой Руси задолго до Мудрого: и стаи гончих, и звериные ловы, и бешеный скок коней, и широкие лезвия рогатин, и алая кровь поверженного зверя, и жаркое дыхание яростных собачьих глоток.

Орды Батыя вторглись в земли Северо-Восточной Руси в 1237 г., ровно через двести лет после закладки святой Софии Киевской. Гончих в ордах Батыя не было. Гончих также не наблюдалось и на исторической родине татар в бескрайних степях Монголии, откуда грянула гроза нашествия. Борзые — дело другое, но и борзяки были знакомы русам задолго до татаро-монголов, от тех же половцев, печенегов, хазар, булгар, гуннов, причерноморских готов, скифов, сарматов, раксоланов, киммерийцев и еще бог знает каких степных племен-народов. Охотились с борзыми и русские князья-бояре, но не о борзой сегодня речь.

По данным Велесовой книги, во времена одного исторического переселения

народов славяне ушли из Семиречья вместе с другими индо-европейскими народами в бронзовом веке, в конце II тысячелетия до н. э. Предки славян — арии прорвались в Переднюю Азию, где их звали скифами, воевали на стороне ассирийцев, а затем против, входили в состав войск вавилонского царя Навуходоносора, воевавшего против Египта, в один из походов (597 г. до н. э.) угнавшего в Вавилон три тысячи иудеев и давшего повод знаменитому библейскому вавилонскому пленению. «И наши люди пошли под Набсур-царя» (дощечка 11,6 г.). Но затем в силу исторических катаклизмов скифы-славяне уходят на север в Причерноморье, где становятся царскими скифами, поселившись среди других скифских племен, не покидавших уже обжитых завоеванных ранее мест. Скифы-славяне участвуют в событиях на Балканах и Средиземноморье. А дальше уже по пословице: «С кем поведешься, от того и наберешься». На своем историческом пути скифы-славяне смогли оценить и полюбить травильных собак — прародителей наших гончих. Нестор пишет, что славяне сели по Дунаю, Днепру, Ильменю и т. д., вплоть до Чеха, Леха, Вятко, Радима, Кия, Щека и Хорива, а Велесова книга, писанная волхвами-язычниками, добавляет Древу, Скреву, Полеву, от которых пошли древляне, кривичи, поляне. Сложились объединения южных, западных, восточных славян. Чехи, поляки, сербы, хорваты, моравы, словенцы, пруссы, поморяне, лутичи, бодричи и самые северные — славяне острова Рюген в Балтийском море. И всюду вместе с ними были

стаи гончих и охота с ними. И все это задолго до возникновения Киева.

Редкие племена древней мери обитали в дебрях лесов в тех местах, где сложится в необъятной дали времен Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Московская губернии. Оказывала древняя мера и стойкой сопротивление киевским дружинам, не признавала ни новой религии, ни попов, ни дружин русов, собирающих дань, часто восставала. Про них говорилось: «Мордва да мера — хуже зверя». Но помаленьку, со временем произошло смешение крови, ассимиляция двух народов в один. Прижились и гончие.

Вот от тех мерянских зверовых собачек к русским гончим, видно, и всплыла крутогонность, волчий постав головы, что дает Кишенскому повод писать в «Ружейной охоте с гончими»: «Если глядеть на костромскую гончую издали, то она очень похожа на волка: бег ее совершенно волчий... на охоте часто случается, что крестьяне, видя костромского рослого выжлеца, в особенности если он под чепраком, кричат на него, как на волка».

Подразделяя гончих на: старинную русскую гончую, костромскую, русскую пешую, — Кишенский все же прав. Первая более сохранила в себе того южного, киевского колорита, тогда как вторая, обретя самый дичайший вид из-за мерянских лаек, стала зваться костромской. Прилитие Кишенским крови лаек к своим гончакам неново. История и здесь поработала до него во времена Ярослава Мудрого. И при чем здесь татары? Костромской более подходит называться мерской гончей или мерянской — по области расселения мери, но тогда и Волгу после Камы нужно называть уже не Волгой, а Камой, так как последняя гораздо полноводней при слиянии. Уж как сложилось, так и сложилось. Не нам ломать и переименовывать.

Теперь уже не выделить четкой границы: кто, откуда, куда, когда пришел и привел своих гончеподобных псов, положил начало новой породе, которая, в свою очередь, развилась на десятки и сотни новых пород, вплоть до нынешних, создаваемых человеком за три-четыре собачьих поколения со своими стандартами и требованиями. А нам, рассматривая в музее понтийскую вазу, где изображены конные скифы с гончеподобными псами, или стоя на гону в ожидании беляка, лишь представлять, как это примерно было.

А как же с Артемидой и гончими Актеона? Произошло вторичное прилитие крови приведенных скифо-славянами на Балканы гончих к ранее существовавшей популяции античной гончей, идущей от той же «слуги-салюки» с египетских изображений. Если обратиться к фонетическому звучанию русского слова «злюка», то оно удивительно близко в произношении как к «слуги», так и к «салюки» и очень точно выражает суть травильной собаки.

Законченных форм нет и не будет в природе всего живого на Земле. Будут

меняться требования, стандарты, вестись в относительности те или иные породы, будут мешаться крови собак, как некогда русские бары смешали русскую гончую с выписным фоксгаундом, выводя гончую-«униату» (русскую пегую, или, по-другому, англо-русскую).

С татарами проще. С распадом и дроблением Золотой Орды все больше татарских царевичей, мурз и беков стало переходить в русскую службу, получать земли в кормление, возводиться в боярский и дворянский чин. Буины, Апраксины, Куприны, Аксаковы, Карамзины, Тургеневы, Булгаковы, Годуновы, Шереметьевы, Талыковы, Ширинские, Шахматовы, Сабанеевы, Адашевы, Гудашевы, Мурдашевы селились, служили, охотились. Не русские от татар, а татары от русских переняли охоту с гончими.

К тому времени, как из Ногаев на Русь вышел мурза Турген (предок И. С. Тургенева), Киев, вся южная, Юго-Западная Русь были под властью Литвы и Польши, северо-восточная территория от Днепра к Волге звалась иноземцами Московией, жители — москвичами, а гончие делали свое дело, гоняли зверя по лесам хоть для Радзивиллов, хоть для Ивана Грозного, хоть для польских магнатов, хоть для московских бояр, пока не пришло время окраинных помещиков Мустафиных, вышедших ориентировочно между Иваном III и Иваном IV из Казанского ханства и получивших поместья в Костромских краях. От мустафинских гончих и пошел завод гончих Кишенского, который прилил к ним кровь собак Зюкина и Павлова. Но это уже много позже, когда миновал «золотой век» Екатерины с предком Н. П. Кишенского — царским вельмож-

жей В. А. Полторацким (тоже заядлым охотником).

Нет и не может быть в природе чего-нибудь абсолютно чистокровного, хоть в народе, хоть в собаках. Все относительно условно. Найдите мне чистокровного русского или татарина, и я съем свою рукопись. Бесполезно. Их нет, не было и не должно быть за семь столетий злого соседства между лесом и степью, Русью и Ордой. Так уж история распорядилась (а до татар тоже мешала, перемешивала). Если разве что где-то на Тихом океане, на каком-то безымянном коралловом атолле малюсенькое племя папуасов сможет похвастаться относительной чистотой крови, да и то вряд ли.

Ну и сам Николай Павлович Кишенский, если судить по портрету и фамилии, не является исключением. Его предок В. А. Полторацкий (по отцу или матери?), дед и отец — Кишенские — потомки выходцев из Польши. Фамилии с окончанием на «ий» присущи полякам: пан Тыклинский, Губчанский, Забежанский, Контский, Назанский, Оршанский, Орлянский, Потоцкий, Вишневецкий, Браницкий, Огинский и т. д. А может, и не польская? Русские князья-бояре при Иване Грозном тоже писались: Верейский, Вяземский, Воротынский, Шуйский, Курбский.

Поди разберись! Но так или иначе, сели Кишенские на верхней Волге. Волей ли, неволей ли, а сели на поместьях. За век, другой эта фамилия стала считаться русской, и если б горячему Кишенскому сказать в те поры такое в глаза, он бы, не долго думая, прислал секундантов, чем бы и подтвердил наличие большой доли татарской или половецкой крови в своих жилах. Лицо Николая Павловича, по законам антропо-

логии, более восточного тюркского типа, нежели славянского. Не надо удивляться! Походите по музеям, полистайте «Иллюстрированную историю Москвы» с реконструкцией приживенных портретов по черепам выдающимся ученым Герасимовым. Один русский князь Андрей Боголюбский чего в этом плане стоит! Типичное тюркское лицо (мать Андрея была половчанкой). И ничего. Боголюбский от этого не перестал быть великим Владимирским князем и сыном Юрия Долгорукого.

И где же мне было не упустить гонного зайца, пока размышлял? Сколько навалено в «мусорную корзину», что ни Пахомов, ни Казанский, чьи книги я читывал в течение всей своей жизни время от времени, ни Гумилев, ни Карамзин, ни Нестор-летописец, ни языческие волхвы, записавшие тексты Велесовой книги, не в состоянии отделить «семо и овамо», как нам безуспешно пытались искать струйку воды из Валдайского родника, дающего начало Волге, где-нибудь под Астраханью у порога седого Каспия. Так и с гончими, и с исторической географией этой древнейшей породы охотничьих собак.

А беляка из-под Айны взял в тот день мой напарник Гайдар — «вечный гончий», пока я в размокших вдребезги от сырого снега ботинках мерз на лазу у Сурминского поля, размышляя о гончих, Кишенском, «Арслан-Алей-бее», Пахомове, Казанском и как вообще должна называться русская костромская.

Может, спустя века новые поколения кинологов и решатся назвать ее русской гончей Кишенского по аналогии гончих святого Губерта. Кто знает?

Время покажет.

Фото А. Севастьянова

Закрытое Акционерное Общество «ИРБИС ХХI век» предлагает со склада в г. Москве

- ОПТОВЫЕ И МЕЛКООПТОВЫЕ ПАРТИИ ТОВАРОВ ДЛЯ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И ТУРИСТОВ**
- оптические прицелы различных модификаций,
 - кронштейны
 - бинокли в ассортименте
 - патроны, погоны ружейные
 - наборы для чистки ружей
 - масло ружейное, щелочной состав
 - устройства для снаряжения патронов
 - пыжи войлочные, ДВП, полиэтиленовые
 - дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
 - запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
 - рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)
 - капканы
 - ледобуры
 - одежду камуфлированную для зимы и лета
 - масхалаты, противозефалиитные костюмы, обувь, головные уборы
 - термосы, компасы, посуду алюминиевую
 - рюкзаки, палатки, спальные мешки
 - лыжи охотничьи
 - лодки, лодочные моторы и запчасти к ним
 - снегоходы, моторы и запчасти к ним
 - резинотехнические изделия (чучела птиц)
 - средства защиты от насекомых
 - литературу, топографические карты для охотников и рыболовов

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиа транспортом, ж/д контейнером, багажом

Адрес: 129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, ЗАО «ИРБИС ХХI век»

телеф/факс (095) 284-01-44

Смолиевские гряды

Игорь АЛЕХИН

Октябрь заканчивался вместе с моим отпуском. Я понимал, что взял его слишком рано: пролетной птицы, на которую был основной расчет, не видать. Меня сбила с толку ранняя, хотя и теплая, осень этого года. Как-то очень быстро, едва дождавшись второго осеннего месяца, начала вянуть и желтеть листва на кленах и акациях, заметно поблек камыш, по местным речкам стала брать щука, в посадках объявился пролетный вальдшнеп... Вот-вот в небе загогочут гусиные станицы, мешая крыльями синь и прохладу осеннего воздуха с золотом солнечных лучей. Так думал я — и ошибся. Расчет на ранний пролет в этом году не оправдался. Оставалась последняя неделя.

В среду я вышел во двор и услышал сыпавшиеся с неба звонкие клики белолобых гусей. Они, словно иголки, укололи слух, уши, затылок, проникли, кажется, даже в легкие, — так долго я их ждал.

Я обернулся и поднял голову. Птиц было сотни три-четыре. Они летели на большой высоте растянутыми клиньями, и это был пролет, вне всякого сомнения. Я дождался его. Я ждал его почти месяц. Теперь я поеду в плавни. Я заслужил это, как мне кажется. Впрочем, жена несколько иного мнения. Однако при чем здесь жена. Я не сидел этот месяц без дела. Я покрыл шифером крышу летней кухни. Я подшил в ней потолок. Перекопал огород и даже покрасил лаком теремок на заборе, под крышей которого находилась кнопка звонка. Супруга считала, что за месяц полезной работы можно было выполнить раз в десять больше. Я с ней не спорил и не соглашался, а задумчиво смотрел в небо. Оно весь месяц было пустым, если не считать ворон и облаков. И вот в среду в нем проплыли гусиные косяки. Я смотрел на них, и мне казалось, что я сплю.

Из ворот дома напротив осторожно выкатились белые «Жигули». Незамужняя соседка выезжала на работу. Она очень модно одевалась и причесывалась, была молода, и ей очень не хватало мужа, возможно, даже такого помешанного на охоте, как я. Все остальное у нее было.

— Инна! — крикнул я, когда она вышла из машины, чтобы закрыть ворота. — Гля! — и показал пальцем в небо.

— Ой, кто это? — прищурила она глаза и сделала козырек ладонью. — Утки?

— Гуси, — сдержанно пояснил я.

— А куда они летят? — весело спросила соседка. — И много как, да?

Я покивал головой и пошел собираться на охоту. Поеду завтра, в четверг, до вечера буду на месте, пятница посвящается рекогносцировке и рыбалке. Поеду на авось, туда, где еще не был, открывать для себя новые места. «Авось», понятно, несолидное, много раз руганное слово. Однако же все еще применяемое как в разговоре, так и в литературе, и не соответственно в жизни нашей скорбной. Да и можно ли сказать про взрослого мужика, в достаточной мере оснащенного авто-, плав-, маск-, фото- и другими средствами быта, а также рыболовными снастями и огнестрельным оружием, с определенными остатками здравого смысла в голове, — что направляется он куда бы то ни было «на авось»? Нет, конечно. Взгляд его тверд, движения точны, слова скупы, поступки выверены многолетним опытом. Окружающей его безжалостной природе трудно держать над ним убедительную победу, хотя она надежды на это не теряет. Об этом надо помнить всегда и быть постоянно начеку.

В четверг в два часа дня я уже приткнул машину к заборчику крохотного

хутора, состоявшего из одного домовладения, — правда, с многочисленными пристройками, — и, разминая затекшие от долгого сидения ноги, пытался заигрывать с огромной черной овчаркой, внимательно и молчаливо наблюдавшей за моими действиями сквозь изгородь. Маленький, кудрявый, как мочалка, кобелек смело подбежал к машине, дружелюбно виляя хвостом, хотя видел меня впервые в жизни, лихо вырыгнувшись из брошенного ему куска пирожка начинку, поднял заднюю лапу и обрызгал заднее колесо. «Ну и сволочь же ты, собака», — огорченно произнес я и хотел как можно ласковее пнуть лохматый комок ногой. Но кобелек оказался проворней, чем я мог предположить. Он юркнул под машину и, пока я, чуя неладное, обходил ее кругом, прошел с другим колесом ту же операцию, что и с первым. Затем юркнул под забор, усился в ногах остроухого молчаливого сфинкса и, склонив голову набок, стал наблюдать за мной. Скориться с этой парочкой было бесполезным делом. Поэтому я пожал плечами и начал загрузку лодки, которую до этого поставил на воду неширокого канала неподалеку.

Я перенес и сложил на берегу целый ворох вещей, не переставая удивляться их количеству, хотя наличие каждой диктовалось, как мне всегда казалось, совершенной необходимостью. Палатка с кольями, спальник и комплект теплой одежды с запасными сапогами и носками — как без этого ехать в плавни на несколько дней? Продукты, вода в бутылках из-под очаковского пива, рыболовные снасти с принадлежностями, ведерко с червями, ведро и пара пустых мешков для рыбы, наконец ружье и патроны... Все это надо было поместить в легкую одноместную лодку и еще усесться самому. И ничего не забыть.

Уже сидя в своей «алюминьке», умазывая заваленные походным баражлом ноги, я перебирал в уме названия из длинного списка мелких вещей: зажигалка и спички, фонарик, свечка, таблетки сухого горючего, привалочный таганок и котелок из пивной жестянки, нож и ложка... Нет, я не взял с собой ничего лишнего, хотя лодка переполнена вещами — так, что они вспучились выше бортов, впереди торчат деревянные палаточные колья, сзади — прутья спинников. Я интуитивно сую руку в передний ворох и щелкаю пальцем по стеклянному боку Смирновской перцовой настойки № 21 емкостью в одну двадцатую ведра, как указано на этикетке, то есть 0,61 литра. Это тоже разумный минимум на одного.

Теперь все. Я взялся за весла и вытолкал лодку на середину канала. Он такой ширины, что надо держаться точно посередине, тогда весла не задевают за прибрежный камыш.

Хозяин хуторка подошел к причалу, и я сказал, что приплыву, наверное, в воскресенье. Он махнул рукой: «Та сиди там хошь две нэдили, колы охота е... Мэн шо?...»

Я греб уже больше часа, а канал все тянулся серой лентой воды в желтобурых берегах, и помрачневшее небо начало вдруг сыпать редкими мелкими брызгами. На руках моей куртки появилась россыпь мелких черных точек, а в душу лезли тревога и злость. Ну надо же! Весь месяц стояла прекрасная погода — настоящая золотая осень с ласковым солнцем и голубым небом, и вот, именно когда я выбрался в плавни вслед за этими чертовыми гусями, погода явно испортилась. Страшного ничего нет, лишь бы дождь не зарядил суток на двое-трое... Тогда прощай охота! Укрыться-то толком негде, в палатке долго не набедуешь — кругом на многие километры только камыш, вода и небольшие островки влажной земли. И где эти Смолиевские гряды, доберешься ли еще до них?.. Чтобы попасть в те места из Приморско-Ахтарска, нужны моторка, около часа езды и полуторакилометровый маршбросок по плавням. На одноместной весельной лодке переплыть восемь километров открытым водам Ахтарского лимана можно только в штиль. А где он, штиль этот... После лимана, по каналам — там уже просто, а вот в лимане... И поэтому я решил добраться на Смолиевские с другой стороны, из района Красного лимана — так мне довольно неопределенно объяснили в Ахтарях. По карте так оно и выходило, смущало лишь то, что самих Смолиевских гряд на ней обозначено не было. Среди хаотичного набрызга голубых пятен и извилин береговой линии, покрытой штриховкой и пунктиром, характеризующими изменчивость и неопределенность болотистой местности, были обозначены и Головские плеса, Грековский лиман и Большой Кагатский, и Широкий, и Грузский, лишь Смолиевские гряды, о которых мне

неоднократно рассказывали ахтарские плавневые бродяги, внимания военной карты-двукилометровки удостоены не были. Очевидно, это было одно из сугубо местных названий, которыми топографы и картосоставители по каким-то причинам пренебрегают. А зря. Впрочем, как бы там ни было, а самая лучшая карта — своя собственная, составленная после самолично пройденного маршрута, и уж масштаб у нее один в один, лучше не бывает.

А чего, собственно, потянуло меня на эти самые гряды, понять нетрудно. Кто-то что-то рассказывал-вспоминал, а я слушал да на ус мотал, вот и всего делов. И сам-то ни разу там не был, как и не было уверенности, что найду я Смолиевские в одиночку, без проводника, — ну так в этом тоже есть свой интерес, определенная интрига. Примерное направление я знал, а дальше... посмотрим. В конце концов, ведь бывает, и нередко, что поиск места оказывается интереснее самого этого места.

Слово «гряды», или «гряды», в русском народном языке встречается нередко и означает возвышенный (порой очень незначительно) участок местности относительно общего ее уровня, обычно вытянутый в длину, суженный. Наверное, в одном из толковых словарей есть более точное определение. То, как выглядит и что собой представляют гряды в русском лесу, пусть опишут охотники-лесовики, а в азовских плавнях гряды — это земля, не залитая водой лиманов. Собственно, все, что не покрыто водой, и есть гряды. Если смотреть на карту, трудно с точностью сказать, чего в плавнях больше — лиманов или гряд. На карте еще большие участки гряд с мелкими, затерянными в разливах камыша лиманчиками обозначаются словом «урочище», но оно в местном языке не используется совершенно, а вот слово «гряды» — самое обычное, расхожее. Интересно, что в Гривенских плавнях «гряды» заменяют на «гривы», что в общем-то одно и то же. Гряды заросли камышом, иногда сплошным на многие километры, но много и открытых луговин с густым или чахлым (в зависимости от засоленности почвы) травяным покровом. Вот все-таки по наличию и количеству растущего на межлиманных пространствах тростника я и разделил бы «гряды» и «гривы». Так оно по названию и выходит — грива и есть грива: нечто заросшее, труднопроходимое, а гряды — как футбольное поле, которое никто не подстригал тысячу лет, а только ветер и птицы пролетали над ним, да мочили дожди и подтопляли морская вода, оттого и поросли гряды космами диких трав всех форм и расцветок — от темно-красного, бордового и ярко-фиолетового до нежно-зеленого и светло-желтого.

На грядах простор, свежий ветер, далекий горизонт! Летящие в небе и сидящие на пурпурных лугах стаи гусей, стремительные эскадрильи чирков над блескучими мелкими лужами. Следы

кабанов, енотов, шакалов и лисиц на черной вязкой земле, молчаливые цапли в разноцветных фраках посреди заросших осокой плесов, редкие корявые деревья с лохматыми шапками гнезд. И тишина, и покой, лишь изредка нарушаемые далекими никчемными выстрелами...

Но я проплыл уже километра три, может, четыре или пять (на моей лодке нет спидометра или какого-нибудь «взмахосчета» для весел), а канал все так же тянулся вдаль, серая лента воды рушится в неизвестность, и немое войско тростниковых стеблей на берегах провожает меня серо-желтой стеной. Мимо, за то время, пока плыву, пронослось несколько моторок (лишь одна из них сбивала обороты возле меня, остальные, обдавая брызгами, мелькали рядом — всего в одном метре), но никто из сидящих в них тепло одетых краснолицых мужчин не оглянулся на меня. Я был им глубоко безразличен, и меня это радовало и слегка злило. Услышав приближающийсявой мотора, я прыгнул лодку к закрайку камыша, хватился рукой за стебли, и тут же рядом проносился дюралевый смерч, стегнув лицо колкими брызгами. Я успевал рассмотреть марку мотора: «Дахатук», «Маринер», «Меркурий» или наш «Вихрь» — и через несколько секунд рев двигателя уже было плохо слышно, особенно иномарок: его поглощал простор плавней, дробили берега канала, глушили повороты тростникового туннеля.

Дождь перестал, до темноты еще было довольно времени. Не зная, где заночую, я все греб и греб, лицом вперед, толкая весла от себя (я всегда так плыву в незнакомых местах), не видя ничего, кроме тростника вокруг, неба над головой и убегающей вперед своей дороги, которая была сделана из воды. Иногда я бросал резиновые рукавички весел и брал в руки невесомый углепластиковый спиннинг с катушкой цвета «мурена», похожий на маленьку мясорубку. Побросав отливающего всеми цветами радуги крохотного вибропровоста и ничего не добавившись, я плыл дальше. В нескольких приглянувшихся мне местах я делал забросы, но ни окунь, ни щука не соблазнились моей приманкой, сверкавшей в серой воде жизнерадостной искусственной искрой.

Изредка в мутном небе проносились небольшие шаечки уток и издали доносились гусиные крики. Вокруг не было ничего определенного: ни солнца, ни дождя, ни снега, ни рыбьего клева, ни птичьего лёта. Я плыл по серой канальной воде в своей доверху загруженной лодке, зная, что все может измениться за те несколько дней, что у меня впереди, но уже поглядывал на лохматую от бурьяна спину вала, который тянулся справа от моего пути, прикидывая, где же придется «осмеркнуться». И тут далеко впереди, у слабо светлеющего горизонта, куда, скрытое темно-серой мутью туч, па-

дало невидимое солнце, увидел кроны деревьев. Я налег на весла. Это было не одиночное дерево, коих немало на плавневых валах (почему-то они всегда растут поодиночке, не имея по какой-то причине возможности вырастить рядом с собой себе подобных), вдалеке, куда устремлялся изогнутый клин моей водяной дороги, над камышом поднимали густые ветви несколько больших верб, и это означало, что я приближаюсь к одному из форпостов цивилизации, и было, кстати, логично и закономерно. Как всякая река течет и в конце концов приносит свои воды в море, так и всякий канал, по которому ездят на моторках, заканчивается шлюзом. Впрочем, после рукоятворной железобетонной двери канал стремит воду дальше — пока не соединится с лиманом или морем, что часто одно и то же.

Через полчаса я уже выплывал на плесо, образованное слиянием сразу четырех канальных рукавов. На острожке среди могучих верб стоял аккуратный домик с хозпостройками и скамейками для клиентов «Кубаньохоты». Меня эта компания интересовала мало, и я бесшумно сплавил лодку вдоль крутого, поросшего нетоптаной травой берега мимо хаты. Поодаль, на убегавших к горизонту лугах, виднелись приземистые постройки и большие стога сена. Все это было серо-черным в подступавших сумерках.

Я прикалил к черному берегу с серой ивой у самой воды. Скрипя поясницей и затекшими ногами, вцепившись руками в серые космы мягкой травы, выбрался на земную твердь и наконец-то выпрямился. Вокруг тишина, людей не видать — лишь очередная моторка с застывшим на корме рулевым проревела по каналу, мельнула на повороте дюралевым боком и пропала, оставив после себя затихающий вой двигателя. На вербах кордона сидело несколько серых ворон, над плавнями вокруг летали одиночные луны, цапли и чайки. Массового гусиного пролета что-то не видать. Прощла стороной станичка галдящей казармы — и пока все... Ну что ж, пора подумать о ночлеге. Слава богу, с этим, по всей видимости, проблем никаких нет. Даже палатку ставить нет необходимости. В полуслотне шагов стоял дом. Крыши у него не было, но перекрытие из бетонных плит — на месте. Стены шлакоблочные, поштукаатуренные, электропроводка даже сделана, и... все. Ни полов, ни оконных и дверных блоков. Зияли пустые проемы. Но для меня это было что-то. Натаскать в одну из комнат лугового сена, затянуть плёнкой окно — чем не президентский номер в отеле. Даже и название пришло на ум: Графские развалины. А что, ведь действительно, — здесь, в плавнях, кто-то с истинно графской помпой сооружал себе дачу. Да вот почему-то заглохло строительство... Наверное, как говорят в народе, «таму не хватило», то бишь денег и связей.

Я уже пошел было перетаскивать вещи из лодки в дом, когда заметил в стороне какое-то движение. В камышах поодаль показались две человеческих головы. Они наклонились, исчезали и появлялись вновь. Было понятно, что люди заняты своей обычной суетой — изъятием из водно-болотных угодий рыбы тем или иным сравнительно честным способом. Сети, скорее всего, у них там. Это их дело, но мне надо идти — хоть с кем-то поговорить, «разведать обстановку». А так триста лет они бы мне... Это в вологодской глуши рыбак рыбаку, наверное, рад. А у нас он же ему же в лучшем случае безразличен. М-да, но идти надо... За домом оказался еще один, сильно заросший канал. По валу вдоль него и подошел я к мужикам, перетаскивавшим резиновую лодку. Мягкая земля и мягкая трава глушили шаги, мужики, конечно, недавно глущили водку, поэтому меня прозевали. Когда я поздоровался, то почувствовал, что они вздрогнули. Им-то пугаться особо нечего, но я был в военной одежде, при карманах и липучках, подошел неожиданно — и они на всякий случай испугались. А я почувствовал неловкость за то, что испугал их. Ведь потом, когда испуг проходит, люди, устыдившись его, начинают держать и хамить. А я вообще-то за мир и дружбу между рыбаками и охотниками.

На вопрос «как дела?» тот, что был помоложе, зачалил с вызовом:

— Да какие тут дела — ни хрена нет! Вот на уху хотели поймать, мы тут сами ничего не знаем, одну сеточку бросили, ни черта здесь нет!

Конечно, я не должен был подходить к ним.

— Да я и сам только что приплыл, — успокаивающим тоном сказал я. — Гляжу — нет никого, а сам впервые здесь, спросить-то надо? Вот вас увидел...

— А ты на чём?

Вот что их испугало — они не слышали моего прибытия...

— Да я один, на веслах — по каналу...

— На веслах? — чувствовалось, что до них это не совсем дошло и мужики ищут какого-то подвоха, скрытого смысла в моем заявлении. Ну не плавают здесь на распашных веслах.

Рыбачки схватили свое надувное плавсредство, в котором лежала единственная щучка килограмма на полтора, и засеменили к месту моего причала, хотя им туда было не по пути, — проверить мои слова.

Моя лодка, заваленная скарбом, прочно стояла под берегом. Теперь они поверили.

— Ну ты даешь... — протянул один. — Ну ты точно романтик!

Было очевидно, что они с удовольствием самих себя романтиками не считали — несерьезно это.

— Мы у фермера, он нам родственник. У нас газ, тепло, красота... — протянул тот, что помоложе, но тут же спохватился (вдруг буду напрашивать-

ся в компанию): — А ты — к егерю, в хату?

— Я — не-ет! — улыбнулся я. — Как раз наоборот, так сказать... Я в доме буду, — и показал пальцем на Графские развалины.

— Ага, — понимающе кивнул мужик и посмотрел на меня, как на не совсем нормального. — Ты серьезно один? Рома-антик...

Я закурил.

— Ночь перекантуюсь, завтра рыбку половлю — и дальше... На Смолиевские гряды хочу добраться. Где они — там, что ли? — махнул я рукой.

— Да черт его знает, мы не знаем. Ты у местных спроси — у егеря или рыбаков. А рыбы нет ни хрена — сам видел: ото одна щучка за день, а сеток метров двести стоит в канале. Вообще ноль. Куда она делась?.. Ну давай — пока! Извиняй, если чо...

И мужики затопали в направлении маленькой фермы. Подступающая ночь поглотила их. Я оглянулся. «Мой» дом выделялся на фоне мрачного заката серым прямоугольником. За ним темнели плавни. В хмуром небе не было никого, кто сказал бы мне, что делать дальше.

Я перетаскал вещи из лодки в дом, потом забрался по металлической лестнице на верх шлюза неподалеку и, облокотившись на ржавые перила, долго оглядывал ночное пространство и бросал окурки вниз, в черный пролет шлюзового затвора. В темноте по краю земли горели огоньки — плавневого хутора, откуда я приплыл, левее сверкала цепочка светлячков рыбокоптильного цеха, нерестово-выростного хозяйства, еще дальше — порта и городской телевышки. Все это было от меня на юге и юго-востоке, а повернувшись к западу, я видел только темный, неясный горизонт с парой светящихся точек рыбакских станов на берегу моря. Одна из них скоро погасла, а вторая все светила в ночи, пока я не слез со шлюза, убоявшись заснуть там и свалиться в воду. Пока я шел к своему дому, где меня ждали мягкая теплая постель, огонек под маленьким таганком, чай и перцовка настойка № 21, изобретение г-на Смирнова. Мир и покой всех ночующих осенью в ожидании зари. Над головой невысоко прошли две гусиные стаи, спокойно переговариваясь, и это меня обрадовало. Может, и не зря я затеял свой вояж, кто знает?

Утром я проснулся очень рано — как только перестали выть шакалы в обступающих дом плавнях. Они выли всю ночь с перерывами на обед, и от их голосов ночь вокруг не казалась такой скучной и безмолвной.

Пока я очень неспешно завтракал, начало светать — тоже медленно и зябко. Внитного восхода я не увидел — просто стало более светло, чем ночью. Дождавшись все же достаточного количества света, в котором чирикали и перепархивали воробы и тростниковые синицы во влажных кустах под стенами дома, я надел сапоги, взял спин-

нинг и прошел на берег канала недалеко от шлюза. После первого заброса, вращая катушку, я услышал, как под водой кто-то постучал пальцем по приманке. Когда она была уже у самого берега, я увидел, что ее преследуют три лихих окуня. Вид у них был боевой, но немного растерянный. Напастя по-настоящему они еще не решались. На втором забросе за блесной гнались уже двое. Третий, наверное, был умнее и удрал. Я сменил приманку на более мелкую. Последующую вряд ли можно было бы назвать ловлей на спиннинг. Это было просто вытаскиванием окуней из воды на берег. Я сходил в дом и принес большое пластмассовое ведро, сделанное в Ираке, и украинскую «силь» в пачках. Я забрасывал прикрепленную к японской леске французскую обманку в канал и при помощи корейской катушки на немецком спиннинге вытаскивал очередного русского окуня. Потом бросал его в ведро, и все повторялось. Рыбу я негусто пересыпал солью. Когда окуней набралось полное ведро и они начинали выпрыгивать на траву, я относил ведро в дом и высыпал рыбу в полиэтиленовые мешки. Окуни от соли из желто-черно-зеленых становились серо-голубыми, лишь плавники оставались ярко-красными, чуть пожелтев.

К двум часам дня я прекратил ловлю — не потому, что она мне надоела, а потому что просто устал. Не устали, казалось, лишь окуны. Они по-прежнему были готовы бросаться на блестящую имитацию маленькой рыбки, а потом топорщить колючие спинные гребни и раскрывать жабры, забирая боками кристаллы соли. Очередная моторка не вильнула за поворот, а, сбивив ход, ткнулась носом в берег рядом. Двое в лодке с интересом разглядывали меня. Действительно, интересно — взрослый мужик балуется с окунями...

— Здорово.

— Привет.

— Ну як рыба, клюе?

Я махнул рукой и улыбнулся — пустое, мол, какая тут рыба сейчас... Потом спросил их про Смолиевские гряды.

— Гусь-то вроде летает, и немало...

— Ну! — остро глянул на меня мото-рист. — И ведь не было его! А тут зараз... А на Смолиевские — то тебе через Красный трезба... То далеко. Ты на чем? На весялах? Тю... Та-а — то далеко... А че ты туда?

— Слухай, — встярал в разговор второй. — А если ему ось по тому каналу — ось шо за шлюзом?

— А... по малэнъкому? — почесал затылок рулейкой. — Так вин же нэ пройдэ по йому, вин же такый...

— Так пэрэтягнить байдарочку дэ трэба...

— Ну... колы вин такый заядлый... нэхай. Можно у прынцыпе. Тильки далече...

— А мне что — в шею никто не гонит, — вставил я. — Время есть — отпуск.

— Ну тогда помогай Бог! — засмеялся рулейкой. — Чуешь, Микола, як у людэй — никуды нэ спешать, врэмя е... — Он дернул шнур, и мотор заработал, пустив облачко сизого дыма. — А мы с тобою вэнчо: давай быстрый, скорый...

Его напарник, улыбнувшись, отвернулся. Развернувшись, лодка взревела мотором и через несколько секунд пропала за поворотом. Через час я, перетащив лодку в канал, который про-

Я снова плыл в лодке по узкой полоске воды под осенним небом, все больше удаляясь от дома, приютившего меня в прошедшую ночь и где остались почти все мои вещи. Я сложил их в одной из комнат на ворохе сена и накрыл палаткой. Ее я рискнул не взять с собой. Если лодку придется несколько раз перетаскивать посуху, ничего лишнего я себе позволить положить в нее не мог.

Канал был очень узкий — мне приходилось местами наклонять голову и пригибаться, пропихивая лодку в заломах старого тростника. Там, где не было воды, я волочил дюоральку по вязкой грязи. На ней всюду были следы кабанов, шакалов и енотовидных собак. Топорщились вывреты пороев, в ямах купален блестела вода с радужной пленкой, чески лоснились отполированной глиной.

В небе, сыром и хмуром, к вечеру появились просветы, осенняя хмарь истончалась, и вокруг странным образом становилось светлее. Я с надеждой поглядывал на редкие утиные и гусиные стайки, пролетавшие стороной, и вера в удачу начала побеждать тревожное чувство неопределенности, кравшееся за мной уже несколько часов.

Последний раз лодку пришлось перетаскивать метров триста, но зато канал, в который я с разгона плюхнулся, был широк и полноводен. По нему я плыл почти до сумерек и, когда на восточном краю небесного купола увидел первую звезду, без раздумий приткнулся к правому берегу, выполз на крутой бурьянистый склон и поднялся на верх вала. То, что я увидел, выдавило из моих легких самый продолжительный вздох облегчения за последние несколько дней. Плавни по правую сторону канала насколько хватало глаз представляли собой открытое пространство лугов с блестками плюсов, разноцветными пятнами трав и гравиками тростника. Цвета были приглушенны осенью и от этого казались еще более утонченными. Краски смешивались природой с фантазией свободного художника, но без модернистской опустошенности и убогости. Холст был натянут на раму площадью несколько квадратных километров, и его можно было разглядывать часами — а может быть, всю жизнь. Ведь он был живым.

Словно в подтверждение этим мыслям неподалеку зазвенели пронзительно птичий голоса и огромная гусиная стая в несколько сотен крыл заплескалась в темнеющем просторе. Стараясь изо всех сил подавить рвущиеся наружу эмоции, я все-таки притопнул ногой густой сноп желтой травы на горбу вала и стукнул кулаком воздух перед собой, подобно героям американских фильмов, коротко воскликнув: «Да!»

Это были Смолиевские гряды, хотя ни таблички с этим названием, ни хотя бы наглядной нумерации самих гряд я

ходил за домом и был полузакрыт заслонами тростника, отбыл в направлении далеких Смолиевских гряд, которые все еще казались чем-то нереальным, существующим только в воображении.

не увидел. Такими я их себе и представлял. Все было как положено: вокруг галдели гусиные стаи — птицы, очевидно, не собирались покидать полюбившееся место, а просто дистанцировались от бесшумно появившегося на валу чучела с разинутым ртом. Оно, правда, только бессмысленно улыбалось, не предпринимая никаких действий, но кто его знает — вдруг стрелять начнет? Вверху шипели скрытые ночной темнотой утиные когорты, коротко всхлопывая крыльями, словно наколовшись на ярко-голубые иголки высывавших звезд. Изредка зычно и гулко вскрикивали выпи голосами пришельцев из других миров. Где-то уже запел свою тревожную и жалобную песню шакал.

Я долго стоял на валу по колено в мягкой осенней траве и слушал плавневую ночь, наслаждаясь и немного жалея тех, кто этого сделать не мог. Впрочем, конечно же, нам с ними не было друг до друга никакого дела. У каждого своя жизнь и своя ночь. Моя для меня была лучше всех, и поэтому я никому не завидовал. Я был спокоен и счастлив.

Я стоял и курил легкие сигареты, пахнущие мяты, и так и не дождался, когда гуси окончательно уgomонятся. Возможно, их беспокоили шакалы. Камышовые бродяги завели целый концерт хорового пения, и под этот аккомпанемент я спустился к лодке и перетащил из нее на верх вала все, что вез с собой: кусок полиэтиленовой пленки, спальник, рюкзачок с едой и патронами и ружье. И скоро уже спал, подставив лицо прохладе и свежести тихой осенней ночи.

Под утро я проснулся от того, что шакалы перестали выть. Лежал в теплом нутре спальника, дожидаясь рассвета и наслаждаясь тем, что спешить куда бы то ни было не стоило. Вокруг было тихо — лишь где-то кричали гуси. Потом далеко, в стороне Красного лимана, хлопнуло несколько выстрелов, и я выбрался из своего ватного убежища. На сборы ушло пять минут.

Восток стал контрастно полосатым: на фоне ярко-голубого неба застыли слои темных туч, как напоминание о хмурых прошлых днях. Последние звезды растворялись в напльывающем из-за края земли свете. Я побрел к светлеющим в лугах лужам, обрамленным зубчатой бахромой невысокого тростника. Ветра не было, ни один стебель не дрожал, не шептались листва, не шевелились травы. Словно вселенский вакуум опустился на гряды, и поэтому я вздрогнул, когда рядом вдруг ударили крылья и перед глазами повисли утиные силуэты. Я услышал, как испуганно зашипел селезень, сдернул с плеча ружье и выстрелил прямо в девственную тишину утра. От селезня на голубеющем небе осталось густое облако первьев, и я услышал, как тяжелая птица сочно шлепнулась в мелкую воду. Выстрел рыхом прокатился по грядам и угас, словно

звук впитался во влажную землю плавневых лугов.

Я поднял селезня и, подумав, засунул его в приметный куст травы. Заберу потом, а если это сделает какой-нибудь енот, то — на то воля Божья, как говорится. Впереди показалась длинная грива камыша. Если за ней есть какое-нибудь приличное плесо, можно было бы постоять с полчасика на нем — и присада, и укрытие... Стало совсем светло, просторно. Справа, откуда недавно донеслось несколько выстрелов, край неба вроде бы затуманился. Приглядевшись, я увидел, что серая пелена состоит из множества перемещающихся точек. Словно горсть песчинок попала в водоворот или вихрь. На самом деле это летели тысячи утиные стаи, похожие отсюда на рой каких-то насекомых. Они росли на глазах, и скоро половина неба была заполнена летающими во всех направлениях птицами. Одни стаи, мельтеши крыльями поверху, целеустремленно летели куда-то вдаль; другие на отлогом развороте облетали луга; трети, опустив крылья, круто пикировали на невидимые плеса в камышах. Это были тяжелые, упитанные осенние утки, неплохая добыча, но в моем патронташе зарядов с утиной дробью было всего четыре, остальные с «нолями» на гусей, поэтому я не спешил занять укрытие. Впереди ведь целый день — успеется... Впрочем, утиная армада довольно быстро рассеялась, и скоро в небе остались лишь отдельные небольшие стайки, деловито снующие над плавнями.

Табунки гусей показались только в десятом часу. Ветер уже шевелил бунчуки тростников, и гуси летели против него, озабоченно переговариваясь. Они шли на различной высоте, все в сторону лимана, и оттуда долетали выстрелы. Я встал за тростниковой гривой, как за забором, и стал ждать. Когда одна за другой правее прошли две станички белолобиков, я не выдержал и пошел, прикрываясь камышом, в ту сторону, хотя знал, что бегать с места на место на гусиной охоте не рекомендуется. Не сделал и десятка шагов, как меня остановил гусиный крик. Из-за кромки налетела стая. Неблизко, не меньше пятидесяти метров — никогда с точностью не могу определить расстояние до гусей, — но почти над головой, в зените. Из-за того что было далеково, я выстрелил из верхнего ствола «тремя нулями». Вверху резко, но негромко хлопнуло — и отделившийся от стаи гусь стал падать вертикально вниз. Большие крылья безвольно трепыхались, и я понял, что он убит наповал. Птица еще падала, а я уже бежал через мелкий тростник, задрав голову вверху, — и гусь рухнул в двух шагах. Белолобик, но довольно крупный. Начало неплохое. Я открыл ружье и заменил патрон. Почему не выстрелил вторым, и сам не знал.

Минут через пять все в точности повторилось. Так же и примерно на той же высоте налетели гуси, я опять выс-

трелил одиночным, и гусь стал падать с обвисшими крыльями, а я почему-то стоял и смотрел заторможенно, как он падает, вместо того чтобы бежать к месту падения, а когда потом проломился через камыш, то птицы не нашел. Я искал этого гуся все утро и, пока искал, несколько раз безрезультатно стрелял по налетавшим табункам, причем несколько их прозевал, но все-таки сумел выбить из налетевшей тройки молчунов большущего серого гуся, тяжелого, как гири.

То, что второй гусь не был найден, меня огорчало, но я уже почти смирился с этим, уже вышел из тростника и хотел направиться дальше. В зарослях в районе падения птицы мною за утро были вытоптаны дорожки во всех направлениях, я переворотил руками даже траву, хотя понимал, что гусь — не бекас, его трудно не заметить, — все было напрасно. Я ясно видел, что птица бита наповал, — и все же словно под землю провалилась...

Я вышел из тростника и уже сделал несколько шагов — и остановился. Еще одну сигаретку — и потом пойду. Но покурил — успокоился, постыдился от бесплодных поисков. Не-ет, еще разок полезу. Опять прикинул направление, расстояние — прошел, поискать — нет, конечно, ничего. А давай еще дальше... Оглянулся — ну уж это совсем далеко, даже с любыми накидками не мог гусь сюда упасть. Вон уж и другой край грижи, камыш кончается. Ну, выйду на луг — просто осмотреться... Вылез из зарослей и первым, что увидел, был гусь. Он лежал на траве кверху светлым брюхом, аккуратно, будто кто-то специально положил его здесь. Несколько секунд я не мог поверить, что я его нашел. Повернулся назад — грива шириной метров сто, падал гусь от меня ну самое большее на расстоянии двадцать шагов... Значит, птица после падения очнулась и у нее хватило сил пробежать около восьмидесяти метров через камыш, выбраться на луг и здесь отдать концы... Я, если разобраться, нашел этого гуся случайно. Что ж, спасибо судьбе...

Гусиный лёт ослабел, отдельные табунки еще пролетали над плавнями, но уже выше и строже. Я связал оказавшимся в кармане шнурком гусей за шеи, перекинул через плечо и зашагал прочь от места своей засидки.

Я пробыл на Смолиевских грядах два дня, а потом вернулся к дому, к Графским развалинам, и ловил на спиннинг окуней, пока окончательно не пресытился ловлей. Тогда я собрал вещи, упаковал их и свою добычу, погрузил в лодку и уплыл оттуда до следующего года.

По правде говоря, я точно не знаю, был ли я именно на Смолиевских грядах. Если верить карте, — да. Но говорят, что карты врут... Ну, значит, на следующий год мне предстоит это проверить. С большим удовольствием.

Рисунки Б. Игнатьева

Монолог охотника

У охотничьей сторожки
Много здесь, в бору, друзей:
Ворон, зоркий и сторожкий,
Два потомства глухарей...
Я встаю всегда при звездах,
И они — мои друзья.
Я в поход,
 они — на отдых,
Ночью берегут меня.
Такова у нас работа,
В этом нет моей хулы,
Соболиному полету
Удивляются боры.
Да и я лететь стараюсь
За искристым собольком.
Как ни маюсь,
 как ни каюсь,
Все же встретимся потом.
Он в снегу,
 я с ружьем...
И настанет вечер звездный,
И настанет час вины.
Понимаю, лес тревожный,
И мечты твои, и сны.

Соболиная страна

Народ мой веками в урмане
Выслеживал звездных зверей.
И в город Петра без охраны
Возами везли соболей.
Везли на торговые схватки,
Везли для бояр и гусар.
И в шубе собольей, и шапке
На троне сидел государь.
И слышу — таежник на воле —
Я девушки радостный смех,
На белые плечи тяжелый
Прилег завороженно мех.
И Пушкин — поэт величавый —
Соболий носил воротник...
Охотников трудную славу
Я сам на дорогах постиг.
Мне дороги предков заветы.
Тайга соболями красна.
В собольи одежды одета,
Красива
На диво
 страна.

Поэт Андрей Тарханов живет в Ханты-Мансийске Тюменской области. Это город его любви, поэзии, творчества. Здесь он написал 14 поэтических книг, которые получили дорогу к читателю в издательствах Москвы и Свердловска. Его стихи переводились во многих странах.

«Тарханов — манси по своей морали, по своему взгляду на жизнь и в то же время — гражданин нашего века. Он решает в своей поэзии те же проблемы, которые стоят перед всем обществом, а не только перед народом манси. Как поэт он обладает предметным мышлением и восприятием мира в его единстве. Во всем этом и кроется секрет силы и значительности личности Андрея Тарханова, оригинальность его творчества, обаяние его поэзии», — пишет литературный критик К. Яковлев.

Андрей ТАРХАНОВ

Прохлада цветущего лога,
Брусликой усыпанный склон.
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет поющих стволов,
Зеленой березовой арки,
Зовущей в объятья цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет полей и дорог,
Моя черноглазая Матра
Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
Ни ветки,
 лишь пепел и смерть.
Не верьте мне, добрые люди,
И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно —
Исчезнут навеки леса,
Когда мое сердце тревожно,
И ваши бунтуют сердца?

Живите, деревья, у лога!
Цвети, мой оранжевый склон!
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Забытый щенок

Похож на ежа он и ликом, и статью,
Совсем малышок —
 и в ужасной беде.
Не знает, что мы — его старшие
 братья,
А мы позабыли о том в суете.
Он бродит потерянно возле киосков,
Наверное, ищет свою конуру.
Он в мире огромном,
 жестоком и скользком
Сегодня похож на хвоинку в бору.
С рождения уже никому он не нужен,
Судьба покарала его ни за что.
Погибнет от голода или от стужи,
Вернее всего, от ударов авто.
Где люди — он там.
 Видно, верит, что кто-то
Найдется, его от беды защитит.
Подходит автобус.
 Как много народа!
Он в лица с надеждой глядит и глядит.

Седая река

Река состарилась до срока.
Обрыв белеет осыпной.
Была река и в сущь глубокой,
А нынче
 дна достал рукой.
Чернеют мели с куликами.
Пушица возле хилых ив,
И от бензина под лучами
Стал фиолетовым залив.
Косяк осенний журавлиный
Летит, рыдая, высоко...
Мы, люди, с древности повинны
В разоре Храма своего.

Шалаш еловый и свобода,
И хвойный жгучий аромат.
Поклон, весенняя охота!
Тебе я, как невесте, рад.

Твоя свобода,
 как работа,
И совесть — твой судья в глухи.
Увы, свобода —
 только мода,
Коль нет парения души.

А здесь, под елями, спасенье
От неминучей суеты,
Идет неспешно возвращенье
Сердцам усталым
 доброты.

Комарина тайга

Не ходи, мой друг, в июле
В комариную тайгу.
Будь в любой звериной шкуре,
Будь в любом густом меху,
Все равно комар достанет,
Все равно тебя проймет
И задаст такую баню...
Слышишь, как медведь ревет?
Вырвал мишка елку с корнем
И давай крошить кусты.
В комарином нудном звоне
Голос слышится беды.
Вот из этих нитей звона
Соткан воздух до небес.
В каждой кочке, в каждой кроне
Комаров вовек не счешь.
И к воде сохатый мчится
В серой туче комаров.
И взмывает в небо птица
Под защиту облаков.

БОЛТОРА ВЕКА ОХОТНИЧЕЙ ПЕРИОДИКИ

М. БУЛГАКОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ
К ЖУРНАЛУ «ОХОТНИЧИЙ ВЕСТНИК»
(1904)

Всего вышло 6 книжек небольшого формата, составивших объемистый томик в 550 страниц. В этих же «Приложениях» была напечатана переводная (с немецкого) иллюстрированная брошюра (92 стр.) «Искусство стрельбы из нарезного оружия», которую нельзя отнести к литературному жанру даже при большой натяжке.

Изданы «Приложения» аккуратно, можно сказать, с любовью. На нынешний вкус некоторые заставки и концовки в тексте выглядят наивно, но книжки адресовались читателям-охотникам, а не записным эстетам.

В небольшом предисловии редакция объяснила появление этого издания тем, что ее «...буквально забросали письмами читатели с просьбой... расширить литературный отдел журнала» («Охотничьего вестника». — М. Б.). Редакция сохранила структуру «Охотничьего вестника» неизменной, но, увеличив цену подписки всего на 30 коп., выпустила «Литературные приложения».

Оценка помещенных в «Приложениях» рассказов и стихотворений была полярной. Вот что писал один из критиков (А. Кондратьев, ж. «Охота», 1904,

№ 6): «Беллетристика состоит большей частью из рассказов, аляповато изложенных и малоинтересных по содержанию. ...Рассказ «Незадачливый» г-на Воробьева не имеет ничего общего с охотой: в этом рассказе описано половое влечение лесника Волкова к мессалине-кухарке, и по прочтении рассказа впечатление получается отталкивающее».

Даже при внимательном прочтении в этом большом рассказе нельзя обнаружить никакого описания «влечения». Впрочем, и собственно охоте посвящена всего одна страничка. Душепитаельная, написанная вполне пуританским языком мелодрама. К слову, именно сентиментальность отличает большинство литературных произведений на охотничью тему до сегодняшнего дня, хотя нравы в обществе изменились.

А в «Литературных приложениях» помещены не только сусальные истории. Есть несколько добрых рассказов Н. Яблонского («Бродяги», «Дуэль»), Н. Вербицкого («Филиппыч», «Исповедь друга»), Д. Вилинского («Соседноватор»), написанных не только в элегической тональности, но и с большой долей юмора.

В третьей и пятой книжках опубликованы две части («Весна» и «Лето») большой поэмы «Четыре времени года» Д. А. Вилинского. Этот талантливый и знаменитый в охотничьей среде человек мог писать о чем угодно, сколько угодно и как угодно (хоть стихом, хоть прозой), причем с легкостью необыкновенной. Не берусь судить о достоинствах его поэтических опытов, но читать его прозу в высшей степени занятно.

«РУССКАЯ ОХОТА» (1905—1908)

Издававшийся в Петербурге еженедельный журнал (32 стр.) вошел в историю охотничьей журналистики как самое «странные» издание. В 1905 году вышло 4, а в 1906 году всего 2 номера. Больше того, в 1907 году на вышедших ранее номерах были заклеены выходные данные и старые журналы высылались подписчикам в качестве «свежих».

Редактора-издателя «Русской охоты» Л. В. Колб-Селецкого можно было бы принять за авантюриста, но его неистребимое желание издавать охотничий журнал скорее говорит о большей

любви то ли к охоте и охотникам, то ли к издательскому и редакторскому делу. Разбогатеть на «Русской охоте» Колб-Селецкий не мог, тогда зачем ему понадобилось в течение четырех лет мучаться со своим непослушным детищем — журналом? Кстати, поначалу содержание «Русской охоты» мало в чем уступало выходившим в те годы охотничим журналам, среди авторов — прославленный охотник-писатель Н. И. Яблонский, писатель и поэт И. Н. Евфратов, кинолог А. С. Тульпанов. Журнал украшали оригинальные рисунки известных художников, в том числе А. Хренова («воспроизведение воспрещается!» — строго предупреждал издатель).

Со временем вокруг романтичного и непрактичного редактора образовался некий вакум, за неимением актуальных материалов на страницах «Русской охоты» появился «Отчет о соединенном

стенде Крестовского и Царскосельского голубиных стрельбищ» и т. п.

Спустя почти сто лет этот журнал (редкий еще «при жизни») стал практически не находим. В РГБ (бывший «Ленинке») хранятся всего 4 номера за 1908 год, хотя известно, что в частных книжных собраниях имеются экземпляры за все четыре года издания.

Жемчуги ирландского сеттера

Отрывок

Николай ВЕРБИЦКИЙ

Ах ты ж, собачонка!..
Тит. Сов. Попрыши

Происхождения я, несомненно, благородного. Этого мало: чистота моей крови установлена по крайней мере десятью, если не двадцатью поколениями по восходящей линии; в моей родословной значится: красный ирландский Прайс от Девиль и Бьюти 2-й, от Ред, премированной в Дублине, от Сляй и Юно, от Стайрса и Мод, премированных, от Айриш-Гем и т. д. и т. д. вплоть до Вильгельма Завоевателя.

Девиль, Бьюти, Стайрс — все это имена и какие имена.

У меня точно душа растет и сердце переполняется, когда я думаю об этом. Да, мы, *nous autres gentilhommes*¹ собачьего мира, мы умеем ценить и со-знавать чистоту расы и, несмотря на все перипетии жизни, всегда остаемся верны принципу, что *le sang fait un homme*², что порода делает собаку...

Правда, говорят иные скептики: *les vertus des pères ne passent pas toujours avec le sang dans leurse infants*³, но на скептиков вообще мне наплевать: у этих господ нет идеала даже собачьего.

Необходимое примечание: французскому языку я выучился еще щенком,

ибо детство свое провел в аристократическом доме, где не говорили на другом языке, кроме французского. Всякое знание облагораживает — и я горжусь своими знаниями.

Но еще более горжусь тем, что я ирландец. Если кому принадлежит будущее, то именно Ирландии.

И сверх того — я красный, красный без малейших отметин, вполне *red irishdog*. Все они, мои великие соотечественники: и Брайт, и О'Коннель, и Парнель, и сам О'Донован-Росса — все они красные без отметин, как и подобает сыновьям Зеленого Эрина.

Помню, до двухмесячного возраста я жил в большом и богатом доме; помню подушку, на которой лежала моя мамаша, красавица Бьюти, следя ласковыми глазами, как вокруг нее возились я и несколько моих сестриц и братцев; дверь из нашей комнаты вела в большую залу, где блестели зеркала и бронза, где было так хорошо и просторно, но куда нас непускали; а если мы пробирались туда и начинали беготню, поминутно спотыкаясь и падая на скользком паркете, сейчас же появлялась молодая особа со вздернутым носиком, в белом фартуке и с половиною щеткою в руках; она топала на нас ногами, грозила щеткой, и мы, поджав хвосты, удирали в свою комнату под защиту милой мамаши.

Помню я высокую полную даму, которая иногда проходила через нашу комнату и при виде которой мамаша почтительно виляла хвостом; помню

высокого господина с седыми бакенбардами, гладко стриженную седую головой и с золотыми очками на носу, который иногда брал нас поочередно за шиворот и тщательно осматривал наши носы и лапы; мамаша всегда особенно радовалась его приходу и даже слегка визжала от удовольствия.

Помню еще девочку лет тринадцати или четырнадцати с большими голубыми глазами и золотистыми волосами, длинными мягкими и шелковистыми даже более, чем подвесь на моем хвосте.

Она всегда врываилась к нам, как ураган, эта девочка, брала нас на руки, бегала по комнате, тормошила нас и целовала. Нельзя сказать, чтобы это доставляло нам особенное удовольствие; даже мамаша глядела на это иногда с беспокойством; но в поступках девочки было столько теплоты и искренности! А знаете, теплоту и искренность нельзя не ценить даже в таких случаях, когда они заставляют тебя поджимать хвост.

Временами через нашу комнату проходил еще один субъект, тоже довольно высокого роста, молодой, стройный и черноволосый; мамаша всегда встречала его приветливо; полная дама и девочка звали его Алексеем Петровичем, а Степан, который приносил нам корм, называл его учителем и делал при этом такую рожу, как будто в его нос заползла муха или ему дали понюхать горчицы.

Мне исполнилось три месяца от роду. Однажды, — если не ошибаюсь, это

¹ тоже джентльмены.

² порода делает человека.

³ природа отдыхает на своих детях (усл.).

было в сентябре, — я лежал на спине; мамаша наклонилась надо мною и неожиданно искала у меня блох; я лежал, зажмурив глаза и только изредка подрыгивая лапой, когда становилось уже очень щекотно. Трудно было найти что-либо прелестнее этой семейной идиллии. В это время возле нас остановилась полная дама и учитель.

— Je veux vous faire un cadeau¹, Алексей Петрович! — проговорила полная дама, указывая на меня пальцем учитель.

Признаюсь, у меня сердце дрогнуло в предчувствии чего-то нехорошего; Алексей Петрович совершенно растерялся и стоял, выпустила глаза и не доверяя своему счастью.

Затем он порывисто схватил меня за загривок; Бытии 2-я с легким визгом отошла в сторону; я... я даже не визжал: у меня сделалась такая attaque des nerfs², которая потребовала даже деятельного вмешательства Степана для приведения в порядок окружающей обстановки...

С этого времени Степан уже не приносил мне корму, а кормил меня сам Алексей Петрович...

К новой обстановке я привык довольно скоро и даже почувствовал некоторую привязанность к моему новому хозяину (тесная, неразрывная дружба между нами установилась несколько позже). Воспитывался я по системе Белькура, и не могу сказать, чтобы корни учения были для меня слишком горьки, — надлежащую их горечь и назначение висевшей на стенах над кроватью моего хозяина пletki я узнал только впоследствии, — более всего неприятно было бессмысленное торчание над едою: стоишь над тарелкой супу; пар этакий приятный поднимается, ноздри тебе щекочет; аппетит страшный: все животики подводят, а в ушах так и звучит анафемское «тубо!».

Поставил бы я самого Алексея Петровича над тарелкой, да сказал бы «тубо», — интересно знать, что бы он тогда почувствовал!

Но у какого-то поэта сказано:
Ко всему человек привыкает,
Потому он и глуп, и велик...

Привык и я к этому торчанию над тарелкой, мало того, даже стал находить, что это так и нужно, что это в порядке вещей.

Пропускаю подробности о моем первоначальном воспитании, о моей детской жизни: они мало интересны для других, хотя для меня полны неизъяснимой прелести — сколько светлой и вместе грустной поэзии в этих воспоминаниях о милом, далеком, безвозвратно промелькнувшем времени!..

Помню первую охоту. Она оставила во мне неизгладимые впечатления: она сразу определила мой характер, наклонности, дала направление всей моей жизни, указала ее цель, указала мое призвание, которому я неуклонно следую с тех пор.

Мы вышли с Алексеем Петровичем на зорьке и пошли по городским улицам. Я весело рыскал впереди, считая наше путешествие обычной прогулкой и только изумляясь, что мой хозяин выдал для нее такое необычное время.

Скоро, впрочем, мы очутились за городом и направились по тропинке, с обеих сторон которой стеною тянулась высокая, колосистая рожь. Я быстро сунулся в рожь, но голос хозяина остановил меня, и я смиро поплелся за ним сзади.

Миновали мы эту рожь и спустились в зеленую лощину. «Вперед!» — произнес Алексей Петрович; я бросился вперед, и скоро лапы мои зашлепали по неглубокой воде между зелеными кочками. Я оглянулся назад: Алексей Петрович шел за мною, поощряя меня легким свистом.

Не умею вам сказать, что со мной сделалось: меня охватило какое-то странное чувство безграничного простора; где-то там глубоко, глубоко в сердце сначала точно шевельнулось, а потом встало, разрослось и заполнило меня неудержимое желание мчаться во все ноги неведомо куда, вообще, мчаться почти бессознательно, выпучив глаза и свесив язык на сторону, повинувшись лишь одной неутолимой жажде движения: кружить по этой зеленой равнине, увязая порою в грязь и разбрызгивая лужи мутной воды между кочками.

Во всем этом чуялась и сказывалась страсть, но пока еще не осмысленная, неопределенная, лишенная надлежащего объекта.

Скоро она, впрочем, осмыслилась: из-под моих ног вспорхнуло что-то и потянуло низко под болотом, мелькая передо мною беловатым хвостиком. Точно вся жизнь моя сосредоточилась в этом беловатом хвостике. Я гнался за ним до изнеможения; зачем, почему — теперь не могу дать себе ясного отчета...

Да и как дать отчет? Почему композитор порой с мучительной болью сердца ловит ускользающую от него мелодию, случайно промелькнувшую в его голове; почему с тем же болезненно-растянутым чувством поэт ловит не дающую ему рифму; почему живописец по целым дням пачкает холст и лепит краску на краску, стараясь найти поразивший его оттенок в облаках, потонувших в роскошном освещении заката?

Что ни говори, если резюмировать их суждения, то в конце концов выйдет, что все вышесказанное для них есть тот

же беловатый хвостик, низко летящий над зеленым болотом. Беловатый хвостик опустился в траву, но, когда я примчался к этому месту, он снова поднялся и повернулся назад: началась прежняя бешеная гоньба.

Вдруг раздался резкий, сухой стук и предмет моего преследования комочком свалился в траву передо мною. Я неясно помню, как я подбежал к нему и как в моих зубах очутилась небольшая птичка с длинным носом.

Первое, что меня поразило, это тяжелый своеобразный запах, заставивший меня немедленно выплюнуть птицу и даже тщательно вытереть о траву морду, к которой пристало несколько перышек. Запах показался мне неприятным; но им определилась вся моя дальнейшая судьба: и теперь, как тогда, он охватывает меня, одолевает, как одолевают созвучия поэта в минуту вдохновения.

Судьба моя определилась, но мне предстояло еще пройти долгую и трудную школу. Страстный и увлекающийся по натуре, я скоро почувствовал, что для всякого увлечения положены границы, иногда даже очень неприятные. Обидно и горько иногда становилось. Бывало, весь дрожа от страшного нервного напряжения, едва переступая с лапы на лапу, а иногда даже ползя на животе, подбираясь к объекту своих стремлений, ждешь, замирая, когда вместо грозного «тубо!» раздастся желанное «пиль!» — рванешься вперед как ошалелый — и вдруг в твою шею вольются железные гвозди тяжелого ошейника, как струна натягивается привязанная к нему веревка и плетка, как змея, обовьется вокруг тех частей твоего организма, которые менее всего повинны в увлечениях. Проклятая плетка! Холодная и бездушная она вещь, но прикосновение ее очень, очень горячо.

Плетка входит в систему собачьего воспитания по Белькуру. О, республиканская нация, как много в тебе зверства и как мало гуманности!

Но странное дело: чем больше порол меня мой хозяин, тем большую привязанность я к нему чувствовал. Моя ирландская кровь волновалась, но я ни разу даже не попытался его укусить, хоть порой он драл меня без милосердия, так что я катался по траве и визжал благим матом.

Говорят, что женщины особенно любят того, кто обходится с ними при помощи вышесказанного ненавистного орудия. К сожалению, я никогда не был женщиной и не могу судить, насколько это справедливо.

Три года прошло, и прошло не бесплодно для моего развития и самоусовершенствования. Я стал ясно понимать, что долг сам по себе, а увлечение тоже само по себе, что за исполнение долга иногда хвалят, а за увлече-

¹ — я хочу вам сделать подарок.

² нервный срыв.

чение обязательно высекут и что таким образом долг выше увлечения.

Принципиально конечно, на деле не всегда бывает, в особенности у натур поэтических, как моя, например. Да и чем я виноват, что у меня ирландская кровь и что долг мне всегда представлялся в образе бухгалтера коммерческого банка с пером за ухом и геморроем в пояснице? Во всяком случае, я привык охотиться в компании с другими собаками и у меня сменилась холодною рассудительностью та зависть, или, как выражаются обыкновенно, та охотничья жадность, которая заставила было меня во все ноги бросаться на

эпитет, весьма нелестный для моей особы. Я немедленно повернулся к нему задом, поднял хвост и ощетинил шерсть на спине, как это принято в нашем кругу для выражения презрения, и в свою очередь отпустил несколько ответственных эпитетов с соблюдением, впрочем, полнейшего приличия в присутствии дамского пола.

Дуэль между нами казалась неизбежна, и я уже соображал, какое повыгоднее принять положение, чтобы взять своего противника по обыкновению мертвый хваткой в горло и показать ему наглядно, что такое ирландские зубы.

Но вдруг над нами прокатилось мгучее: «Ну-у-у!»

Бедная Лола так и упала на пол от страха, мы тоже расположились — кто под стол, кто под диван, основательно соображая, что дуэль теперь была бы не-

чужую стойку и сгонять чужую птицу. Я нашел, что поступать так и невыгодно, и пришел к убеждению, что Белькура великий человек и что по части собачьей педагогии у него есть истинны, которые и не снились древним мудрецам.

Вчера намеревались отправиться на охоту, но дождь помешал. У Алексея Петровича тем не менее собралась целая компания и просидели весь вечер.

Были и собаки, но... только и была одна хороенькая — желто-пегая Лола, по-видимому, аристократка из английских.

Я хотел было сказать ей несколько любезностей, как следует и прилично джентльмену чистой крови; но в это время преогромный косматый дурак черной масти толкнул меня очень грубо и, отворотясь в сторону, проворчал

своевременна и неминуемо повлекла бы за собою вооруженное вмешательство посторонних личностей по методе Белькура.

Из-под дивана, куда я залез, я стал рассматривать собравшихся охотников: типы!

Один пожилой с поседевшими усами, с глазами, доброе выражение которых мало гармонировало с его вечно нахмуренным лбом и иронической улыбкой, кривившей его губы, был, по-видимому, авторитетом между ними и хозяином хороенькой Лолы. После я убедился, что эта авторитетность была заслуженная.

Убедился также, что водку и коньяк они могут пить как воду: качество, говорят, между людьми не последнее.

Были и другие разных достоинств, но

противнее всех был некий юноша в кургозом, точно обшипанном пиджаке, на тоненьких ножках в желтых гетрах и новеньких штиблетах, с обезьяньей мордочкой, на которой играла презрительная улыбочка, с золотым рюкзаком на носу и со стриженными волосами на круглой головке.

Звался он князь Куксин-Передрягин; ему принадлежал, как оказалось, черный нахал, осмеливившийся публично оскорбить мою честь.

Удивительно, право, как у людей все идет шиворот-навыворот; Куксин — князь, и городистый князь, а в чем эта порода сказывается — ума не приложу. Я глубоко убежден, что на собачьей выставке он не получил бы даже похвального отзыва. Мой Алексей Петрович заведомо плебейского происхождения, а в сравнении с ним Куксин — чистая дворняжка. На моего хозяина поглядеть любо: морда прелестная, грудь широкая, задние лапы в струне, ребра спущены ниже...

Однако я, кажется, немножко запортировался.

Был и еще один, знаток и специалист по части борзых, гончих и легавых. Я позабыл его фамилию, но хорошо знаю, что мнения его по собачьим вопросам ценятся на вес золота и что они непогрешимы, как геометрические аксиомы. Но ведь и специалисты — люди, и им доступны увлечения, а всякому интеллигентному псу известно, что увлечения, да притом еще людские, — самая непоследовательная вещь. Специалист подозвал меня к себе и несколько времени внимательно меня рассматривал; я стоял робко и почтительно, ибо знал, перед кем нахожусь.

Алексей Петрович тоже обнаруживал некоторое беспокойство: я видел это по его лицу.

— В крови и сомнения быть не может, — заговорил наконец специалист.

Алексей Петрович ожидал; у меня хвост тоже задвигался совершенно непривычно.

— Морда у него высокоблагородная... хвост несколько крючком...

Хвост крючком! Я знаю, что уважаемый знаток находится в периоде увлечения пойнтером и высшей собачьей красотой признает прутик, воткнутый чуть не в спину объектов его увлечения.

Красота, нечего сказать! Какое-то обдерганное приспособление, которым даже и повилять с благопристойностью нельзя.

Гости сидели долго, болтали, курили, водку пили, свечку тушили из картины Флобера, т. е. тушил один Орбанов (владелец Лолы), а прочие палили довольно бесплодно; в заключение Орбанов поставил к стене нож и выстрелом разрезал о лезвие пульку на две части; все удивились и поднесли ему

целый стакан водки, которую он и выпил совершенно благополучно.

К концу вечера кто-то написал стихотворение, которое и было прочтено тут же:

Летает дупель одинокий
Над тонкой гладью моховой,
Какой тиран его жестокий?
Из грязи выпугал родной?
Там, как чума, охотник рыщет,
Во весь карьер несутся псы...
Тебя никто в овсях не сыщет —
Лети в прибрежные овся!
Забыть там можешь про охоту,
Усталым отдых дать крылам!..
Но он, дурак, летит к болоту,
Как будто жизнь и счастье там.

Стихотворение мне понравилось; но совет лететь в овсы не нахожу вполне удачным: мы, например, с Алексеем Петровичем при случае и овсов не помилуем, и не раз случалось, что, при подобных обстоятельствах, какой-нибудь грубый и необразованный мужик давал серьезное обещание переломать мне ноги, а Алексею Петровичу намять бока. Кстати, должен сказать, что претвратительная вещь искать в овсях или во ржи: ничего не слышишь, хоть убей; вот точно тебе в нос ваты напихали или чего-нибудь подобного.

О стихотворении рассуждали; говорили между прочим, что это пародия; я задумался над этим словом.

И пришло мне в голову, что, если бы этой лежащей под столом черной пародии на сэттера да попасть где-нибудь в укромном месте — уже я бы ему показал!

Были на охоте, попали на высыпку богатейшую; но хозяин был решительно неизнаваем.

Он пуделял так бессовестно, что я приходил не только в недоумение, но даже в отчаяние. Рядом со мною работала Лола. Она превосходно работает, даже, можно сказать, лучше меня.

Да и вообще она премилая особа.

Орбанов же просто делал чудеса: от его длинного Франкотта не уходила

буквально ни одна птица; дуплеты по бекасам он делал такие, что я останавливался и поджимал хвост; я в первый раз в жизни видел такую стрельбу.

Недаром Лола хорошо работает; у этого стрелка работать — одно наслаждение.

У конца болота мы сошлись с Орбановым; у Алексея Петровича болталось всего три дупеля, бекас да курочка; на Орбанове места не было, не увшанного долгоносиками.

— Что, Алеша, только и всего? — обратился он к моему хозяину.

— Не могу я стрелять сегодня! — отвечал Алексей Петрович. — Я расстроен с самого утра.

Орбанов поглядел на него с участием:

— Бери мою дичь!

— Зачем это?

— Бери! Не захочешь же ты, голубчик, чтобы Куксин окидывал тебя прозрительными взглядами.

При имени Куксина моего хозяина передернуло:

— А черт с ним!

— А ты все-таки бери: резонно тебе говорю!

— А вы как?..

— Мне что, старику?! Скажу, дичи не нашел. Мою стрельбу знают, и никакой Куксин рожи кривить не будет.

— Нет, все-таки...

— Бери, говорю! Мне же легче тащиться будет... ну, бери половину: хватит на двух.

И он стал отцеплять и бросать на траву одного дупеля за другим; Алексей Петрович взял штук пятнадцать, от прочих отказался.

На привале мы застали уже всех прочих охотников, в том числе и князя Куксина-Передряпина.

Его дорогая двустволка была прислонена к дереву, на сучке висел новенький ягдташ, к ремешкам которого было прицеплено штук шесть дупелей; неда-

леко лежала противная черная пародия на сэттера, облизывая лапы; сам князь полусидел, полулежал, нахально задрав кверху свой крохотный носик, прозрительно поглядывая на всех и куря дорогую сигару. Я сразу определил, что сигара была дорогая: к сигарному запаху я привык еще давно, еще когда был щенком и жил в доме хозяина моей мамы.

До сих пор вспоминается мне его обычая фраза: *Dans la vie il n'y a que trois principes le vin, la femme et la cigarette*¹.

Вина я не пил, ибо, как известно, собаки отличаются трезвостью своего поведения, с женщинами был мало знаком по своему щенчачьему положению, ну а сигарного дыма нанюхался вволю: от него никуда нельзя было уйти.

Пили чай, лениво разговаривали; Алексей Петрович, видимо, старался не обращаться к князю, а мы с черной пародией, пользуясь случаем, забрались в кусты и учинили дуэль, дуэль настоящую, как следует быть, и если бы нас не растащили за хвосты, я не знаю, чем бы она закончилась.

Проклятая пародия оказалась гораздо сильнее, чем я ожидал; хорошо еще, что зубы у нее не особенно острые, но и так я не могу сказать, что дешево отдался: целую неделю потом весьма и весьма многие части моего организма болели так, что нельзя было дотронуться. В особенности левой передней лапе досталось. И как я умудрился всунуть ее ему в пасть, до сих пор не понимаю.

Полагаю, однако, что у него остались воспоминания, и даже очень теплые...

Рисунки Б. Игнатьева

¹ В жизни есть три принципа: вино, женщина и сигара.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Дёжкин В. В. Возвращение к российским истокам: возрождение сельской периферии России (Дополнение к экологической парадигме XXI столетия). М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. — 200 экз. 36 с.

Биологическое природопользование России в дореволюционный период представляло собой сложившуюся природохозяйственную систему, имевшую механизмы эколого-экономической регуляции. В данной работе рассматривается воздействие на эту систему различных политических, экономических, экологических, социальных и технологических факторов на протяжении послереволюционного периода.

Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Материалы конференции, посвященной 50-летию факультета охотоведения. Часть II. Иркутск: Минсельхозпрод РФ. Департамент кадров и образования. Иркутская гос. с/х академия. Факультет охотоведения, 2000. — 306 с.

Доклады конференции объединены в разделы: «Экономика и организация охотничьего хозяйства», «Териология», «Пантовое оленеводство», «Орнитология», «Техника добывания». Группа авторов выступила с обобщающей статьей «Основные проблемы охотопользования и перспективы их решения».

Экологический журнал «Волна». Иркутск: Иркутская региональная общественная организация «Байкальская Экологическая Волна». № 1 (22). 2000.

Первый номер двухтысячного го (журнал выходит один раз в квартал и распространяется бесплатно) содержит новую рубрику «Век уходящий», которую открывает известный российский эколог А. В. Яблоков, и несколько материалов, посвященных Байкалу. В их числе очерк С. К. Устинова «Ученый, путешественник, писатель, журналист, фотохудожник», написанный к 70-летию О. К. Гусева.

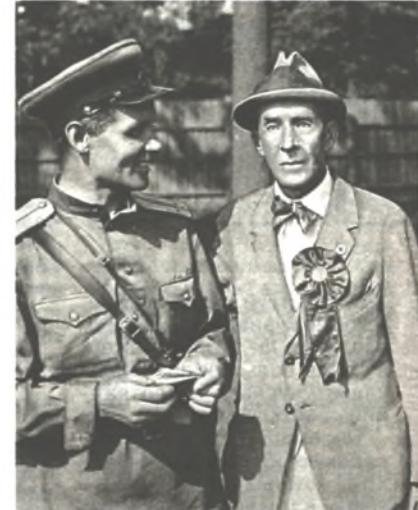
Любительская охота. (Сост. В. Л. Анощенков). Смоленск: Рунич, 2000. — 11 000 экз. 592 с., ил.

Книга отражает взгляд охотника-любителя на сегодняшнее состояние охотничьего дела, его наблюдения и опыт личного общения с природой за время пребывания в обществе охотников с 1969 г. по настоящее время. Она поможет молодым охотникам почерпнуть элеменарные сведения по основным вопросам, связанным с охотой. Для более опытных будут полезны специальные разделы по организации охоты, вопросам безопасности, выбору и использованию оружия. Что-то интересное найдут для себя и корифеи охотничьего спорта.

ФОТОАРХИВ

СТАРЕЙШИЕ КИНОЛОГИ РОССИИ

Среди кинологов прошлого особого внимания и доброй памяти заслуживает Петр Федорович Пупышев, эксперт Всесоюзной категории по легавым. Он участник первого кинологического съезда 1925 года в Москве, автор многих книг и пособий по охотничьему собаководству. Среди них «Спортивная охота с собакой», «Охотничьи легавые собаки», «Воспитание и натаска легавой собаки», «Выбор и натаска легавой», «Охота со спаниелем», «Северные промысловые собаки», «Английский сеттер» и другие. Начинал свою кинологическую деятельность П. Ф. Пупышев в двадцатых годах и судил, будучи председателем комиссий, почти по всем породам легавых. Это был тонкий знаток русской охоты, и вся его жизнь была посвящена служению русскому собаководству. Он был очень дружен с экс-

пертом Всесоюзной категории П. А. Яровицким (на снимке в военной форме).

Павел Артемьевич Яровицкий славно послужил русской охоте. Его страстью были английские сеттеры. Он часто писал о них в журнале, прекрасно фотографировал собак и сцены охоты с ними.

На этой пятидесятилетней давности фотографии мы видим ленинградских экспертов-кинологов (1947).

Верхний ряд (слева направо): Курдов Валентин Иванович — художник, пойнтерист; Нестеренко Кузьма Павлович — судья-эксперт, англичанист, дядя известного певца Евгения Нестеренко; Сухачев А. Г.

Второй ряд сверху: Писарев С. С. — эксперт Всесоюзной категории, ирландист, писатель; Любаш А. С. — артист, спаниелист, автор первой послевоенной охотничьей книги «Охотник из города»; Страганов С. У. — знаток английского сеттера; Овчинников С. И. — госохотин-

спектор; Тугаринов С. Г. — лаечник.

Третий ряд сверху: Маслова Конкордия Александровна — кинолог ВОО Ленинградского ВО; Шевченко Андриан Сергеевич — писатель, пойнтерист, известный юрист; Петров-Маслаков М. А. — заводчик английского сеттера, художник; Юганин И. П., Овчинников С. И., Поликарпов Николай Ефимович — судья-эксперт, заводчик английских сеттеров.

Нижний ряд: Андреевский; Грузов Л. Н. — лаечник, профессор; Леонтьева Елизавета Карловна — лаечница; Бармасов А. П. — лаечник, эксперт-кинолог.

Борис МАРКОВ

Здравствуй, уважаемая редакция журнала! Пишет вам охотник с 15-летним стажем, а также большой поклонник вашего журнала на протяжении десяти лет.

Так вышло, что в Волгоградскую область от Чеченской войны стал уходить зверь, в том числе волк и шакал. И стал волк беспокоить чабанские точки.

Наш охотничий коллектив решил организовать охоту на волков. В первый наш выезд волк оказался умнее нас, поскольку опыта у нас не было. Но во второй раз мы перехитрили серого умника и взяли двух переярков. В третий наш выезд я взял своего сына, который ходит со мной на охоту с 13 лет. И в тот же день ему очень повезло — он принял участие в добыче материального красавца, вес которого составил 55 килограммов. Радости и восторга моего сына на было предела. Этую радость я запечатлел на снимке.

Уважаемая редакция! Я очень вас прошу сделать ему подарок к 16-летию, которое будет 7 ноября 2000 года, и напечатать фото в вашем журнале.

А. АВРАМОВ
Волгоградская обл.

Я впервые вам пишу, чтобы рассказать о том, что со мной случилось. Здесь сто процентов правды. Мне 60-й год, за все время в моей охотничьей практике ничего подобного не происходило.

17 сентября 1999 года мне хозяйка предложила съездить за черемухой. Я взял с собой удочку, и мы отправились на мотоцикле. Время — час дня. День был очень теплый, светило солнце. Отъехали от деревни семь километров. Там протекает небольшая речушка, которая летом пересыхает, остаются омута или котлованы с одной-двумя рыбинами. Ну, я поймал двух в одном омуте, перехожу на следующий и вижу на берегу следы медведя...

Прошел метров 80—100 и справа обнаружил большие заломы черемухи, надо, думаю, вернуться, но было уже поздно. Метрах в двадцати от меня выскочила медведица и за доли секунд оказалась около меня. Я понял, в какое попал положение, — ни ружья, ни ножа с собой. А зубы ее перед глазами... Около меня оказалась ольха, я вроде бы за нее, успел два раза толкнуть ногами деревце, результата никакого... Зверь сразу свалил меня с ног и начал драть голову. Я лежу вниз лицом, кровь заливает глаза. Хозяйка все слышала, но не видит через кусты и кричит не своим голосом: «Вань, Вань!» Но мне отзываться невозможно, так как зверь еще сильнее драть будет. Все-таки успел ей крикнуть: «Назад!» и тут же придурился мертвым. Вскоре почувствовал, что медведь перестал дышать мне в голову теплым воздухом. Ну, думаю, хоть как умирать... вскакиваю и, сколько есть силы, бежать, метров через двадцать обернулся, никого нет. Подбегаю к хозяйке, она и не знает, что делать. Говорю ей: «Держи заплатки на голове!» Так мы и поехали.

Меня немного спасла одежда — пиджак прорезиненный и тельняшка, все это изодрано в ленты, стал как зебра, но особо глубоких ран не было. Сильные раны были на голове, боялся, что не додеду до больницы, но доехал!

Много крови потерял, голова сильно кружилась, меня подхватили и тут же начали обрабатывать. Спасибо главврачу и сестрам — они мне поставили 22 скобы на голове, и я выжил! Сейчас все нормально.

То, что со мной произошло, никому не пожелаю, а охочусь я с детства, журнал читал с детства и по сей день. Решил рассказать вам эту историю. Ну вот, хотел закончить, да расскажу уж до конца.

После больницы решил найти эту медведицу, три дня ходил, следы были свежие, но никакого результата. В поселке у одних погибла корова, зацепил ее за трактор и привез на место происшествия. Пять вечеров ездил — ничего. На шестой посидел на дереве минут пять, услышал ее подход, у нее было два медвежонка, они меня засекли и не вышли. Ближе к зиме поехали с сыном и нашли берлогу, но там еще не легли. Узнало о берлоге начальство, попросили показать. Приехали они с лицензией и взяли, больше она не будет на людей бросаться... Весила медведица около 200 килограммов. Вот такие дела у меня были, пока до свидания.

И. КОСАРЕВ
Башкортостан,
Зилакский р-н

помочь организовать им охоту. Там же держали бы пасеки, лошадей, вели хозяйство, лечили людей кумысом. Для местного бюджета это было бы выгодно.

Может, заинтересуются какие-то охотничьи или туристические организации? Мы — люди надежные, муж — профессиональный охотник, спортсмен, без вредных привычек, делать в деревне умеет все.

Очень надеемся кому-нибудь пригодиться, откликнитесь и напишите на адрес моих родителей: 664074 Иркутск-74, а/я 5327, для Жилева Владимира Иосифовича.

ЖИЛЕВА Поля
г. Иркутск

Уважаемая редакция журнала! Пишет вам охотник с 40-летним стажем. В обществе охотников и рыболовов состояю с 1960 года, постоянно читал наш любимый журнал «Охота и охотниче хозяйство». Как и многие подписчики, решил поделиться своей болью.

То, что произошло со мной в ноябре 1999 года, заставило меня написать в журнал. При прохождении регистрации и проверки оружия в МВД мне потребовалось более двух месяцев. Сначала четыре дня яостоял (записывался) в очереди в отдел регистрации. Сдал все необходимые документы. Мне сказали, чтобы я пришел через месяц за разрешением. Одновременно мне выдали запрос для участкового инспектора, где он должен сообщить сведения обо мне и об условиях хранения оружия. Вручив ему этот запрос, я посчитал, что мои мытарства закончились.

Через несколько дней мне позвонил он и сообщил, что запрос отправлен по почте, но у него ко мне есть «небольшая» просьба — временно, на шесть месяцев, прописать на свою жилплощадь его знакомую из ближнего зарубежья. А чтобы мы не беспокоились, проживать она будет по другому адресу. Если я соглашусь на его предложение, он постараёт-

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ся ускорить мою регистрацию.

Однако прописать на свою жилплощадь незнакомого человека и нести за него ответственность, не зная, чем он будет заниматься в городе, меня, конечно, не устраивало и я категорически отказался.

Через месяц пришел за разрешением, но мне заявили, что они не получили ответ от участкового инспектора и поэтому не могут выдать мне справку. Сделали повторный запрос.

Не могу утверждать, что все это было сделано умышленно, но сам факт говорит об этом, если к тому же учтеть, что по представлению участкового меня еще вызывали на административную комиссию с требованием уплатить штраф за просроченную регистрацию. Мне удалось доказать комиссии, что мои документы находятся в стадии разрешения, и они ограничились предупреждением.

Вот так наша доблестная милиция сама толкает нас на разного рода правонарушения. Только в январе 2000 года я получил наконец законное разрешение.

Я умышленно не указываю своего адреса и фамилии участкового инспектора, точно зная, что тогда уж проблем у меня будет более чем достаточно.

**С уважением М. МИХАЙЛИЧЕНКО,
ветеран войны и труда**

Здравствуйте, уважаемая редакция. Мне 68 лет. Ваш журнал выписывают давно и с удовольствием читаю его. Совершаю туристические походы по малым и глухим таежным рекам, занимаясь охотой и рыбной ловлей, где еще достаточно и рыбы, и непуганой дичи. За свою жизнь совершил более 40 таких походов, от которых осталась масса незабываемых впечатлений.

Этот случай произошел в апреле 1998 года, когда охота на вальдшнепа еще не была открыта. После работы я обрезал на огороде смородину, убирал старую листву с грядок. Было тепло и тихо.

Солнце медленно опускалось с вершин берез. Из леса доносились весенние трели зябликов, стрекотание дроздов. На оттаявшей земле бегала и перелетала трясогузка, собирая мошек и другую мелкую живность.

Все говорило, что может появиться и вальдшнеп. Поэтому я решил окончить работу пораньше, чтобы сходить послушать вальдшнепа на тяге. В это время из леса послышался вдалеке гон — как раз в том направлении, куда я собирался. Быстро собрав инструмент, двинулся на голос гончей, надеясь встретить хозяина и пристыдить его за неурочное появление с собакой в охотничих угодьях.

В лесу снега было еще много. Гон приближался. Я остановился и стал ждать. Через несколько минут русская гончая промчалась мимо меня метрах в сорока по ельнику. Подойдя к гонному следу, я не смог разобрать, кого преследовала собака. Снег был зернистый, рассыпчатый, четких отпечатков не давал, но однозначно след не был ни заячим, ни лисиным. Раньше подобного следа мне встречать не приходилось. Гончая была небольшого роста, ни у кого из местных охотников я ее не встречал.

Собака сделала полукруг и оказалась впереди меня, голос ее доносился уже с одного места. Вскоре я приблизился к ней. Она кружилась вокруг старых барсучьих нор и кого-то облавивала. Я тихо стал подходить. Не дойдя до нор метров двадцать, увидел, как из норы показалась спина какого-то зверя и вновь исчезла. Гончая меня заметила и куда-то исчезла. Я стал наблюдать, что же будет дальше. И опять показалась спина зверя и исчезла. Так повторялось несколько раз.

Подойдя к норе вплотную, я рассмотрел барсuka, который попал в браконьерскую петлю, поставленную еще осенью. Все стало ясно. После зимней спячки зверь вышел из норы, и ему сразу же не повезло — вначале встретился с гончей, а потом попал в петлю. Пришло спасать.

Петля оказалась одним концом закрепленной за корень дерева, а другим — за небольшую осинку. Я попытался ослабить конец петли и подтянуть барсuka, но тот со всей своей звериной мощью уперся когтями в землю, и сдвинуть его с места я не мог, боясь повредить ему ногу. Из инструментов в карманах куртки у меня были только садовый нож и секатор. Попытка обрезать петлю секатором результата не дала. Решил срезать осинку, она была не толстой, и освободить один конец петли.

Сумерки сгущались. С большим трудом удалось срезать осинку и сдернуть конец петли с пенька. Почувствовав слабину, барсук еще глубже ушел в нору и продолжал натягивать трос. Уже в полной темноте мне удалось наконец с помощью ножа и секатора расщепить и перерезать корень дерева и освободить второй конец петли. Почувствовав свободу, барсук вместе с петлей углубился в лабиринт своих нор.

На следующий день я сходил к егерю В. Галямину и рассказал ему о случившемся. Тот обещал понаблюдать за норой.

Спустя несколько дней я с ним снова встретился, он рассказал, что после сильного дождя был на норах и видел свежие отпечатки следов барсuka. Бедолаге повезло — он освободился от браконьерской смертельной петли.

**В. ГРЕЧИШКИН,
Почетный член МООиР,
г. Чехов-2 Московской обл.**

12 лет. Я с папой выписывают ваш журнал и люблю читать его. Недавно прочитал интересную заметку о белой карабге. И мы с папой решили, что наш рассказ и фотографии должны заинтересовать вас.

Мой папа и дядя пошли в лес выгуливать собаку. Собака обнаружила семью енотов и поймала одного щенка, но папа успел отбить его, а то она бы задавила малыша. Дядя, подбежав, закричал: «Это мой кролик, который сбежал в прошлом году!» Смеху было много.

Но енотик прожил у нас недолго. Летом его держали в клетке, а зимой в сарае. В зимнее время он периодически впадал в спячку. Однажды, это было в конце февраля, он прогрыз дырку в стене нашего дряхлого сарая и убежал в лес. И я был этому очень рад!

Посылаю вам фотографии этого удивительного зверька, здесь ему всего четыре месяца. До свидания.

**Д. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ
г. Псков**

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишу вам в первый раз. Меня зовут Дима. Мне

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

На привале

РЕДЧАЙШАЯ УДАЧА

Долгие годы одним из любимейших мест моих охот был пойма реки Клязьмы, километрах в 50 от города Владимира. Там она довольно широкая и состоит из заливных лугов, болот, небольших озер и невысоких бугров. Все это зарастает болотными травами, кустами и деревьями, что позволяет птице и зверю в этих многочисленных потаенных укрытиях спокойно размножаться и растиль потомство. Особенно красива пойма, когда осень щедро раскрашивает яркими красками все растущее в ней.

Сентябрьское утро. Мы с братом и спаниелем Джоем, доволю набродившись по мокрым пойменным лугам и болотам и настрелявшись по бекасам и коростелям, вылезли на сухие густо заросшие бугры и направились к дому, до которого оставалось километров шесть. Была у нас мечта: по дороге с помощью Джоя найти старых петухов-черныш — одиночек, которые, как подсказывал предыдущий опыт, днем забирались в огромные кусты ивняка или ольховника и отсиживались там. Выводки же тетеревов в это время очень сторожки и ни собаку, ни охотника на расстояние выстрела не подпускают.

Погода отличная. Мы тихонечко топаем по сухому, а Джой членком мотается впереди, задирая нос и ловя только ему ведомые запахи. Легкий ветерок дует нам навстречу — то, что надо! Неожиданно спаниель с ходу замирает у густой стены берез и ольхи, густо проросшей кустами и высокой травой. Такая реакция у него на сидящего неподвижно в чащобе старого петуха. В этом мы убеждались не один раз. Чаще всего петухи предпочитали огромные кусты на довольно чистом месте — в этом случае было проще: брат или я забегал с другой стороны, Джой поднимал птицу, и она попадала под выстрел одного из нас. А тут сплошная стена — обегать нечего! Одна надежда на пса, может, обойдет петуха и выгонит его на нас, он такие номера проделывал. Ружье наготове, охотничий азарт заставляет бешено колотиться сердце... Короткая команда «дай», и Джой исчезает в чащобе; слышно, как хрустят сучья. Время на мгновение замерло. Оглушающий грохот крыльев, вершина одной из березок резко качнулась, мгновение вижу черное — и все... Шум от полета птицы затихает вдали. Не вышло: петух оказался хитрее двух мужиков и собаки. Что ж, это — охота, у каждого свой шанс! За то момент-то какой был — ух и ах! И все-таки жалко, что не вылетел на нас осенний петух-черныш — завидный, очень завидный трофей! Джой вылезает, смотрит виновато: «Не получилось, охотнички, хотя я очень старался, но хитрая bestия попалась!». — «Ладно, старина, не огорчайся, может, еще попадется — дадим ему шороху!» — успокаиваю спаниеля.

Двинулись дальше, молча переживая происшедшее... Джой опять заработал — молодец, настоящий охотник, надежды не теряет не в пример нам. Так мы прошли метров шестьсот-семьсот, вышли на большую поляну, густо заросшую бурьяном. Неожиданно пес поднял нос, закрутил хвостиком и, как по струнке, потянул к краю опушки. Ружье мгновенно сдернуты с плеч, спешим за спаниелем. А он вдруг сжимается в комок — сгусток страсти и нервов, — приостанавливается и прыгает в куст бурьяна. Но грохота крыльев нет... Бежим к Джою, наклоняемся, вглядываясь в переплетение травы. Чудо! Пес передними лапами лежит на здоровом, просто огромном петухе — нашей мечте — и гордо смотрит на нас. Беру тетерева за шею, поднимаю — хорошо! Джой радуется не меньше нас, подпрыгивает и чуть не отрывается хвост — самую красоту петуха. И тут мы с небес спускаемся на землю. «Слушай,

Володя, — говорю я брату, — Джой нашел мертвого петуха. Отчего он помер? Может, он тут давно валяется? А мы радуемся и ликуем, не рановато ли?» Начинаем осматривать, обнюхивать и ощупывать птицу. Определяем: еще теплый, пахнет хорошо — осенью, ягодой, лесом и тетеревом. Ощупываем дальше и тут замечаем, что левая нога как-то странно болтается... Осматриваем ногу, раздувая перо: она выбита из сустава, и бедро сломано, кожа почти черная; дальше — на левом боку кожа такая же черная... Внутреннее кровоизлияние, по-научному гематома. «Слушай, брат, а ведь этого петушину Джой сработал в чащобе, я видел, как вершина березки сильно качнулась. При взлете он о ствол шибанулся и себя покалечил — смертельно. Спасибо охотничим духам и Джою. Редчайшая удача!» Но, если честно, настоящей охотничьей радости все-таки не было.

Ю. ШЕВЯКОВ

ГЛАЗАСТЫЙ ПОМОЩНИК

Приятель, завзятый рыбак, уговорил поехать в начале октября на выходные в верховья Рузского водохранилища. В тех местах много лет подряд я охотился и довольно удачно. Воспоминания были так свежи, что я решил взять с собой ружье, а вдруг что-нибудь найду. И вот рано утром мы на месте, ставим машину на берегу реки Рузы и сразу видим, что воду сбросили. Как это скажется на рыбалке, пока не знаем, а что охота накрылась, ясно. Но в нашем охотничьем и рыбакском деле падать духом нельзя — иначе надо сидеть дома. Мы духом не падали, накачали лодки, и приятель отправился ловить живцов. Я же решил проверить одно заветное местечко на болоте — узкий, длинный заливчик, соединяющийся с рекой. На него и его затопленные окрестности, когда была высокая вода, всегда прилетали на кормежку утки, и мы очень удачно стреляли их там с подъема и на зорьках. Этот заливчик был единственным шансом поохотиться на вечерке, поэтому, переправившись на другой берег речки, я спрятал лодку в кустах и потопал по почти сухому болоту. С замиранием сердца подошел к заливу и стал осматривать воду и берега, очень надеясь увидеть утиные перья и следы лапок на грязи. И увидел — и перья, и следы, правда немного их было, но охотничье чутье подсказало, что утки на кормежку сюда по темному придут. Сколько — это уже другой вопрос, но придут обязательно. Настроение сразу улучшилось.

На место предстоящей охоты пришел загодя — за час до темноты, сел на живописную корягу, похожую на выбравшегося на берег осьминога, закурил. Тепло, тихо, дымок от сигареты тоненькой паутинкой тянется далеко-далеко... Такая благодать посидеть одному, наедине с природой, ни о чем не думая! И тут я услышал, что кто-то лезет через кусты. Может, показалось? Прислушался — точно лезет. «Господи! И кого это несет нелегкая по этим дебрям? Так мечтал побывать один в тишине и покое, так нет же!» Из кустов и сухого камыша вылез парнишка лет тридцати, подошел, вежливо поздоровался и сказал: «Дяденька, можно я с вами постою вечерок? Ружья у меня нет, так я просто посмотрю, мешать не буду». Звали его Сережей, приехал на выходные к маме в деревню из Волоколамска, где учился в ПТУ. Я поинтересовался, а как же он через реку переправился. «А на плоту, я увидел, что идете, и решил посмотреть, как охотиться будете. Только место вы неудачное выбрали: утки сюда не прилетят, мы с братом, он охотник, всегда дальше уходим». Пришлось молодому охотнику утиные перья показать и следы от лапок, чтобы он поверил, что утки прилетят. А уже сумерки наползать стали, и начали мы головами вертеть, чтобы дичину не прозевать, хотя еще рановато было.

НА ПРИВАЛЕ

Первая утка прошла стороной, метрах в пятидесяти-шестидесяти, далековато, но я бахнул разок для бодрости духа без всякого ущерба для утиной жизни. Но вот уже здорово потемнело, на небо облачка наползли, вот-вот лёт должен начаться... Ружье в руках, зарядил патронами с пятеркой и шестеркой, ведь стрелять в такой темноте можно только метров за 15–20, дальше не увидишь. И вдруг слышу взволнованный шепот Сережи: «Летит! Летит! Прямо на нас!» Ружье у плеча, вожу стволами, глазами просто впиваюсь в темноту, но ничего не вижу. «Где? Где?..» — теперь уже шепчу я. «Да вот же, вот!» — протягивает вперед руку Сережи. И тут я увидел зависающий над заливчиком силуэт утки. Вспышка выстрела — и птица комком плюхается в воду. Бита намертво! Для верности зажигаю фонарик и в свете луча вижу по расцветке, что взял селезня и он неподвижен. Поднял сапоги и хотел лезть доставать, но Сережа предупредил: «Тут глубоко, сапоги зальетесь, потом достанете. Куда он теперь денется?» Очень разумное замечание. И снова шепот, и снова ничего не вижу. Препротивнейшее состояние! Сбоку что-то мелькает, баюю и знаю, что промазал. А Сережа — в самое ухо: «Две идут, приготовьтесь, вот они, рядом» и показывает рукой. Этих я увидел, когда утки были почти над головой — тормозили крыльями перед посадкой. Дуплетом сбиваю обеих: одна падает на берег, другая рядом в воду. Зажигаю фонарик и нахожу первую, а вторую достаю прутом — селезень и утка. Сережа взвешивает их в руке: «Здоровущие!» А я не знаю, как мне благодарить моего глазастого помощника, без него было бы очень плохо: мои-то глазки, хоть и в очках, подсели...

Стало совсем темно, только на фоне неба еще можно что-то с трудом разглядеть — пожалуй, сматываться пора. И тут мой глазастый помощник еще раз меня удивил: «Над лесом утка летит, далеко. Ой, вроде заворачивает к нам, точно заворачивает, приготовьтесь, ближе, ближе, сейчас из-за кустов вылетит». Я уж и глаза не таращил — все равно не увижу. А утка нашла вштык, и на фоне неба я увидел силуэт... Выстрел — прямо к ногам Сережи падает матерая крякуха. «Все, хватит, Сергей! Утка эта твоя, маме отнесешь. Ты молодец, охоту мне сделал, четырех кряковых взяли с тобой в такой темноте, спасибо!» Обошел счастливый заливчик, достал селезня, и потопали мы с Сергеем — он к своему плоту, я к лодке. Ягдаша приятно оттягивали два селезня и утка. Шел и уже в какой раз удивлялся, какие же неожиданные случаи бывают на охоте.

М. МИШИН

ВОТ ОНО... ЧУДО!

В середине сентября приятель пригласил на недельку на озеро Шлино — поохотиться и порыбачить. На работе удалось договориться, и, загрузив в «Волгу» приятеля и все необходимое, тронулись в путь. Спаниелька Нора, заядлая охотница, оказалась в числе пассажиров. До конечного пункта — деревни Яблонька, расположенной на берегу озера, — добирались трудно: лесные дороги — это не асфальт Ленинградского шоссе. Несколько раз от шума двигателя машины рядом из зарослей вылетали вальдшнепы и рябчики, а пару раз — здоровущие глухари. Значит, охота будет! Остановились в том же доме, где жил знакомый приятеля. За ужином хозяин, его звали Николай, сказал, что дичина и рыба есть — душу отведете! Много глухарей — это отметил особо. Места обещал показать.

Но вмешалась погода. Пошел занудный осенний дождичек с совсем небольшими перерывами. Лес не успевал хоть немножко просохнуть, а лазить в сплошной мокроте... Да и дичина просто исчезла! Что-то иногда удавалось, благодаря спаниельке, но в такой-то глухи... пара, тройка вальдшнепов и рябчиков — было уже хорошо, скопе даже отлично. А потом русскую печку завешивали своей амуницией и сохли сами на этой же печке. Но вот перерыв в дождичке побольше... Начинаю быстро собираться на охоту, Нора крутится рядом — она идет со мной, а приятель отправляется за рыбой — там надежды больше. Прочесываем ближайшее мелколесье. Спаниелька подымет несколько вальдшнепов — пара оказывается в ягдаше. Ура! Уже не пустой.

Чтобы попасть в другое место, надо пройти густым ельником. Совсем не хочется лезть в чащу и в мокроту, но другого пути нет, поэтому — лезем... и почти сразу — фырчание крыльев. Рябчики. Быстро меняю патрон в левом стволе с крупной дробью (из расчета на глухаря) на патрон с любимой семеркой. Даю команду Норе «рядом» и, держа ружье наготове, осторожно двигаюсь вперед, ожидая вылета рябцов. Хотя в такой чаще шанс на удачу мизерный, все равно надо пролезть этот ельник. Деваться некуда. А где-то в высоте оглушающий гул крыльев. Вскидываю ружье. Огромный глухарь-петух сорвался с вершины ели и мелькает в просвете между деревьями... Дивное мгновенье! Поймал хорошо — и резкий хлопок выстрела почти бесполезной по такой птице семеркой. «Надо же было патрон с тройкой заменить», — мелькает мысль, а сам слушаю... Шума крыльев нет, а какой-то другой, уже беспорядочный шум и глухой удар о землю. «Господи, неужели сбили? Любимой семеркой. Не может быть!» А сам ору Норе: «Ищи! Спаниелька рванула и вперед, я за ней. Но она на четырех лапах быстрее. И вдруг впереди лай — значит, нашла. Ломлюсь через чащу, и вот оно... чудо! Огромный петух, распластав могучие крылья, лежит на земле, а на нем малышка Нора и звонко лает. Глухарь еще жив, и вижу, что правое крыло перебито. Подранок — это всегда тошно, но... И вот это «но» всегда остается неприятным воспоминанием.

В ягдаш такая здоровая птица не лезет, хорошо сетка оказалась, в нее как раз вошла. А тут опять дождичек заморосил, и потопали мы с Норой домой с гордо поднятыми головами. Дома я осмотрел петуха — попал хорошо, но, если бы крыло не перебила шальная дробина, улетел бы глухарь далеко-далеко и там погиб. Семерка для такой дичи, если честно, мелковата. Но была удача. И выстрел запомнился. А петух, после суточного пребывания в русской печке, стал съедобен... почти. На мой взгляд, рябчики и вальдшнепы гораздо вкуснее, не говоря уже о бекасах и дупелях. Пожалуй, основное преимущество здорового глухаря — его много.

Ю. ЛЮСИН

ПРИГЛАШАЕМ
на VI международную выставку
ОХОТА
И РЫБОЛОВСТВО
НА РУСИ
с 15 по 19 февраля 2001 г.
Москва, ВВЦ, павильон 69,
компания «Эксподизайн»
Оргкомитет:
т. (095) 181-17-01; 181-44-74
факс (095) 181-46-06

НА ПРИВАЛЕ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

СЛОБОДЕНЮК В. Никогда не сдаваться!	1
АБРАМОВ Б. Охота на фазанов в Венгрии	3
ШИШКИН В. Анималисты «Бестиария»	4
ЛИХОНЕНКО В. Из дневника межвежатника	6
ГРАКОВ А. У истоков ондатроводства в России	8
САФОНОВ В. М. П. Павлову — 80 лет	10
ПАВЛОВ М. Как я стал охотником и охотоведом	11
СИЛАНТЬЯ В. Охотничье хозяйство в России	14
УСПЕНСКИЙ А., МАКСИМОВ А. Трихинеллез — это опасно	18
ВЕРЕЩАГИН Н. Накануне и в начале Великой Отечественной войны	20
БЛЮМ М. Самозарядный «Тигр-9»	22
ЗВЕРЕВ Н. Патроны калибра 5,6 мм на охоте	23
ДОРМИДОНТОВ Р. Охота в ноябре	24
ГАЛКИН О. Карабины под патроны 7,62x51	26
БИКМУЛЛИН А. Пока идет гон	28
АЛЕХИН И. Смолиевские гряды	32
ТАРХАНОВ А. Стихи	37
БУЛГАКОВ М. Полтора века охотничьей периодики	38
ВЕРБИЦКИЙ Н. Мемуары ирландского сеттера	39
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	26, 46
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:

Бурый медведь — обитатель лесов и гор, далеко проникающий в лесотундру и тундру. Наиболее выдающиеся экземпляры этих громадин добывают на Камчатке. Л. Огородников с добытым трофеем

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Пятнистые олени. Вечно прекрасен мир дикой и свободной природы

Фото А. Животченко

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 08.09.2000 г. Подписано к печати 05.10.2000 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 25470 экз. Заказ 2112. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени

ГУП Чеховский полиграфический комбинат

Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 142300, г. Чехов Московской области

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Чирки уступают по размерам большинству речных уток. Наиболее обычный чирок-свистунок длиной не более 40 см, вес 200—400 г. Чирок-трескунок несколько крупнее, длина около 40 см, вес изредка превышает 0,5 кг. Однако многие охотники ценят эти виды за вкусовые качества (особенно выделяют осенних птиц). Относительно высокая численность (свыше 1 млн. свистунов, около 1 млн. трескунов), широкое распространение позволяют считать у нас чирков важным объектом спортивной охоты.

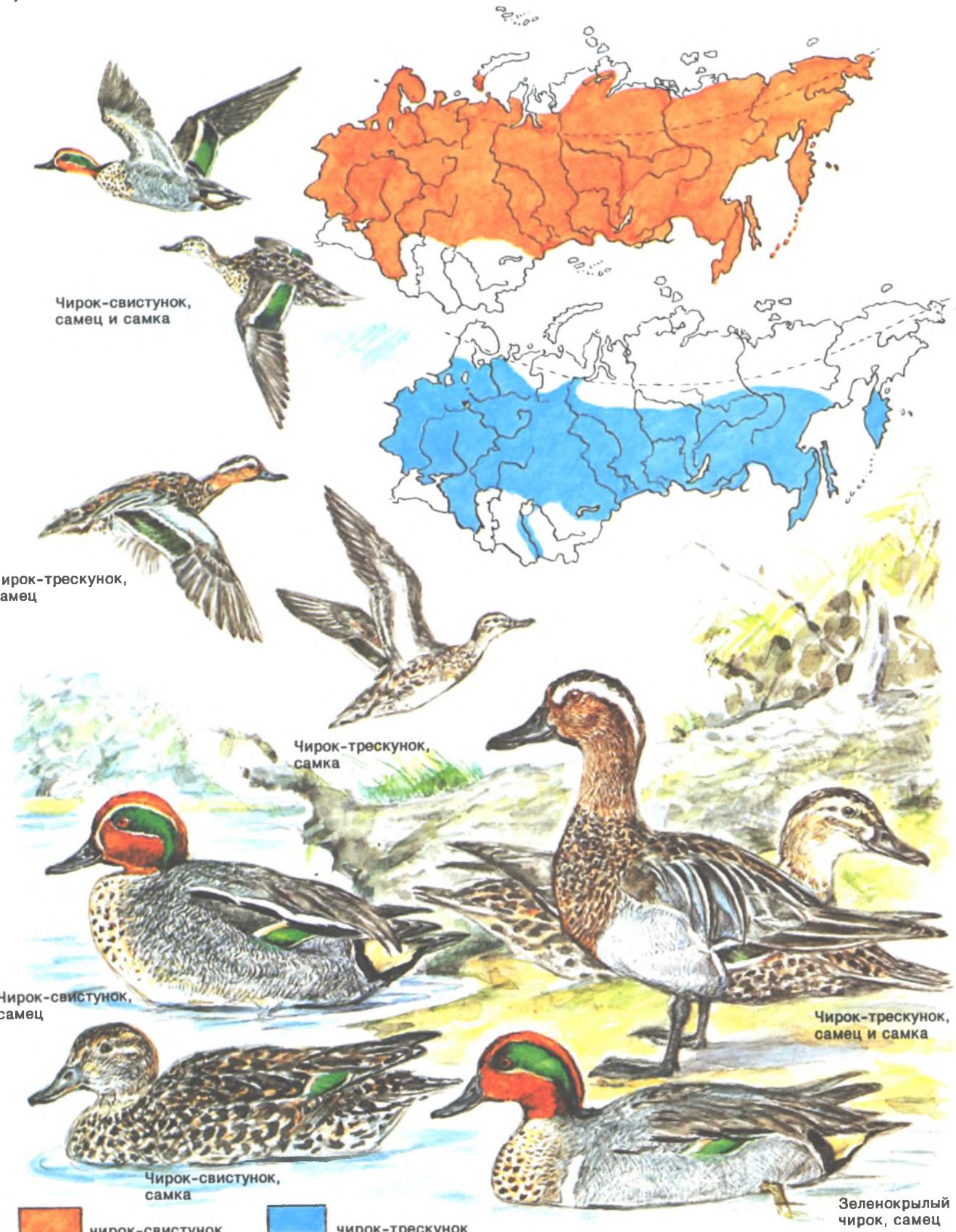
В брачном пере отличить селезней достаточно легко. У трескунка заметна широкая белая надглазничная полоса, отделяющая темную шапочку от коричневатого, с продольной белой штриховкой оперения щек и шеи. На подбородке темное пятно, на зобе бурый чешуйчатый рисунок, переходящий на груди в поперечную полосатость, образующую четкую границу с белым оперением брюха. Верхние кроющие крыла серо-сизые. Зеркальце тускло-зеленое, окаймленное сверху и снизу белой полосой. Характерны удлиненные плечевые, сизо-голубые перья с белой наствольной полосой и темным внутренним опахалом, свисающие в виде косиц поверх сложенного крыла. Спинная сторона и хвост буроватые. Клюв черный, лапы серые, радужина бурая.

Селезень свистунка весной окрашен ярче. По рыжевато-коричневому оперению головы, от основания клюва к глазу идет белая полоска, которая здесь раздваивается на подглазничную и надглазничную порции. Они окаймляют заглазничную зону темного, с зеленым металлическим отливом, оперения, которое, достигая затылка, образует заметный темно-синий свисающий хохол. На светло-охристом оперении груди темные каплевидные пятна, не создающие резкой границы с беловатым оперением брюха. Верх спины, бока тела серые со струйчатым рисунком. Подхвостье черное со светло-охристым пятном по бокам. Зеркальце с ярким металлическим зеленым блеском, с темной зоной, примыкающей к первостепенным маховым. Окаймляющая его сверху белая плоска часто с охристо-каштановым налетом. Крайние наружные плечевые перья белые или светло-охристые с черным верхом наружного опахала, образуют у сидящего селезня характерную черно-белую полосу вдоль боков. Клюв черный, лапы серо-оливковые, радужина бурая. Труднее различить уток и линяющих селезней, сходных по оперению с буровато-пестрыми самками. Стержни первостепенных маховых у трескунка светлые, у свистунка темные. Зеркальца у самок чирка-свистунка такие же, как у самцов, — яркие, с зеленым металлическим отливом. У самки трескунка зеркальце бурое, почти без блеска, оперение головы контрастное, с боку у основания клюва светлое пятно, темная продольная полоса идет от вершины клюва через глаз, другая менее яркая — от угла рта по щеке.

На восток Чукотки залетает и, возможно, гнездится американский зеленокрылый чирок, то выделяемый орнитологами в отдельный вид, то сводимый в подвид чирка-свистунка. От селезня последнего зеленокрылый чирок отличается менее развитой белой окантовкой темно-зеленой зоны на голове, наличием белой поперечной полосы по бокам зоба, отсутствием белой полосы вдоль боков тела. Самки трудно различимы. Сведения о гнездовании, залетах и добыче зеленокрылых чирков в России представляют большой научный интерес.

Особенности гнездования свистунка и трескунка во многом схожи. Различия касаются тока, что отчасти нашло отражение в названиях этих птиц, области распространения (свистунок продвинул значительное севернее трескунка), деталей окраски пуховиков и т. д. В кладке обоих видов обычно 8—10 беловато-кремовых яиц. Гнездо, расположенное чаще на земле, хорошо укрыто, характерен пух. Инкубация 21—23 дня. Птенцы становятся на крыло через 4—5 недель после выклева. В питании обоих видов значительна доля животных кормов. Оба вида перелетны, причем трескунок дальний мигрант. На зимовках в странах Европы, Африки, Азии образуют большие скопления.

В. ШИШКИН

FERLACH

Genossenschaft der Büchsenmachermeister reg.Gen.m.b.H.
A-9170 Ferlach/Austria, Waagplatz 6
Tel. +43-(0)4227/2903 und 2251, Telefax +43-(0)4227/3714
Internet: www.ferlacherjagdwaffen.at genossenschaft, e-mail: Josef.Krauner@aon.at

Ferlacher
Jagdwaffen

С 1560 года город Ферлах (Австрия) поставляет охотниче оружие для всех европейских королевских дворов. Кайзер Фердинанд I покровительствовал городу Ферлаху и живущим там оружейникам и способствовал превращению Ферлаха в самую известную оружейную мастерскую Европы.

В 1628 году эрцгерцог Леопольд V приказал построить оружейные мастерские для производства изысканных ружей с колесным затвором.

В конце XIX века в Ферлахе открыто самое известное оружейное училище в мире, где изготавливались богато украшенные единичные экземпляры.

Товарищество ферлахских оружейников, основанное в 1884 году, производит заготовки для всех основных частей оружия. Оружейники из Ферлаха изготавливают оружие вручную, по любому заказу и пожеланию охотника. Каждый из 15 оружейников имеет свой стиль. Они производят оружие под патроны любого калибра с любым сочетанием стволов.

Винтовка "Караванкен", штуцера "Каринтия" и "2000" - новое поколение ферлахских охотничьих ружей.

Россия, 107245, Москва,
Каланчевская ул. 21/40,
Гост. "Ленинградская",
Офис 201, Тел.: (095) 975-11-90,
975-38-32; факс: (095) 975-33-39,
E-mail: expbmos@orc.ru

AUSTRIA